

Леонид Гурченко

СЛАВЯНО-РУССКИЕ ДРЕВНОСТИ
В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
И «НЕБЕСНОЕ» ГОСУДАРСТВО ПЛАТОНА

Леонид Гурченко

**Славяно-русские древности
в «Слове о полке Игореве» и
«небесное» государство Платона**

«Алисторус»

2015

Гурченко Л. А.

Славяно-русские древности в «Слове о полке Игореве»
и «небесное» государство Платона / Л. А. Гурченко —
«Алисторус», 2015

Книга посвящена актуальной проблеме – раскрытию смысла русских древностей в виде мифологических образов и речений, не всегда поддающихся толкованию без учёта множества важных нюансов, среди которых: контекст, метод перестановки звуков, языческие символы в качестве заместителей библейских образов и др. Книга знакомит читателя с новым прочтением текста памятника, со своим взглядом на личность создателя «Слова» и Бояна. Автор уверяет, что содержанием Русского мира была воля к власти рода Ярославичей, полочан – Всеславичей и рода северян – Ольговичей, и что автор памятника отдал предпочтение монархистам Ольговичам, ибо само солнце было за них: «Солнце светится на небеси – Игорь князь в Русской земле». В разделе «Экскурсы» читатель встретит новые, заслуживающие внимания сведения о венетах, славянах и русах. Л. А. Гурченко – член Общества исследователей древнерусской литературы при Институте мировой литературы им. Горького; автор публикаций в научных изданиях ВАК: в сборнике «Герменевтика древнерусской литературы», «Вестнике славянских культур» (2012–2013 гг.); автор книги «Геракл – праотец славян...» (2012 г.) и поэтического сборника «Первоначальная новизна. То, как есть – в стихах и прозе» (2008 г.).

© Гурченко Л. А., 2015

© Алисторус, 2015

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	8
1. СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТЪСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА. ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ ПАМЯТНИКА	8
2. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЬГОВА. ПЕРЕВОД ПАМЯТНИКА НА СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК[78] КОММЕНТАРИЙ	63
Часть вторая	83
Глава 1	84
Глава 2	92
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Леонид Александрович Гурченко
Славяно-русские древности
в «Слове о полку Игореве» и
«небесное» государство Платона

Автор книги выражает глубокую признательность Сергею Сергеевичу Курникову, президенту и владельцу строительной компании, помощь и поддержка которого сделали возможным выход в свет данной книги.

© Гурченко Л. А., 2015

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга включает древнерусский текст, организованный мной в форме богослужебного канона в виду того, что ритмический стиль произведения, как средство выражения смысла, очевиден в числе изобразительных приёмов автора «Слова о полку Игореве». Тем более, что ритмы памятника легко укладываются в строфы произведений оригинальной древнерусской гимнографии XI–XII вв., которые наряду со стихотворными византийскими, вполне могли быть доступны автору. Книга включает также перевод «Слова», комментарий, исследование о Бояне, и по-новому ставит проблему авторства этого памятника. Она может представлять интерес прежде всего для специалистов в области славянских и русских древностей, и для читателей, интересующихся указанными проблемами. И не в последнюю очередь рассчитана на недавно ещё, 10–15 лет назад, малочисленную аудиторию консервативных революционеров. Империалистов, старательно осваивающих Основные принципы динамического консерватизма: не отвергая новое, в том числе технику как новое бытие, они видят сюжет основного мифа – борьбу титанов и богов или, другими словами, борьбу Громовержца со змеем. И приветствуют исход этой борьбы – Бог (а не боги) возвращается. А с ним должно вернуться, во-первых, традиционное социальное устройство общества, а во-вторых, политика, как внутренняя, так и внешняя, оснащённая эстетикой и мудростью. Та самая «красота», которая «спасет мир». Однако следует учитывать, что красота – это каноны, а они безжалостны как заповеди. Потребовалось 200 лет накопления знаний об этом памятнике, с 1800 г., когда он был издан впервые, чтобы удалось понять в нём самое простое с точки зрения того времени, которое в нём присутствует, но которое в силу отсутствия утратило всякий интерес к поздним притязателям на истовый смысл многих предложений текста.

Оказавшись, таким образом, наедине со своими догадками, исследователи, и так, просто любители, но многие, оставляя вне поля зрения метафорический способ автора высказывать свои идеи, вынуждены совершать ошибки, как это свойственно фантазёрам, попадающим в орбиту реального дела. И всё сводится к тому, что виноват памятник – в нём много не только «тёмных мест», но и таких, которые будто бы дают право говорить о его подделке. Наконец-то дышать стало намного легче после того, как А. А. Зализняк в своём фундаментальном исследовании проблемы подлинности памятника («Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста». М.: Языки славянской культуры, 2004) превратил всю эту вероломную «мерзость в золото». Во время перевода древнего текста я поставил задачу: не включать в текст ничего, кроме того, систему знаний о памятнике как последнее слово. И если в некоторых что в нём написано, и включить смысловую сорону языка слов в случаях написание слов и выражений искажено в процессе рукописного размножения памятника, то в ответ можно сказать, что переводчик делает свою работу не только в присутствии этих рухнувших слов, на месте которых образовалось «темное место», но под руинами искажений присутствуют подлинные слова и выражения, тем более, что это не всегда искажения, а неправильно вычитываемые слова, и они обвинят нас и будут обвинять, пока существует памятник.

Эти слова – воздух, отбираемый нами от текста, если мы не уразумеем их смысл. Однако правда в том, что я не специалист в тех областях науки, методами которых добываются знания о древних письменных памятниках – я не историк и не филолог. На деле я юрист, занятый практической работой: сначала следователь, затем юрист в организации. А по избранию – современный поэт, сторонник интеллектуальной поэзии или «дальномерного реализма», как я называю этот стиль, – создавший три новых метода стихосложения: первый основан на принципе атональной музыки или додекафонии, когда стихотворная строфа строится на основе 12 различных стихотворных стоп, второй на принципе золотого сечения, третий – на принципе дихотомии. И все-таки вся правда в том, что я сначала вступил в правильные отношения

со «Словом о полку Игореве» после того, как сам и до конца прочел древний текст, а также несколько переводов и исследований текста – меня охватило негодование: иметь такое крупное произведение, созданное человеком XII в. и такую в нем информацию, созданную историей, а не отдельно взятым человеком, и подвергать это не только риску подделки, но и оптическому обману неточного зрения, попадающего на каждом шагу в силки идеологий! Это же не «Влесова книга» Лядского как Миролюбова – и на кой ляд! – разве только для слабоумных.

Многие авторы переводов и исследований не испытали, должно быть, на себе давления текста конечной величины, их переводы и пояснения не до конца соответствуют тексту, даже у такого лучшего из переводчиков и комментаторов как В. И. Стеллецкий. Так и осталось в застойном положении содержание некоторых ключевых слов и выражений. К примеру, во всех переводах остался Боян, выпускающий 10 соколов на стадо лебедей, и которую лебедь настигнет сокол, «та первая песнь слагает» (!) какому-нибудь князю, или вариант: ударенная соколом лебедь песнь поёт тому или другому князю. И этот абсурд никого не задевает и не подвергается анализу естественной логики. В тексте же все с точностью до наоборот: жребии соколами бросали другие лица, не Боян, и тот сокол, который первым настигал лебедь, он и брал жребий на песню тому князю, от имени которого его бросали на лебедей. Пела в этом случае не лебедь, а те, кому было положено петь песню князю во время такой соколиной охоты. Боян же, наоборот, «пел» кому хотел, по собственному выбору, но не тем князьям, которые перечислены в этом случае, за исключением «старого Ярослава».

Еще одна неувязка с Бояном и автором. Сам автор, преклоняясь перед Бояном, говорит, что ему не под силу такой размах мысли и охват древних и новых событий, как у Бояна. И в то же время в текстах переводов автор дает советы Бояну как начать эту повесть, если бы за дело взялся он сам. В действительности автор говорит, что если бы поход Игоря воспел Боян, будь он его современником, то у него получилось бы это намного лучше, чем у самого автора, так как он, кроме всего, хорошо знал те края, куда Игорь отправился на половцев. И далее идут не советы Бояну, а стиль самого автора при описании начала похода Игоря: «Не буря соколов занесла через поля широкие...» и т. д. Кочует из текста в текст переводов выражение, что Всеслав Полоцкий «лукавством опершись о коней, скакнул к граду Киеву». На самом деле здесь имеет место быть совсем другое, хотя лукавство присутствует. Однако проявил его в этом случае не Всеслав, а братья Ярославичи – Изяслав, Святослав и Всеволод во время междоусобного противостояния Всеславу. Они хитростью заманили его в шатер Изяслава, арестовали там и под стражей доставили в Киев, где посадили его в тюрьму.

Вот так Всеслав косым скачком «скакнул к граду Киеву». Поэтому он «оперся» не на коней, на которых не опираются, а садятся на них, а «подпрься» (подперся) в конце («окони») противостояния Ярославичам лукавством этих братьев-князей, поверил им, что они не сделают ему зла, если он придет к ним и войдет в шатер Изяслава. И многое другое, о чем см. отдельные статьи в тексте Комментария.

В книгу вошли материалы по русским древностям, имеющие косвенное отношение к «Слову о полку Игореве», под заголовком «Экскурсы»: о прическе Святослава «Древние русы стриглись под фракийцев», о надписи князя Глеба на Тмутороканском камне, дискуссия с Б. А. Рыбаковым, «Тмутороканский камень», о Семаргле в пантеоне Владимира, под которым есть основания подразумевать Геракла – это в тексте сочинения «Уснувшие боги» и «Збручский обелиск, Геракл, Митра-Хорс, две русские клятвы», и «Клички Ярослава Мудрого», которые интересны тем, что дефицит знания о норманнском происхождении первых русских князей имеет место и в кличках Ярослава. При попытке решения проблемы происхождения названия русь, я решал её с учётом традиции отождествления ославяненных рогов как русов, особенно успешно поддержанной историками А. В. Назаренко и А. Г. Кузьминым

Л. А. Гурченко, 2003–2010 гг.

Часть первая

ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ ПАМЯТНИКА В ФОРМЕ КАНОНА, ПЕРЕВОД НА СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК, КОММЕНТАРИЙ

1. СЛОВО О ПЛЪКУ ИГОРЕВЕ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТЬСЛАВЛЯ, ВНУКА ОЛЬГОВА. ДРЕВНЕРУССКИЙ ТЕКСТ ПАМЯТНИКА

ВСТУПЛЕНИЕ

Не лепо ли ны¹, бяшет, братие,
начати старыми словесы
трудных повестий² о плъку Игореве,
Игоря Святъславлича?

Начати же ся тѣи песни
по былинам сего времени,
а не по замышлению Бояню.
Боян бо вещии,
Аще кому хотяще песнь творити,
то растекашется мыслию по Древу³,
серым вълком по земли,
шизым орлом под облакы.

Помняшеть бо речь —
първых времен усобице⁴,

¹ Не лепо ли ны... – Лепо – здесь в значении «подобает», то есть соответствует принятым правилам, нормам. Ср.: «Яко Тебе лепо слава, честь и държава». Вариант: «Емоу же (Христу) подобаеъ всяка слава, честь и държава» (Успенский сборник, 1971. Стб. 203а 29–32; Стб. 145 г 29–31). В переводе предпочтение отдано близкому по смыслу слову «должно» в значении «следует, необходимо», с целью сохранения ритмической организации подлинника.

² ...начати старыми словесы трудных повестий. – Повести – в данном случае «поучения». «Но о законе Моисеемъ данеємъ и о благодати и истине Христомъ бывшии повесть си есть» (Молдован, 1984. С. 79. Стб. 170а; Срезневский, 1863. Т. 2. – Стлб. 108–109). Начало «Слова о полку Игореве» производит впечатление намёка на слова евангелиста Луки в начале его повествования о Христе: «Понеже оубо мнози начаша чинити повесть о известованных в нас вещех... изволися и мне... порядку писати тебе, державный (достопочтенный) Феофиле» (Лк., 1, 1–3). Выходит, что автор принялся за своё «Слово» об Игоре после того, как уже начали составлять повествования о знаменитом походе Игоря на половцев, подражая, по смыслу слов автора, известному какому-то сочинению «мудрого Бояна» на другую тему русской истории, в котором содержались христианские поучения и наставления. Об этом сочинении можно судить по рассказам Ипатьевской и Лаврентьевской летописей о походе Игоря, в которых имеются поучения и наставления, но не актуализированы междукняжеские отношения, часто служившие причиной нападения половцев на Русскую землю.

³ Боян бо вещии, аще кому хотяще песнь творити, то растекашется мыслию по древу. – См. комментарий № 10.

⁴ Помняшеть бо речь. – Речь – звучащий, устный язык. Однако в данном предложении полонизм (?) из лат. res – «вещь, предмет, дело (дела), война, битва» (ср.: русск. «быть в деле» – «быть в сражении»). В древнерусских текстах Нового Завета речь – «вина, обвинение». Украинское річ – «вещь, предмет, дело». В белорусском то же: «И был у него коморником, и будучи

тогда пушашеть
10 соколов на стадо лебедеи,
который дотечаше, та предипесь пояше⁵
старому Ярославу, храброму Мстиславу,
иже зареза Редедю
пред пълкы косожьскими,
красному Романови Святъславличю.

Ббян же, братие, не 10 соколов
на стадо лебедеи пушаше,
нъ своя вещиа пръсты
на живая струны въскладаша,
они же сами князем славу рокотаху.

ПЕСНЬ 1

Почнем же, братие,
повесть сию от стараго Владимира
до нынешняго Игоря,
иже истягну́мь крепостию своею,
и поостри́ сердца своего мужеством⁶,
наплънився ратнаго духа,
наведё своя храбрыя плькы
наземлю Половецкую
заземлю Руськую.

Тогда Игорьъ
възре на светлое солнце и виде:
от него тьмою вся своя вои прикрыты.
И рече Игорьъ
к дружине своей:
«Братие и дружино!
луцежь бы побътату быти,
неже полонену быти.

А всядем, братие, на свои бръзыя ко́мони,
да побърим Синего Дону». —
Спала́князю умь похоти,

в коморе, каждую реч чудне а (и) рядне панскую ховал и справовал» (ПСРЛ, 1980. С. 94). В др. – евр. *dabar* – «слово, речь, дело, деяние». В др. – греч. *logos* – «слово, речь, дело, разум».

⁵ Та преди песь пояше... – Пояше – аорист (прош. вр.) от гл. ять («взять»), но не от гл. петь.

⁶ Иже истягну умь крепостию своею, и поостри сердца своего мужеством. Истягну – от истягнути, но не в значении «вытянуть, растянуть», (перен. «протянуть, простереть»), а в значении «воздержаться, победить, одолеть». Ср.: «...да быхом ся востягнули от злых дел» («чтобы мы воздержались от злых дел») (ПЛДР, 1978. С. 232); «Стягнув тело твое воздержанием и чистотою...» («препоясав» – «победив» тело) (Миней, 1910. Л. ЧА об.). Умь – притяж. форма. Принадлежащее уму свойство: мыслительная способность, разум, образ мыслей, смысл, здравый смысл. Поостри – «возбудил, поощрил» (Срезневский, 1863. Т. 2). Близкое по смыслу выражение: «...в сердце отточены порывы духа» (ЛДВ, 1984. № 8. С. 54).

и жалость ему зѣнаиение заступи⁷, —
искусити Дону Великаго.
«Хошу бо, рече, копиеприломити
конец поля Половецкаго с вами, русичи⁸,
хошу главу свою приложити,
а любо испити шеломомъ Дону». —

О Бояне, солѡвию стараго времени!
абы ты сиа плѣкы ущекотал⁹,
скача, славию, по мыслену Древу,
летая умом под облакы,
свивая славы обѡполы сего времени,
рища в тропу Трѡянню чрес поля на́горы¹⁰, —

⁷ И жалость ему знамение заступи... – Жалость – досада, негодование. «...И саддукеи, жаляще си, за еже оучити им люди...» («...И саддукеи, досаждая на то, что они учат народ...») (Деян. 4, 1–2). «Да како жаль ми бяшетъ на Игоря, тако ныне жалую большы по Игорю, брате моем» («Как досадовал я раньше на Игоря, так теперь печалюсь больше по Игорю, брате моем») (Ипатьевская летопись. Стб. 645).

⁸ Русиц(ч)и – дети Руса (такая форма слова только в этом памятнике). Форма слова образована по модели: патронимическая основа (Рус) + патронимический суффикс – ич-; ср.: кривичи, радимичи. Родоначальником русичей, Русом, выступает здесь Владимир I, Креститель Руси. Поэтому русичи – это русские князья-христиане, а также аристократы-дружинники, тоже христиане. В тексте памятника им противостоят «дети бесовы» – язычники-половцы, «поганы». То, что Владимир считался родоначальником русских князей, отмечено как скандинавскими, так и русскими источниками (Пашуто, 1968. С. 306. № 20). Ср.: «Началника благочестью, и проповедника вере, и княземъ рустимъ верховнаго (Святого Владимира) днь(с) рустии собори шедьшеся въсхвалимъ» (Словарь, 1989. С. 268 («верховный»); «...братия князи руския, гнездо есми князя Владимира Киевскаго, иже изведе нас от страсти (от смерти) еллинския (языческой), ему же открыл Господь познати православную (веру)...» (Сказание, 1980. Л. 15, 15 об.). В древнерусских источниках слово «**русь**» рассматривалось как социальный термин, обозначающий правящую элиту (Об управлении, 1991. Комментарий. С. 296–305). Восстанавливаемое имя Рус из сущ. «русичи», отнесенно, на наш взгляд, к Владимиру I. Оно эпонимически независимо от существовавшего, возможно, уже в начале X в. эпонима Рус, так как сам автор говорит, что ограничивает повествование «от старого Владимира до нынешнего Игоря». Более древние времена он исключает, помимо славянской мифологии. См. далее о Дажьбожьем внуке.

⁹ О Бояне, соловью стараго времени! абы ты сиа плѣкы ущекотал... – Др. – русск. щекоть – «пение» (соловья); щеколати – «петь» (Фасмер М. Т. 4). Однако: «Соловии... правоверия стьльть (и) утврждение, мудре... инокомъ слава, божественныхъ святитель седало, певая яви ся Христа въ веку» (Словарь-справочник, 1978. С. 194). Соловей мудр, «ум божественный», возвещает славу на будущие времена. Отсюда наш перевод: ущекотал – «прославил». Но соловей увязан также со столпом и утверждением истины, с правоверием (православием). Поэтому Боян-соловей – это не певец-сказитель, а священнослужитель, причем высшего ранга. Ср.: «с соловьем русский эпос соединял понятие о существе вещем»; «высший же над жрецы Славянъ Богомилъ, сладкоречия ради наречень Соловей» (Словарь-справочник, 1978. С. 194).

¹⁰ Скача славию по мыслену древу... рища в тропу Трояню чрес поля на горы. – Это выражение связано с предыдущим «растекашется мыслию по древу». В том и другом случае представлен образ Древа жизни. Мысленное – воображаемое. Однако мысленный – это не только относящийся к воображению, но также «умственный, духовный» (Срезневский, 1863. Т. 2). Ср.: «великим оучителем благоверию и православной вере мысленаго языка» (выделено мной. – Л. Г.). Далее «мысленный язык» выступает как «святой язык»: «и варварский си соуровии языкъ в языкъ свять своим потыщанием преложи» (Житие Климента Охридского // Лавров, 1930. С. 193, 195). Мысленное Древо – это Древо жизни или Древо жизненное, живоносное, Древо райское: «Изведем его (Адама. – Л. Г.) да не простер роукоу свою, прикоснется древа жизни и яд жив боудеть в веку» (Словарь XI–XIV вв. Т. III. С. 79). Существует очевидная взаимосвязь между символом Древа жизни, Крестом, на котором был распят Христос, а также самим Христом и «Святой землей» как «высшим миром», что соответствует «земному раю», представляющему собой точку отсчета христианской традиции, включающей в себя и русскую традицию. Ср.: «Спасение содея посреде земля Христе Боже, на Кресте пречистей руце Свои простер, собирая вся языки, вопиющая Господи слава Тебе» (Тропарь, читаемый в пост // Часовник, 1635–1831. С. К = 20). «Живоносное възрости древо честное (Крест. – Л. Г.), яве Иисуса Спаса и Господа» (Словарь XI–XIV вв. Т. III. С. 81). В Слове о законе и благодати: Илариона: «Ибо вера благодатная по всей земле простерлась, и до нашего языка русского дошла»; «Ты же (Владимир Святой) с бабою твоею Ольгою принес Крест от Нового Иерусалима – из Константинополя» (пер. наш) (Слово о законе и благодати. 18061–5; 191a21). Существенно, что в «Слове о погибели Русской земли» «Святая земля» и «Русская земля» в их смысловом значении сближены, хотя там нет термина «Святая земля». Однако в выражении «О светло светлая и красно украшенная земля Русская... о правоверная вера христианская!» – присутствует их тесное сходство. Но это не всё. Мы настаиваем, что образ «мысленного древа» как Древа жизни, а на самом деле как образ Христа, автор «Слова» унаследовал из Священного писания, из книги Бытия и Апокалипсиса, и богослужебных текстов – источников основной терминологии Древа жизни. В этой связи стоит сослаться на библейские и богослужебные тесты, а также на современную автору «Слова» практику изображения Распятия на Западе. «И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево

пети было песь Игоре,е,

жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2, 9). «Побеждающему дам вкушать от древа жизни, которое посреди рая Божия»; «Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город (Небесный Иерусалим. – Л. Г.) воротами» (Апок. 2, 7; 22, 14). Святые Отцы сравнивают «дерево жизни» с Крестом Христовым, который называют «новым живоносным деревом» (Полный православный, Т. I. 1992. Стлб. 773). «На животворящем древе вися... смертию смерть разрушил еси» (Молитва Святого Великого Василия). «Тебе величаем Богородице вопиюще, радуясь желе, от негоже безсемене Бога прозябла еси, разрушившаго деревом смерть» (Крестобогородичен // Часовник, 1635–1831. С. Ч = 90 об.). «Готовися, Вифлиеме, отверзися всем, Едеме, красуйся, Евфрафо, яко древо живота в вертепе процвете от Девы: рай бо Оноя чрево явися мысленный, в немже Божественный сад, от негоже ядше, живи будем, не якоже Адам умрем. Христос рождается прежде падший возставити образ» (Предпразднество Рождества Христова. Трпарь, глас 4). «Древо животное, мысленный истинный виноград, на Кресте висит, всем источая нетление» (Воскресный Октоих). «Днесь Древо явися, днесь род еврейский погине, днесь верными цари вера является, и Адам древа ради испаде, и паки Древом демони вострепеташа: всесильне Господи, слава Тебе» (Служба Воздвижению Креста Господня. Воздвижение / Лестовка). «Таин еси, Богородице, рай, невозделанно возрастивший Христа, имже Крестное живоносное на земли насадися древо. Тем ныне возносиму, поклоняющася ему, Тя величаем» (Канон Креста. Песнь 9. Ирмос). «Креста силе поклонимся: яко древо в раи смерть прозябе, сие же жизнь процвете, безгрешного имуще пригвожденна Господа» (Стихира самогласная Честнаго Креста, глас 5). С XII в. крест нередко на Западе (полагаем, что знали о таком кресте не только на Западе. – Л. Г.) имел вид сделанного не из брусьев, а из дерева в его натуральном виде, с ветвями. По сторонам Распятого в ветвях помещались пророки со свитками, в корне дерева – Моисей (Барсов, 1993. С. 835). Вывод. Сам Христос и Его Животворящий крест – «мысленное дерево» и образ Ветхозаветной и Новой Священной истории. Что касается известного мнения, что в предложении «растекается мыслию по древу» говорится о процессе поэтического творчества, о древе поэзии, а «мысленное дерево» – это древо познания (чего? – не сказано), образ сообщения между «твердью небесной» и «твердью земной», якобы в таком качестве встречающееся в сказаниях многих народов (В. Ф. Ржига, В. И. Стеллецкий) – такое мнение следует списать на счёт интеллектуальной наивности некоторых исследователей «Слова». Они полагают, что если опустят упоминание о наиболее известном образе Древа жизни, представленном в книге Бытия, а также в Апокалипсисе и в богослужебных текстах, то и самого события Священной истории не будет. Как, например, наивно полагают, по замечанию великого лингвиста О. Н. Трубачева, многие исследователи этногенеза славян: нет текстов ранее VI в., нет истории славян как славян, считая, что они были спрятаны внутри других этносов – фракийцев ли, иллирийцев, даков или скифов. Таким образом, Боян в образе соловья, который «правоверия столп и утверждение, воспевая Христа во веки», «скакал» мыслию по Древу Священной и Русской истории, «свивая» обе стороны славы, традицию и современность, когда создавал Похвальное слово князьям. Мы уверены, что имеем дошедшее «Слово» Бояна, которое известно истории древнерусской литературы (см. в статье № 76 настоящего Комментария «Святослав»). В связи с этим признанное «белкой» (др. – русск. диалек. – мысь) растекался Боян по Древу вместо мыслию (мышлением, духом) – неприемлемо, так как и при втором упоминании Древа есть Боян, соловьем скачущий «по мысленному Древу»; вместе с ним подразумеваются орел – «летая умом под облака» (как орел) и волк – «рища в тропу Трояню» (как волк), но нет белки, она даже не подразумевается. Рища в тропу Трояню. – Имя Трояня четыре раза встречается в тексте памятника в связи с различными обстоятельствами. При этом его имя создаёт с размахом мифологический фон и драматизирует события настоящего. Это – «тропа Трояня», «вечи Трояня» (сечи Трояня, см. далее, № 24), «земля Трояня», «седьмой век Трояня». Я отстаиваю свою мысль, что Троян тождествен первому человеку и царю в Скифской земле Таргитаю-Гераклу. И не только потому, что это находит подтверждение в замечании Д. С. Раевского о том, что этот персонаж имеет двойную природу: он и первый человек и божество, входящее в пантеон (Раевский, 1988. С. 447), и не потому, что в русской мифологии он выступает под именем Утрия Трояня – «Первоначального Трояня» (подробнее см. коммент. № 59), но и потому, что эта позиция не имеет опровержения в источниках о Геракле. Троян – возможно эпитет Таргитаю-Геракла. В Хронике Иоанна Малалы, известной на Руси в переводе второй половины XI в., сообщается, что «зверовидного Иракла (Геракла) нарицають Тримрачна», что тот первый показал в северных странах мудрость. Его обрисовывают в львиной шкуре ходящего, имеет палицу и держит три яблока (добытые у Гесперида). Он одолев три части злых похотей: гневливости, златолюбие и блуд (три яблока говорят об этих его трех победах над собой) (Творогов, 1979. С. 24). Мысль о том, что Троян тождествен Таргитаю-Гераклу, является производной от характеристики Геракла в источниках: Тримрачный, держит три яблока, одолев три злых похоти. Микенское происхождение Геракла в настоящее время доказано. В микенских текстах Геракл выступает под эпитетом «Тригерой» (Казанский, 1989. С. 56). Добавим к этому, что Геракл, как и Таргитай, отец трёх сыновей (Агафирса, Гелона и Скифа). Кстати, в украинском языке отец трёх сыновей-близнецов называется «трояном» (Соколова, 1990. С. 340; 357, № 124). С этой точки зрения, гомеровский «властелин могучий Трос» – Троян, так как им «дарованы свету три знаменитые сына: Ил, Ассарак, Ганимед». От «породы и крови» Троса герой Троянской войны Эней (II. XX, 230–232). В греческой традиции Геракл покровитель воинов и защитник территории страны (Нер. II, 44; V, 63; VI, 116; VII, 176). Спартанец Леонид, герой сражения в Фермопилах, потомок Геракла (Нер. VII, 204). У румын гром связывается с именем Трояня; курганы и высокие холмы называются «могилами Трояня»; древние валы, как и у славян, называются трояновыми (Соколова, 1990. С. 345, 346). В русской традиции за Трояном-Гераклом закреплены сходные функции, если при этом учесть, что «тропа Трояня», «земля Трояня», «вечи (сечи) Трояня» и «седьмой век Трояня» (см. соответствующие комментарии) упомянуты в связи с битвами Игоря с половцами и междоусобными битвами за Киевский престол Олега Святославича и Всеслава Полоцкого. Наиболее подходящее понятие о тропе Трояня, на наш взгляд, заключено в исследовании Ю. В. Болтрик «Сухопутные коммуникации Скифии» (Болтрик, 1990. С. 30–43). На основании этого исследования мы делаем вывод о «строении реальности» – о тропе Трояня, которую следует искать среди скифских сухопутных путей: из Киева «через поля на горы» – по степи к Приазовской возвышенности. И далее к Таврским горам Керченского полуострова, через который был сухопутный путь в Тмуторокань, через Керченский пролив, в землю Тмутороканского княжества, цель похода Игоря. В XI в. земли Тмутороканского княжества распространялись до низовьев Дона.

того <Олга > внуку¹¹.

ПЕСНЬ 2

Не буря соколы
занесе чрез поля широкая,
гáлицы стады бежать к Дону Великому —
чили воспети было,
вещей Бóяне, Велесовь внуче!¹²

¹¹ Пети было песь Игореву, того (Олга) внуку. – Указательное местоимение того требует Олега из заглавия произведения, как поставлено первыми издателями, а не Велеса из последующего текста, как полагали И. М. Кудрявцев, Д. С. Лихачев и В. И. Стеллецкий (Стеллецкий, 1981. С. 242): слово «того» не «догоняет» Велеса в конце предложения. Однако нельзя поставить и «того (Трояна) внуку», как это сделали Вс. Миллер, А. Г. Кузьмин, А. Ю. Чернов и Г. Карпунин, несмотря на то, что «грамматически другого смысла быть не может» (Вс. Миллер) (Соколова, 1990. С. 347, № 81), – сопротивляется контекст произведения и его заглавие, так как Игорь из рода бльговичей, он пошёл «поискать града Тмutorоканя» – Тмutorоканское княжество, принадлежавшее ранее его деду Олегу Святославичу. При этом, «Земля Трояна» – Скифия, в данном случае Левобережная Скифия до Таврских гор в восточной части Крыма, входившей в начальный период в состав Киевской Руси. Игорь вознамерился изгнать половцев с этой земли и присоединить её к Русской земле. В этом смысле «земля Трояна» и «Русская земля» оказались смежными объектами, подлежащими объединению. Игорь выступил в качестве «приемника» своего деда, Олега Тмutorоканского, которому принадлежала «Земля Трояна», поэтому он пошёл «поискать» Тмutorоканское княжество, которое при Олеге распространялось до Низовьев Дона, стремясь объединить бывшие едиными земли.

¹² Чили воспети было, вещей Бояне, Велесов внуче! Чили (др. – инд. cilli) – «порода хищных птиц»; индоарийск. *cili – «орел»; русск. чиле – «орел» (Трубачев, 1981. С. 117, 118); чилижник (арханг.) – «ястреб мелкой породы» (Фасмер М. Т. 4). В тексте подразумевается, возможно, крупный сокол-сапсан. Фраза со словом «чили» – параллель к предыдущей фразе (о Бояне): «Пети было песь Игореву, того (Ольга) внуку». – Образы птиц – соколы вместо русских воинов, галки вместо половцев и вброн вместо половца, трескотанье сорок как половецкая речь – требуют также образа птицы вместо имени Игоря, но птицы сильной. Ср.: *cilь – сербохорв. чил, – а, -о; вост. – лужицк. cily – «крепкий, сильный, бодрый» (Этимологический словарь, 1977. С. 112). Но если признать слово чили как частицу чи (чи ли) со значением «разве», «неужели»; как разделительный союз «или»; как соединительный союз «или», – то во всех этих случаях слово чили внесёт разлад в содержание отношения автора к Бояну: появляется очевидное расхождение между представленным методом Бояна начинать издали, «растекаясь мыслию по Древу», причем отношение к Бояну благоговейное, – и решимостью автора давать ему советы. Тогда получается, что автор советует Бояну, как он должен был начать хвалу Игорю, если бы он взялся за дело. Однако данная ситуация едва ли соответствует реальности, тем более что в первой части предложения представлены соколы (русские князья), которые гонят стада галок (половцев) к Дону Великому, – главный – Игорь, крупный сокол-сапсан («чили»). Вещей Бояне, Велесов внуче (в др. – русск. сын) – Косвенно обозначена неизвестная по другим источникам функция Велеса как покровителя красноречия и поэзии, которая выявляет дополнительное его сходство с фракийско-греческим Гермесом и римским Меркурием. Ср.: «Меркурий, красноречивый внук Атланта... изобретатель изогнутой лиры»; viri Mercuriales («люди Меркурия») – поэты (Гораций, 1909. IV. Меркурий. XIX. Словарь. С. 39). В славянской мифологии Велес (Волос) выступает как божество с многозначными функциями, но чаще всего он соотносён со «скотом» («скотий бог») как покровитель домашних животных и бог богатства, а также с золотом. Сходные функции у Гермеса (Меркурия): «Четвероногие все да пребудут под властью Гермеса!»; «...тебе дам я // Посох прекрасный богатства и счастья – трилистный, из золота» (Гомеровы гимны. К Гермесу, 1990. 529, 571). Тем не менее, отношение Гермеса – а тем самым и Велеса – к слову более определённо выявлено в Новом Завете, в Деяниях Святых апостолов. Павел и Варнава «удалились в Ликаонские города Листру и Дервию и в окрестности их, и там благовествовали... Народ же, увидев, что сделал Павел (исцелил хромого на обе ноги от рождения. – Л. Г.), возвысил свой голос, говоря по-ликаонски: боги в образе человеческом сошли к нам. И называли Варнаву Зевсом, а Павла Ермием (Гермесом. – Л. Г.), потому что он начальствовал в слове» (Деян., 14, 6–12). Именно Боян-Иларион, создатель «Слова о законе и благодати», «начальствовал в слове» русского богословия. «Слово о полку Игореве» написано в связи с событиями политической и общественной жизни, поэтому обращение к именам русской мифологии было проявлением учёности автора, однако он избегает «всего опасного», не упоминает культов этих божеств, чтобы, как говорил Григорий Назианзин (Григорий Богослов. – IV в.), «не восставлять тварь против Творца». Пользуется в мифологии тем, «что удобно для жизни и наслаждения, избегая всего опасного», как советовал Григорий (Пуцко, 1975. С. 332). Исчерпывающим примером использования «плотности энергии», заключённой в мифологизированных предметах и явлениях природы, является таинственное наречение Иисусом Христом имён трём апостолам во время назначения двенадцати апостолов: «Поставил Симона, нарекиши ему имя Петр (камень. – Л. Г.); Иакова Заведеева и Иоанна, брата Иакова, нарекиши им имена Воанергес, то есть «сыны громовы» (Мк., 3, 13–17). Но в данном случае выражение «Боян, Велесов внуче» не в такой степени характеризует Бояна в отношении поэтического дарования, а выделяет намёк на мотив «взвешивания душ умерших», чтобы измерить их истинные заслуги, мотив, отмечаемый у Архангела Михаила параллельно с образами языческих религиозных систем, особенно с Меркурием-Гермесом, и, следовательно, со славянским Велесом. Этот мотив можно интерпретировать в связи с событием: «В лето

Кóмони ржуть за Сýлою,
звенить слава в Кыеве,
трубы трубятъ в Новеграде,
стоять стязи в Путивле,
Игорь ждет мила брата Всеволода.

И рече ему
Буй-Тур Всеволод:
«Один брат, один свет светлый
ты, Игорю,
оба есве Святъславличя.

Седлай, брате,
свои бръзьи кóмони,
а мои ти готови,
оседлани у Курьска —
на́переди.
А мои ти куряни
сведоми к̑мети¹³,

6552 (1044 г.). Выкопали из могил двух князей, Ярополка и Олега, сыновей Свтослава (то есть дядей Ярослава Мудрого. — Л. Г.), и окрестили кости их, и положили их в церкви Святой Богородицы» («Повесть временных лет»). Этот загадочный и неприемлемый обряд крещения костей умерших язычников в действующем на ту пору православном христианстве был совершён в то время, когда во главе Киевской Руси стоял Ярослав Мудрый, а его любимец Иларион, будущий митрополит киевский, русин, был пресвитером в церкви Святых Апостолов в княжеском селе Берестове. И не в его ли обязанности входило «взвешивание на весах» душ погибших князей — язычников? Известна, например, легенда VI в. о святом папе Григории Великом и «самом справедливом государе» императоре Траяне. Святой папа Григорий, убеждённый в справедливости Траяна, велел разрыть его гробницу. «Разрывши её, нашли, что всё тело императора обратилось в прах, кроме языка, что ясно свидетельствовало о его справедливости. Тогда святой папа помолился о Траяне, и тогда душа его была освобождена от адских мучений и введена в рай». Этот эпизод отражен Данте в «Божественной комедии», в «Чистилище» и в «Рае». Возможно сам факт крещения костей язычников, дядей Ярослава, послужило одной из причин смещения Илариона с митрополичьей кафедры после смерти Ярослава в 1054 г. («поставил Ярослав Илариона митрополитом, русина» — в 1051 г.), когда эту кафедру занял грек, и собор Святой Софии был освящён заново, а имя Илариона подлежало запрету. Поэтому автор «Слова о полку Игореве» называл его, по-видимому, родовым именем — Боян. (См. текст о «Земле Бояна» в гл. о Бояне наст. изд.). Наиболее интересна в плане аналогии Архангела Михаила с образами-символами Меркурия-Гермеса, а значит и с образом Велеса, для расшифровки смысла выражения «Боян, Велесов внуче» — «резная гемма (первые годы правления императора Константина), изображающая Архангела Михаила с классическими атрибутами Меркурия — каудей и крылатый Пегас (связь со словом, поэзией. — Л. Г.) (<http://www.sumbolarium.ru/index>). В Ветхом завете Архангел Михаил выступает как князь еврейского народа, «князь великий, стоящий за сынов народа» (Дан. 12, 1). Митрополит Иларион = Боян — предводитель и заступник «сынов народа» — христиан. Как предстоящий перед троном (Бога) Архангел Михаил является одновременно ангелом-писцом, заносящим имена праведников в книгу, а также ангелом-хранителем таинственных писем, и среди них — магических слов, которыми были сотворены небеса и земля (Кн. Еноха, 60, 12). Митрополит Иларион, предстоящий перед троном Ярослава, составил вместе с ним Номоконон и создал «Слово о законе и благодати» (См. гл. о Бояне в наст. изд.).

¹³ А мои ти куряни сведоми к̑мети... ищучи себе чти, а князю славе. — Чтобы узнать, кто такие были русские кмети, следует начать с фракийских гетайров и с косезов у альпийских словен. Гетайры — это крестьяне-воины, окружавшие фракийских царей, которых они называли «друзьями». «Прежде всего — это военная дружина вождя, преданная ему и сражающаяся под его руководством; гетайры участвуют в совместных трапезах, охраняют труп погибшего товарища и отдают последние почести усопшему» (Златковская, 1971. С. 106, 201). Косезы альпийских словен — это близкий к князю привилегированный слой «крестьян-воинов». Они обладали наследственным правом «принимать» и утверждать от имени «страны» её нового властителя, принимая участие в особой церемонии возведения на престол нового князя, которая существовала уже в середине VIII в. Родословие альпийских словен возводят к венецам. Косезы избирали «лучших» и «мудрейших» из своей среды. Наиболее уважаемый среди избранных руководил церемонией. Он, сидя на камне на поле, ожидал, когда будущий правитель явится в крестьянской одежде на поле. После этого он задавал сидевшим вокруг него косезам-соприсяжникам ритуальные вопросы о качествах будущего князя. Косезы отвечали, одобряя нового князя. Затем они сажали нового князя на лошадь и трижды обводили вокруг камня. Участники и зрители, мужчины и женщины, восхваляли бога в ритуальных гимнах. Затем крестьянин на камне уступал место князю. Как видим, в словенском ритуале князя сажали на камень, что камень в этом случае служил как бы столом, престолом, сидением. Однако для того, чтобы лучше

под трубами повити,
 под шеломы възлелеяны,
 конец копия въскрѣмлени,
 пути им ведоми,
 яруги им знаеми,
 луци у них напяржени,
 тули отворени,
 сабли изьбсрени,
 сами скачуть
 акы серьи вльци в поле,
 ищучи себе чти,
 а князю славе».

почувствовать его связь с древнерусским обычаем возведения на престол нового правителя в начале христианства на Руси, вспомним выражения о вокняжении: (князь) «сел на столе» (Летопись), о самом правлении: «Владимир на столе» (надпись на сребренниках Владимира), – это реальная связь между словенским и русским обычаями, так как русского князя сажали в буквальном смысле на стол в церкви, где совершалось возведение на престол нового князя. Только в одном случае «поклонный» камень в поле, в другом стол в христианском храме. Объяснений не нужно, достаточно самоочевидной истины, тем более, что др. – русск. столъ «престол, сидение». Но для нашей темы самый любопытный факт заключается в том, что с установлением в Каринтии в IX в. франко-баварской власти, «принятые» и утверждённые таким образом от имени «страны» словенские («венетские») князья сохраняли привилегию появляться при дворе императора в той же крестьянской одежде и «серой славянской шапке, в которых они были возведены на престол (Ронин, Иванов, 1989. С. 167; 173, 174). Византийский историк второй половины X в. Лев Диакон сохранил от времени в своей «Истории» связь Святослава Игоревича и его соратников-товарищей с «венетским» обычаем возведения на престол нового правителя, – крестьянскую одежду Святослава и его «друзей» во время встречи с императором Цимисхием. – «Одеяние его было белым и отличалось от одежды его приближённых только чистотой. Сидя в ладье на скамье для гребцов, он поговорил немного с государем об условиях мира и уехал». При этом надо знать, что термин «приближённые» – это приблизительный перевод восстановленного в подлиннике греческого термина *hetairois* «соратник, товарищ» (Лев Диакон, 1988. С. 82; 213, № 57). Можно считать доказанным, что «приближённые» Святослава – это те самые «гетайры», крестьяне-воины фракийских царей, которых они называли «друзьями», а также косезы, крестьяне-воины альпийских словен, непосредственно подчинённые князю. Но что такое древнерусские кѣмети, может быть это те же самые гетайры или косезы, царские и княжеские «соратники, товарищи», крестьяне-воины? И. Г. Добродомов в своём исследовании «Происхождение и значение слова кѣметь в «Слове о полку Игореве» даёт твёрдый ответ: для «древнерусской семантики общеславянского социального термина к ѣ м е т ъ» следует «признать в качестве исходной семантики «крестьянин» (Добродомов, 2004. С. 17, 19). Когда Всеволод говорит Игорю, что его кмети-«волки» «под трубами повиты, под шеломами взлелеяны, концом копья вскормлены, пути им ведоми, яруги знаеми», что они ищут себе чести, а князю славы, – ясно, речь идёт не о войске князя, а только о кметех, крестьянах-воинах, непосредственно подчинённых князю. Они знали его качества и составляли его совет, название которого нам не известно. Однако и само слово к ѣ м е т ъ вышло из древнерусского употребления в конце XII в. (Добродомов, 2004. С. 21). Поэтому неудивительно, что в тексте Льва Диакона о Святославе обращает на себя внимание термин «комент», близкий по звучанию к слову кѣметь. Он применён к «совету знати», созванному Святославом перед решительной битвой с византийцами в июле 971 г. – «На следующий день на рассвете Сфендослав созвал совет знати, который на их языке носит название «комент». – Этот термин возводят к латинскому *conventus*, признавая, однако, что после VIII в. он перестал употребляться в значении сходка (Лев Диакон, 1988. С. 212, № 41)... ищучи себе чти, а князю славе. – Эта формула имеет, по всей видимости, славяно-германские истоки. По свидетельствам специалистов в области языкознания, археологии и антропологии, «после индусов и иранцев наиболее приближаются друг к другу цивилизации славян и тевтонов. У них есть общие слова для обозначения золота, серебра и соли... И что многозначительнее всего, так это то, что продажность считалась постыдной» (Тейлор, 1897. С. 190). (Внимание! Украинцы после XV–XVI вв. в отношении продажности – не в счёт! Это новый исторический архетип. – Л. Г.). Хорошим примером для подтверждения славяно-германских истоков указанной формулы являются сведения римского историка Тацита о германцах: «Выйти живым из боя, в котором пал вождь, – бесчестье и позор на всю жизнь; защищать его, оберегать, совершать доблестные деяния, помышлять только о его славе, – первейшая их обязанность: вожди сражаются ради победы, дружинники – за своего вождя» (Тас. Germ., 14).

Архангел Михаил с деяниями. Начало XV в. Прп. Андрей Рублев. Москва. Архангельский собор Московского Кремля

ПЕСНЬ 3

Тогда выступи Игорь князь
в злат стремя,
и поеха по чистому полю;
солнце ему тьмою
путь заступаше,
нощь, стонуши ему грозою,
птичь убуди свист звѣрин —
Вьста зби Див,
кличет врѣху древа,
велит послушати зѣмли незнаеме:
Вльзе, и Поморию, и Посулию,
и Сурожу, и Корсуню,
и тебе, Тьматороканский бльван¹⁴.

¹⁴ Нощь, стонуши ему грозою, птичь убуди свист зверин – вьста зби Див, кличет врѣху древа, велит послушати земли незнаеме: Вльзе, и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе Тьматороканский бльван. Птичь, – прилагательное м. р., ед. ч., им. п. «птичий». «И привязана выи орлы, и рече: тебе глаголю цесарю птичь, иди съ мирьмъ съдравъ» (Успенский сб. 3г7). Тьма солнечного затмения на закате солнца птичий возбудила свист = крик (рѣв, рык) звериный. Ср. былинное: «закричал» – «свистнул» (Соловей-Разбойник). С этих пор, как нам удалось правильно разбить на слова древнерусский текст, нетрудно составить мнение о Диве как о былинном Соловье-Разбойнике, наводящем ужас. Лаврентьевская летопись об этом солнечном затмении сообщает: «Месяца мая въ 1 день на память святаго пророка Иеремия, в среду на вечерни, бы знаменье въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звезды видети, человекомъ въ очю яко зелено баше, и въ солнци учинися яко месяц, из рогъ его яко угль жаровъ исходяше: страшно бе видети человекомъ знаменье Божье» (ПлДР. XII век. С. 366). «Солнечное затмение произошло 1 мая 1185 г. в «первом часу ночи», что соответствует нынешним 17 часам (знамение было в 16 час. 48 мин по астрономическому времени). Это время начала вечерней службы в храме, точнее – «утрени», поскольку ею начинались новые сутки – отсюда и «первый час» (Ужанков, 2009. С. 274). Синтаксис текста первых издателей в этом отрывке нами изменён, хотя он существует без изменений во всех переводах памятника и нарушает интонационно-смысловое единство. Обычно существительное «свист» («крик», «рѣв», «рык») соединяют с определением «зверинъ», но из прилагательного «птичь» (птичий) производят существительное мн. ч. «птиц»: «Ночь птиц пробудила; свист («рѣв», «рык») звериный в стада их сбил». – Но в действительности ситуация оказалась другая: «Ночь... птичий возбудила свист (крик) звериный – встал близ Див (видение, ужас, чудо), кличет верху древа...» – Что же всё-таки представляет собой див в наших глазах, исходя из ситуации, представленной автором «Слова»? О том, что див – возможно филин, могут свидетельствовать западнославянские формы, обозначающие сову и филина, хотя у филологов – это мифические существа, связанные с лесом, как, например, чешск. *divu muh*, *diva hena*, польск. *dzivia hona*, сербо-лужицк. *dziwja hona*, *dziwica* (Мифы, 1987. С. 377). Ср.: лат. *strix bubo* – «филин» (сова + филин-самец); *bos femina* – «корова» (бык + самка). Особый интерес представляет церк. – слав. обозначение филина «нощный врань» (Пс. 101, 7). В мифологических представлениях народов Европы ворон фигурирует в описаниях битв, предвещает гибель героев, является демоническим персонажем. Однако «абсолютным синонимом к праславянскому *Divъ* является праславянское *Вогъ*». Дивий – «божественный», «не принадлежащий человеку». Дивий мед = Божий мед (Мартынов, 1981. С. 22). Однако необычайное чудо и ужас в церковно-учительном сочинении Иоанна Экзарха Болгарского (X в.), в «Слове на Вознесенье Господне» в составе Успенского сборника (XII–XIII вв.), обозначено существительным м. р. ед. ч. дивь: «и яко зряще беша на небо идущу ему (Христу), чудо и ужас апостолом прибыс(тъ), сомертени бо естеством суще и не обыкоше тацех видов» (видений. – Л. Г.). Далее: «чудо и то (Преображение Господне. – Л. Г.), див же и се (Вознесение Господне; выделено нами. – Л. Г.), – определяет Иоанн (Успенский сб., 263в 6–13, 24). Здесь див = ужас, видение. Заслуживает внимания и пример из Жития Св. Стефана, епископа Сурожского (XV в.): «Св. Стефан предстал перед ним (князем Бравлином) в видении («в ужасе») и сказал: если не крестишься в церкви моей, то не выйдешь отсюда» (Карташев, 1993. С. 64–65). Помогает признать обнаруженное нами в древнерусской письменности соответствие между словами: див – чудо – видение – вид – ужас, что эти слова синонимы, и такой пример: «и съложи (Иеремия) кошь глаголя сею съде дондеже Господь отъиметь отъ мене оужасъ» (видение, вид, чудо, див разрушенного и опустошённого вавилонянами Иерусалима) (Успенский сб. 2а16–18). В «Похвале о четверодневном Лазаре» Андрея Критского в составе Успенского сборника эквивалентом чуда воскрешения Лазаря и евангельских чудес является диво в форме существительного ср. р. местн. пад. дивеси: «яко же и о инех чудесех, преити величеством дивеси» (Успенский сб., 223г32, 224а1–3). Однако оно близко по содержанию слову див = ужас Иоанна Экзарха. Ср. лат. *divinus* [divus] относящееся не к богам, а к обожевлённым, одно из значений которого «богоподобный, чудесный» как вызывающий страх и ужас (Дворецкий, 1976. С. 342–343). Это даёт подход к содержанию слова див и значению его в контексте памятника. В оборотах речи, связанных в «Слове о полку Игореве» с именем дива, войском Игоря во время солнечного затмения и нападением половцев на Русскую землю после поражения Игоря («по Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнездо... уже врѣжеса дивъ на землю») налицо семантическое преобразование слов вследствие метафорического переосмысления реальных и нереальных образов, лежащих в основе этих оборотов речи. Выстраивается синонимический ряд: див – войско Игоря – половецкое войско – див. В контексте Слова эти компоненты являются взаимозаменяемыми: ужас – войско Игоря – половецкое войско – ужас. Див как филин пугач, когда он завывает и рассыпается хохотом, наводит ужас. Но видение-див всё-таки предстаёт как метафора войска Игоря

во время солнечного затмения, «ночью», иначе пришлось бы допустить, что большой ушастый филин пугач составил для Игоря план покорения Половецкой степи – Поморья, Посулия, Сурожа, Корсуня и что-то имеет против Тмутороканского болвана, языческого идола – велит ему покориться. И от «кликанья» образа видения во время солнечного затмения половцы пришли в ужас – тогда как филин не кликает-кричит, а ухает, завывает и хохочет. Но с другой стороны можно сказать, что мог быть и конкретный филин-див в исходе метафоры. Тем не менее, на деле это войско Игоря издавало боевые клики, которые навели ужас на половцев и они «неготовыми дорогами» ринулись бежать к Дону Великому. Подобные события хорошо известны русским летописям. Так, в Лаврентьевской летописи под 1107 годом читаем: «идоша на половци к Лубну, и в третий час дня бродишася чрес Сулу, и кликнуша на них. Половци ужасошася... побегоша» (выделено нами. – Л. Г.). В той же летописи под 1176 годом: «и поидоша Мтиславичи кличючи, яко пожрети хотяще» (Словарь, 1991. С. 218). И так, войско Игоря «кликнуша» на половцев, они «ужасошася, побегоша». Кричат лебеди распуганные, но не лебеди – скрипят телеги бегущих половцев. Аналогия к диву: кликающий див – клики войска Игоря, кричащие лебеди – скрип половецких телег. После поражения Игоря тьма свет покрыла, по Русской земле простёрлись половцы как пардужье гнездо, накинута хула на хвалу, ударила нужда на волю, свергнулся ужас-див на землю. Это показывает, что компоненты синонимического ряда, обозначающего ужас, взаимозаменяемы в контексте памятника: див – войско Игоря – половецкое войско – див. И равноценно: ужас – войско Игоря – половецкое войско – ужас. К этим сведениям следует отнести и своеобразные черты греческого понятия κῦδος (ужас, чудо), выявленные Э. Бенвенистом. «Основное значение κῦδος было столь сильным, что оно всегда прослеживается даже во множестве фигуральных употреблений. Это значение безусловно было магическим по происхождению... Кῦδος действует как волшебство: обеспечивает триумф воину или воинскому стану, которому Зевс его присудил... κῦδος... обозначает магический атрибут, обеспечивающий победу. Предопределённость, заложенная в κῦδος, его огромное и мгновенное воздействие, смятение, которое оно вызывает среди врагов, делает этимологическое сопоставление со славянским иудо приемлемым» (Бенвенист, 1995. С. 282, 283). Вста. – Ср. аналогичную форму глагола в предложении: «И вста град на град» (Шахматов, 1916. С. 368). Зби. – (В тексте первых издателей «зби» является второй частью непонятого слова «встазби»), читают зби(ся): подняться, взобраться наверх, сбиться в стаи, в стада. Но в 1950 г. В. Ф. Ржигя предложил вместо непонятого в данной ситуации «зби» чтение «близ»: свист зверин вста близ... Близ – это однословный предлог в значении обстоятельства места, соотносится с наречием. В качестве отдельно взятого слова, предлог выделяется в значении пространственной и временной ориентации (Энциклопедия. Русский язык. М., 1997. С. 370, стлб. 1) Предложенный Ржигой вариант чтения – «встазби» = «всталь близь» – обладает очевидным смыслом и вытекает непосредственно из текста (далее применён наш синтаксис и перевод рассматриваемых предложений): солнце войску Игоря тьмою путь заступило, пробудился птичий свист-крик, звериный встал близ вид бога, кличет вверх дерева. – Отметим, что предложенный вариант имеет непосредственную связь с реальным текстом рукописи 1648 г., «представляющей собой список «Жития Антония Сийского», в котором учёный увидел непонятное «стазби», но оказалось, что это не «стазби», а «ста близь», написанное слитно с надстрочной буквой з (земля), причём л и і можно принять вместе за и» (Словарь-справочник, 1961. С. 113). Но Б. М. Гаспарова в этом варианте чтения настораживает «радикальное изменение текста и в то же время (текст) даёт толкование, никак не связанное с поэтической семантикой данного эпизода» (Гаспаров, 2000. С. 173, 174). Однако это мнение не вызывает взаимного отклика. Наоборот: ведь изменение текста допущено Ржигой не по воззрению, а по факту, толкование, как было сказано, как раз связано «с поэтической семантикой данного эпизода». Див кличет врѣху древа, велит послушати... – Это третье упоминание Древа жизненного, но в данном контексте – это Древо христианской Руси. В ситуации похода русичей-христиан (только в контексте «христиане» возможно употребление отчужденной формы «русичи») на язычников-половцев, не звериный вид бога, не образ видения, представшего половцам, а войско Игоря издало устрашающий клик, «яко пожрети хотяще», повелевая разуть и покориться языческому народу половцев на Волге, в Поморье, Посулие, Суроже, Корсуне-Херсонесе и в Тмуторокане. Именно в этом клике отражён смысл торжественной песни на всенощной накануне дня Рождества Христова: «С нами Бог, разумеите языки и покоряйтеся, услышите даже до последних земли, яко с нами Бог». Как в описанном случае с дивом, так и здесь налицо семантическое преобразование слов вследствие метафорического переосмысления реальных и нереальных образов, лежащих в основе этих оборотов речи. Позвоительно поэтому сослаться на принцип семантической реконструкции, пользуясь которым мы должны проводить чёткое различие между «значением» как отнесением слова к предмету и «смыслом» – «различием между обозначением и значением» (Бенвенист, 1995. С. 12; 29). Только с этой точки зрения оправдано обращение Дива (образа видения «видом бога») с вершины Древа к языческому идолу в Тмуторокане с призывом повиноваться, и противопоставление «детей бесовых» – половцев и «храбрых русичей» – христиан, а также противопоставление языческой тьмы – половцев христианскому свету – Русской земле: «Не рече на Каяле тьма свет покрыла: по Русской земли прострошася Половци...» Послушати – слушать, внимать; согласиться; послушаться, последовать совету; повиноваться (Срезневский. Т. II. Стлб. 1240). Земли незнаме (земле незнаемой). – Земле чуждой, неродственной, враждебной, непризнаваемой. Ср.: знания (мн.) – «знакомые, родственники»; знати – «признавать, положительно относиться к кому-либо» (Словарь, 1990. С. 399, 400). Этот термин имеет решающее значение при попытке определить, на чьей стороне Див. В данной ситуации он не на стороне половцев, а против них: кликнула дружина Игоря во время солнечного затмения – половцы ужаснулись и побежали. [Див велит повиноваться] влѣзе, и по морию, и по Сулию, и Сурожу [Крым], и Корсуню [Херсонес, Крым]. – Названы области и города Левобережной Скифии, включая крымские города, которыми владела Русь в древности и спорила за власть над ними (крымскими городами) с Византией со времен первых Киевских князей (Пашуто, 1968. С. 58). Русь не признавала власти половцев над этими областями и городами, так как не считала половцев ни «знакомыми», ни «родственниками», – это народ был пришлый, поэтому чуждый. Тмутороканский бльван. – Реалистическая позиция относительно божества, подразумеваемого под тмутороканским болваном (идолом), заключается, видимо, в том, что под этим божеством следует подразумевать алано-гуннского Куара, сопоставляемого в литературе с названием солнца у иранцев, имевшего также грозные функции (Васильев, 1989. С. 135, 138). «В центре религиозных верований «царства гуннов» находилась вера в бога Куара, имя которого основательно сопоставляется с иранским словом хуар – солнце. Однако Куар был в представлении гуннов Варачана

А половци
неготовами дорогами
побегоша к Дону Великому,
крычат телеги полунощи,
рци, лебеди распущени¹⁵;
Игорь к Дону вои ведет.
Уже бо беды его
пасет птицъ подобию,
вльци грбзу въсрбжат¹⁶ по яругам,
орли клетком на кости
звери зовут,
лисици брешут
на чръленыя щиты.

Припев. О Руская зёмле,
уже за Шелбмянем еси!¹⁷

Дльго ночь мркнет,
заря свет запала,
мъгла поля покрыла,
щекот славий успе,
говор галичь убуди.

Русичи
великая поля
чръленами щиты
прегородиша,
ищучи себе чти,
а князю славы.

ПЕСНЬ 4

С зарания в пятк

не только Солнцем, но и богом-громовержцем» (Гадло, 1979. С. 146). В соответствии с известием о Куаре, содержащимся в «Истории страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци, «преданный сатане, народ этот» служил богу Куару, «огромному и безобразному». Его ипостасью был, как считают, бог Тангри-хан, которого персы называли Аспандиат (Каланкатуаци, 1984. С. 124; Гадло, 1979. С. 146).

¹⁵ Крычат телеги полунощи, рци, лебеди распущени. – Распущени – здесь в значении «распуганные». В то же время у этого слова имеется значение «разведенные, разлученные». «Книги распустыня» – разводное письмо жене (Апракос, 1983. Стб. 53 в. С. 16). В таком же значении встречено в Новгородских берестяных грамотах.

¹⁶ Игорь к Дону вои ведет. Уже бо беды его пасет птицъ подобию; вльци грозу въсрбжат по яругам... —Птицъ (пътиць). – Существительное мн. ч. род. п. «Солнца не вижю пътиць небесныхъ не вижю» (Успенский сб., 68в12).Подобию. – Существительное ср. ед. дат. «Яко бо каяждо по ряду ихъ, и по подобию песни же ихъ и слава велика» (Успенский сб., 289б7).Подобный. – Похожий, подходящий, пригодный. От по и дба. – Дба «время, пора», белорусск. дба «физиономия, нрав» (Фасмер, Т. IV. С. 298; Т. I. С. 519). Поэтому буквальный перевод: «беды его пасёт птиц нрав по своему подобию» (по своей природе).Въсрбжат. – Ср.: польск. srożyć, включающее понятия от «угрожать» до «воздвигать». Здесь это слово с приставкой.

¹⁷ О Руская земле! Уже за Шеломьянем еси. – Дружины князей (Русская земля) во главе с Игорем за Змиевы валы (?) продвинулись. Шеломян – в том числе и вал (В. Даль).

потопташа
поганяя плъкы половецкыя,
и рассушыся стрелами по полю,
помчаша красныя девкы половецкыя.
А с ними злато и паволокы,
и драгыя оксамиты.

Орьтьма́ми и япончи́цами, и кожухы́
начаша мосты мостити по болотом
и грязивым местом,
и всякими узорочьи половецкыми;
чрьлен стяг, бела хорюговъ,
чрьлена чолка, сребрено стружие¹⁸ —
храброму Святъславличу.

Дремлет в поле
Ольгово храброе гнездо,
далече залетело;
не было нъ обиде порождено,
ни соколу, ни кречету, ни тебе,
чрьный ворон, поганый полбвчине.

Гзак бежит
серым вльком,
Кончак ему след правит
к Дону Великому¹⁹.

ПЕСНЬ 5

Другаго дни велми́ рано
кровавыя зори свет поведают,
чрьныя тучя с моря идут,
хотят прикрыти 4 солнца,
а в них трепещут синии мльнии²⁰,

¹⁸ Сребрено стружие. – Термин включает в себя принцип многозначности: это не только копье, но и «род жезла (скипетра), трости, посоха» (Словарь-справочник, 1978. С. 239). Кроме того, боевое копье с древком, изготовленным из серебра, не встречено в источниках. Поэтому здесь стружие – это скипетр, как и в дальнейшем, в сюжете, связанном со Всеславом Полоцким («дотчеся стружием злата стола Киевскаго»).

¹⁹ Гзак бежит серым вльком; Кончак ему след правит к Дону Великому. – Правити – «направлять, управлять» (Срезневский, 1863. Т. 2). Кончак ведет Гзак с Днестра на Дон, против полков Игоря. Существовало два половецких объединения, Приднепровское и Донское – Белая и Черная Кумания. Днепроовские половцы кочевали зимой близ Дуная, а в апреле – мае возвращались на Днепр (Плетнева, 1988. С. 30; Литаврин, 1980. С. 105). Из текста о походе Игоря видно, что Игорь не знал о возвращении днепровских половцев с Балкан. Кончак был ханом донских половцев, Гзак – днепровских, которых Кончак призвал на помощь против полков Игоря.

²⁰ А в них трепещут синии мльнии... – В литературных памятниках ортодоксальной традиции цвет молнии – синий (голубой), что отразилось в эзотерической литературе нового времени: «голубое сияние, схожее со вспышкой молнии» (Беме, 1996. С. 135). «Синий» родственно «сиять» (Фасмер М. Т. 3), однако в «синих молниях» просматривается связь с цветом потусторонних (загробных) предметов (см. далее «синее вино»), что свидетельствует о «двойных» свойствах молнии – убивающих и дающих жизнь.

быти грому великому,
итти дождю стрелами
с Дону Великаго.

Ту ся копием приламати,
ту ся саблям потручяти
о шеломы половецкыя,
на реце на Каяле, у Дону Великаго²¹.

Припев. О Руская зѣмле,
уже не <за> Шелбмянем еси!
Се ветри, Стрибожи внуци²²,
веют с моря стрелами
на плъкы Игоревы;
земля тутнет, реки мутно текут,
пѣроси поля прикрывают, стязи глаголют:
половци ѣдут от Дона, и ѡт моря,
и от всех стран, —
рускыя плъкы оступиша.

²¹ На реце на Каяле, у Дону Великаго. — Большинство исследователей согласны, что Каяла в «Слове» и в Ипатьевской летописи — это не географическое название, а мифологический символ, элемент сакральной топографии, как река Туони в «Калевале», река забвения Лета у греков. Каяла связана со смертью и посмертным судом, «каанием» (Словарь-справочник, 1967. С. 170, 180; Мифы, 1988. С. 374 и след. — «река»).

²² Се ветри, Стрибожи внуци... — Стрибог — бог ветров, четвёртое лицо в языческом пантеоне Владимира (до Крещения Руси): Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семаргл, Мокошь. Стрибог — Святой Дух(?). Предполагается заимствование из др. — иранск. *Sribaga — «возвышенный бог», ср. с др. — инд. Crisomadevas — «возвышенный бог Сомы» (Фасмер, Т. 3). В индоиранской религии бог ветра Вайу (Вата) наделен также чертами божества войны, победы и удачи, он связан с богом войны Индрой, а также с авестийским Саэнта-Манью, — «высший среди творений той своей частью, что от Святого Духа» (Авеста, 1998. С. 430, 460; «Яшт»: 1.33). В то же время наличествуют некоторые признаки совпадения в определенном отношении индоиранск. sri и славянск. стри — как родственных слов. Др. — русск. стрый, а также стръи (отсюда диалект. новг. Стробожь) — «дядя по отцу». Однако прасл. *stryjъ и родственное литовск. strijus («дед») (Фасмер, Т. 3). В таком случае выстраивается такое отношение родства трёх божеств в языческом пантеоне Владимира: Стрибог (Святой Дух — ветер) — отец Дажьбога (Солнца) и дед Перуна — творца молний. Эти данные находят соответствие в теории Вяч. Вс. Иванова и В. Топорова, что «Стрибог из индоевропейского *pr̥t-ei-deiwo* — «отец-бог», с развитием первого элемента по тому же типу, что др. — русск. стрый — «дядя по отцу», «брат отца», при лат. *patruus* и замене второго элемента на *bog-» (Мифы, 1988. С. 471). В этом смысле возникает уверенность, что Стрибог — Дух-демиург, Святой Дух, олицетворение созидательной мощи и благой сущности Творца, с которым Стрибог, возможно, мог отождествляться. Таким образом, в понятие троичного божества в славянской религии должен быть включен Перун как высший бог, «один из богов — создатель молнии — именно он есть единый владыка всего» (Прокопий Кесарийский. VI в.), бог-кузнец, «изготовитель молний», громовержец — победитель змея (Гиндин, Цымбурский, 1991. С. 221. Статья № 70); Сварог-Гешет (Ипатьевская летопись, 1114 г.) — одна из ипостасей Перуна, которая нашла продолжение в самостоятельном божестве. Поэтому сын Сварога — «Солнце именем, егоже наричуть Дажьбог» — сын Перуна. Однако только что этимология слова «Стрибог» привела нас к заключению, что Стрибог — дед Перуна и отец Дажьбога, что Дажьбог — сын Стрибога. Выход, возможно, подсказывают мифологи, предполагая, что Стрибог мог отождествляться с Творцом, если в его лице видеть «создателя молнии, единого владыку всего» — Перуна, хотя это имя у Прокопия Кесарийского не названо. Дети Стрибога («внуки») — ветры, но по «Слову о полку Игореве» видно, что славяне различали «добрый» и «злой», ураганный, губительный ветер, наделенный воинскими функциями. Ср.: «Се ветри, Стрибожи внуци, веют с моря стрелами на храбрые плъкы Игоревы!»; «Святослав... поганого Кобыка из луку моря от железных великих плъков Половецких, яко вихрь выторже: и падеся Кобык в граде Киеве, в гряднице Святъславли» (как бы вихрем принесенный); (Веслав Полоцкий) «воззми стрикусы (возник яростным отрядом — перевод наш — тоже как бы вихрь), отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу». В последовательности божеств в пантеоне Владимира после Перуна стоит Хорс, после которого поставлен Дажьбог (существует гипотеза, теоретически обоснованная, что Хорс и Дажьбог одно божество — Хорс-Дажьбог (Васильев, 1989. С. 134, 135), но в таком случае разрушается принцип парности божеств в пантеоне), а рядом с ним Стрибог, который «в древнерусских текстах постоянно сочетается с именем Дажьбога, что дает основание противопоставлять или сближать их функции и значение» (Мифы, 1988. С. 471). Картина, полученная в результате вышеприведённых суждений, хорошо согласуется с восприятием древними славянами Стрибога как троичного божества. — «В 21 версте к юго-западу от Ростова, в с. Воронино, было, по преданию, капище Стрибога, где жрецы предсказывали будущее по внутренностям воронов, которых приносили в жертву этому богу. В селе была основана церковь Троицы» (Золотов, 1985. С. 235).

Дети бесови
кликом поля прегородиша,
а храбрии русици
преградиша чрьлеными щиты.

ПЕСНЬ 6

Яр-Тур Всеволоде!
стоиши на бброни,
прыщещи на вби стрелами,
гремлещи о шеломы
мечи харалужными²³.

Камо Тур поскбчяше,
своим златым шеломом посвечивая,
тамо лежат
поганные головы половецкыя,
поскепаны саблями каленами
шеломы оварьскыя
от тебе Яр Туре Всеволоде.

Кая рана дорога, братие,
забыв чти и живота,
и града Чрьнигова,
отня злата стола,
и своя милыя хоти,
красныя Глебовны,
свычая и обычая?

²³ ...Гремлещи о шеломы мечи харалужными... – Мечи харалужные, но сабли каленые. Харалуг – от слова «камень». Иранск. кара – «камень»; афг. кар – «скала, гора»; словенск. кар – «высота» (отсюда Карпаты) (Мурзаев, 1984. С. 591 – «Хара»2. С. 255 – «Кар»3). Сканд. saх – «меч»; верхн. – герм. sahs – «меч»; лат. saхum – «камень, жертвенный (каменный) нож». В «Слове о полку Игореве» Днепр пробил «каменные горы», а в «Задонщине» Дон – «харалужные берега». Таким образом, харалуг – это не металл меча, а эпитет меча «священный». Ср. сочетаемые др. – русск. слова с мечом: Божий, духовный (меч). «Эпитеты в древности неотъемлемы от оружия» (Одинцов, 1985. С. 109).

Геракл-Таргитай-Троян. Таргитай, поражающий чудовище топором

ПЕСНЬ 7

Были вечи <сечи> Трѡяни,
минула лета Ярѡславли²⁴,

²⁴ Были сечи Трояни, минула лета Ярославля, были плъци Олговы... – Мы восстанавливаем сечи подлинника вместо вечи первых издателей. Подлинник обозревал Н. М. Карамзин и оставил свидетельство, что там стояло сечи, а не вечи

были плъци Олговы,
 Ольга Святъславличя, —
 ты бо блег мечем крамолу коваше
 и стрелы по землі сеяше.
 Ступает в злат стремень
 в граде Тмудорокане,
 тоже звон слыша
 давний Великий Ярбславъ сын Всеволод,
 а Владимир по вся ўтра уши закладаша
 в Чернигове²⁵.
 Бориса же Вячеславлича
 слава на суд приведе,
 и на Канину
 зѣлену паполому постла²⁶,

(Щепкина, 1957. С. 91). Сечи Трояни. – Сеча, рукопашный бой, битва, или сражение холодным оружием (Даль, 1998. С. 382). Ср. в Лаврентьевской летописи о битве Ярослава и Мстислава: «бе гроза велика и сеча силна и страшна» (ПлДР, 1978. В лето 6532. С. 162). Обращает на себя внимание объединение автором мифопоэтического образа Трояна с историческими образами Ярослава Мудрого и Олега Тмудороканского по одному признаку – участие в сечах. Поэтому «лета Ярославля» – не отношение к «векам Трояня», а период правления Ярослава, в котором происходили такие значимые события как сечи, большие и сильные битвы. Кстати, если бы в подлиннике читалось не «сечи», а «вечи», то должна бы стоять правильная форма множественного числа от слова «век» – «вечи» (Соколова, 1990. С. 357, № 123). Мы знаем, что Ярослав и Олег участвовали в сечах во главе войска, будучи правителями. Однако что сохранила память русских людей о Трояне в последней четверти XII в., в качестве кого он участвовал в сечах, разгадать до сих пор не удалось. Видимо потому, что дело тут оказывается не столько в Трояне, Ярославе и Олеге, а в Игоре, в его такой рати с половцами, длившейся два с половиной дня, о которой вообще не слышано. По своей длительности и жестокости она превосходит сечи и Трояна, и Ярослава, и «плъци олговы». И всё-таки автор ничего не говорит о том, какие на самом деле события, происшедшие во времена Трояна, а затем и Ярослава, он подразумевает. Исключение сделано только для Олега в связи с тем, что его междоусобные битвы имели тяжёлые последствия для внутренней жизни Русской земли. И тем не менее, всаёт вопрос: кто был Троян? Я продолжаю настаивать, что Троян – это обожествлённый скифо-сарматский, а затем славянский Таргитай-Геракл. Только с этой точки зрения можно учесть контекст памятника и понять поэтический смысл четырёх фрагментов, в которых упоминается Троян, что не удаётся сделать с позиций существующих точек зрения. Троян – римский император Траян, русский князь Рюрик, русский князь с неизвестным именем, три брата, русские князья Кий, Щек и Хорив, город Тмудорокань (интересно, но не точно, этот город может иметь в основе имя Трояна, если он относится к «земле Трояна», но это не персонаж «Слова»), бог солнца, бог войны и ещё многое другое. Обзор гипотез о Трояне представлен в материалах Л. В. Соколовой «Троян в «Слове о полку Игореве» (Соколова, 1990. С. 325–362). Рукопашные бои, сечи, Трояна-Таргитая-Геракла запечатлены на предметах скифского прикладного искусства. Его героизированная, побеждающая врагов и чудовищ фигура, «отразилась в ряде археологических памятников – тонких штампованных золотых бляшках, найденных в различных скифских курганах (Чертомлыцком, Чмырёвом, Мелитопольском и др.), с изображениями борьбы Геракла с немейским львом». Привлекают внимание «золотые штампованные бляшки из Чертомлыцкого кургана, где изображён обнажённый герой в скифском башлыке, борющийся уже с грифоном»; в этом ряду находятся и объёмные изображения на навершиях из Слоновской Близницы – «верхняя часть человеческой фигуры, которая поражает чудовище мечом или кинжалом. На найденном в Херсонесе золотом медальоне изображение воина-скифа, борющегося с чудовищем, отождествляют с Таргитаем» (Нейхардт, 1982. С. 204–206). В связи с проблемой Трояна значительный интерес для темы: кто был Троян? – представляют следующие обстоятельства. В сообщении Прокопия Кесарийского (VI в.) о славянах сказано буквально следующее: «Ибо они считают, что один из богов – изготовитель молнии – именно он есть единый владыка всего...» Комментаторы так поясняют это место: «данное словоупотребление применительно к одному из главных славянских божеств находит соответствие с реконструированным А. Потемной славянским мифом о божестве – победителе змея» (Свод, I, 1991. С. 183; 221, № 70). Имя этого божества могло быть Троян, так как Перун, по сведениям исследователей, божество северо-западных, прибалтийских славян, и в Русской земле стал предметом культа после VI в., в период заметного проникновения на Русь славян из прибалтийских областей. Подтверждением этой гипотезы служит, с одной стороны, реконструированный А. Потемной славянский миф, в котором выявлен сюжет основного мифа: «бог-кузнец – победитель змея», а с другой – имя громовика у румын, которое они связывают с Трояном, а также название древних валов у румын и славян трояновыми или змиевыми валами.

²⁵ А Владимир по вся утра уши закладаша в Чернигове. – Закладаша – это слово в данном контексте употреблено в значении «затыкать уши, закрывать уши, стараясь не слышать чего-либо» (Словарь, 1978. С. 327). Всеволод «слышал» походы Олега и вступал с ним в борьбу, а Владимир Мономах избегал столкновений с Олегом, который был крестным отцом двух сыновей Мономаха (ПлДР, 1978. С. 413 – «Поучение Мономаха»).

²⁶ Бориса же Вячеславлича слава на суд приведе, и на Канину зелену паполому постла... Канин – небольшая речка в Черниговской области XI в. Значение этого предложения зависит от деталей княжеских съездов-судов Древней Руси, когда князья-родственники решали судьбу каждого участника съезда, сидя на одном ковре. Победенный (слабейший) считался

за обиду ђлгову, —
храбра и млада князя.

С тоя же Каялы
Святоплѣк повелея <по сече я>
отца своего
между ѹгорьскими иноходьци²⁷
ко Святѣй Софѣи к Киеву.
Тогда, при ђлзе Гориславличи,
сеяшется и растяшеть усобицами,
погибашеть жизнь Дажьдѡжа внука²⁸,

виноватым (Шахматов, 1916. С. 319; Карамзин, 1988. С. 70. Примеч. № 179. С. 78, 143). Чтобы более ясно представить себе, какой смысл имеет утверждение, что Бориса Вячеславича слава на суд, на поле сражения с князьями-родственниками, привела и зеленую паполому постлала, нужно знать, в какое время года погиб в сражении Борис на Нежатиной ниве близ реки Канин, могла ли быть тогда трава зеленой. Борис похвалялся своим геройством и был первым убит в сражении 3 (16) октября 1078 г. В это время трава не зеленая, а посохшая и желтая. Однако зеленый цвет повторен некстати и в «Задонщине»: «...Иякову лежати на зелене ковыле траве на поле Куликове...» (ПЛДР, 1981. XIV – сер. XV в. С. 104). Куликовская битва – 8 сентября 1380 г. У ковыля в это время белые, шелковистые метелки. Суд и зеленый цвет паполомы (покрывала-ковра) являются, таким образом, центральными понятиями, связанными с княжескими съездами-судами, когда участники, сидя на одном ковре, каялись друг перед другом. Цвет ковра, следовательно, был зеленым. Поэтому желтая трава в «Слове о полку Игореве» и белый ковыль в «Задонщине» – зеленые. Семантика зеленого цвета связана с «предсвятостью» и в богослужении (Топоров, 1988. Язык и культура... С. 30. № 40). В связи с тем, что далее в «Слове о полку Игореве» место этого сражения названо Каялой, как и в Ипатьевской летописи (ст. 6693 г.), мы получаем определенный намек на то, что автор – человек духовного звания, священнослужитель, так как летописная традиция и традиция данного памятника одна и та же – христианская и предложение со словом «Каяла» относится к одному и тому же сакральному языку. Каяти – осуждать, судить, исповедовать.

²⁷ С тояже Каялы Святоплѣк повелея отца своего между Угорьскими иноходьци... Мы восстанавливаем по сече я подлинника вместо повелея первых издателей, с учетом свидетельства Н. М. Карамзина (см. статью № 24 данного Комментария). По – это предлог для обозначения времени «после»; я – аорист 2-го л., ед. ч. от гл. яти («взять»). Описаны события осени 1078 г. после сражения на Нежатиной ниве под Черниговом, когда Изяслав со своим сыном Ярополком, князем Вышгородским, и Всеволодом со своим сыном Владимиром, князем Смоленским, выступили против Олега Тмутароканского и Бориса. В ходе сражения Изяслав был убит копьем в спину подосланным убийцей. По смыслу летописного текста, тело Изяслава сопровождал в Киев его сын Ярополк, в то время как Святополк в этих событиях вообще не упомянут. И все же Святополк вместо Ярополка – нельзя считать ошибкой автора. Эта замена могла основываться на существовавшем предании о Святополке, тогда как Ярополк ничем не проявил себя в Русской истории: он в течение 8-ми лет после гибели отца был князем Владимира-Волынского, а также князем Туровским, пытался восстать на Всеволода, великого князя Киевского, тот послал против него своего сына Владимира, Ярополк бежал в Польшу, вскоре вернулся, заключил мир с Владимиром, однако по пути в Звенигород был убит наемным убийцей Нерадцем 22 ноября 1086 г. Тогда как его брат Святополк «сидел на столе отца своего» Изяслава, был великим князем Киевским в течение 20-ти лет. Много, и в основном успешно, воевал с половцами. Был участником заговора князей по ослеплению Василька Теребовольского. Был инициатором княжеских съездов. Незадолго до его смерти, наступившей 16 апреля 1113 г., «было знамение в солнце» – солнечное затмение. Скончался он под Вышгородом, в Киев его тело доставили, как и его отца Изяслава, в лодье, возложили на сани и положили в церкви святого Михаила. Так же, как и по его отцу, плакали по нем бояре и дружина его вся. Эти обстоятельства и совпадения могли послужить причиной замены Ярополка на Святополка в предании о Святополке, отраженном, возможно, в «Слове о полку Игореве». Кроме этого факта, в тексте памятника есть и другое расхождение с дошедшими текстами «Повести временных лет»: там говорится, что Изяслав был похоронен в церкви Пресвятой Богородицы, то есть в Десятинной церкви, а в «Слове» указано на погребение Изяслава в соборе святой Софии. Однако в Софийской первой летописи говорится о том же: «положиша Изяслава въ святѣи Софѣи въ Киеве»; то же чтение и в Новгородской четвертой летописи. Вопрос этот сложен, так как он касается не истинности утверждения автора «Слова», а той роли, которую сыграл источник этих двух летописей. В Киеве летописание в XII в. продолжалось как в Выдубецком монастыре (в основании лежала Сильвестровская редакция), так и в Киево-Печерском (в основании лежала Киево-печерская редакция «Повести вр. лет»). «В начале основной редакции Софийской летописи, как видно из сравнения Софийской 1-й и Новгородской 4-й, читалась компиляция, составленная из статей «Повести вр. лет» и статей Софийского временника. «Повесть вр. лет», как оказывается, представляла Киево-печерскую редакцию...» (Шахматов, 1916. С. XI и след.). Таким образом, утверждение автора, что Изяслав был погребен в соборе святой Софии, основывается на Киево-Печерской редакции XII в. «Повести временных лет». На основании этого факта можно утверждать, что автор был тесно связан с Киево-Печерским монастырем; более того, это решает проблему социальной принадлежности автора и создает ясное представление о том, что автор был священнослужителем высокого ранга и принадлежал к этому монастырю, данный факт способен сформировать наше убеждение в том, что поиски автора лежат именно в этом направлении.

²⁸ Тогда при Олзе Гориславличе сеяшется и растяшеть усобицами; погибашеть жизнь Дажьдѡжа внука... Реальность в этом предложении строится глаголами сеяшется, растяшеть, существительным усобицами и глаголом погибашеть (гл. в имперфекте 3-го л., мн. ч.: «сеялись», «растили», «губили»): они определяют жизнь Дажьдѡжа внука. Слово жизнь в

в княжих крамолах
вещи человеком скратишась.

Тогда по Руской земли
рѣтко ратаеве кѣкахуть,
нѣ часто врани грѣяхуть,
трупиа себе дѣляче,
а галицы свою рѣчь говоряхуть,
хотятъ полетети на уедие²⁹.
То было в ты рати, и в ты плѣкы,
а сѣцеи рати не слышано.

Ярослав Мудрый, прижизненный портрет на свинцовой печати Ярослава

данном случае употреблено в значении «образ жизни», включая крестьянскую=христианскую жизнь. Ср.: «чѣрньчскоую жизнь оуправивыша»; «к Елиньстеи (языческой) приложися жизни» (Словарь, 1990. С. 261). Дажьбожий внук – Владимир Святой, Красное Солнышко, или внук (сын?) Солнца – по наиболее реалистической расшифровке, данной И. Срезневским в 1846 г. (Виноградова, 1985. С. 148). Владимир ввел христианство на Руси. Будущий митрополит Киевский, вдохновленный Иларионом в «Слове о законе и благодати» дал свой отчет о христианстве на Руси и подобрал осмысленные слова для него, в том числе употребил и слово «солнце». «... И чада благодетѣнаа христиании наследници быша Богу и Отцу. Отиде бо свет луны, солнцу въсиавышу...»; «(Христос) прежде век от Отца рожден, един състолен Отцу единосущен, яко же солнцу свет съниде на землю, посети людей своих» (Ил., 173а1; Ил., 176а12). Русь – (белый) свет (Даль. IV. С. 144, стлб. 2; Трубачёв, 1993. С. 38). Дажьбожий внук – Рус, сын света. Владимир – Рус, глава русских князей. Русичи – князья, дружинники и кметы – христиане, духовные дети Владимира, сыны света. Жизнь Дажьбожа внука. – Русский образ жизни, Православие, введенное Владимиром Святым. Смысл и значение данного предложения, а также значение произнесения его автором «Слова» заключаются в том, что произошел упадок христианства, связанный с усобицами князей. Эта мысль вложена в образы хлебопашества, традиционные для христианской символики. Ср. притчу о сеятеле (Мф. 13, 3–8). А также: «слово Господне въсеяста яко и пшеницу въ сердечнемъ селе» («слово Господне воссеяли (Кирилл и Мефодий), как пшеницу, в сердечном поле») (Успенский сборник, 1971. Стлб. 1136. С. 17–19); «крѣсть Господень моужьскы на раме въсприимыша и тем олядевышу грехомъ землю потреблыша разориста и въсеяста доуховьное семя и чисто церкви принесоста жито» («крест Господень мужественно на плечи восприняли (Кирилл и Мефодий) и тем запустошенную грехом землю вспахали, и воссеяли духовное семя, и чистое Церкви принесли жито») (Успенский сборник, 1971. Стлб. 114 г. С. 20–27). В Новозаветный период земледельческий труд и его результаты были сближены с христианскими идеями, поэтому на русской почве «христиане» и «крестьяне» стали синонимами: обозначение вероисповедания стало означать земледельцев.

²⁹ А галицы свою рѣчь говоряхуть, хотятъ полетети на уедие. Рѣчь – см. коммент. № 4. Уедие – «нажираться досыта на чужой беде, жить сытно, не утруждая себя заботами о хлебе насущном, заедавая чужое, ухватывать налетом с чужого достатка...» (Сбитнев, 1985). Галицы (галки) – половцы.

ПЕСНЬ 8

С зарания дѡ вечера,
с вечера дѡ света
летят стрелы каленыя,
гремлют сабли о шеломы,
трещат копья харалужныя
в поле незнаеме,
среди земли Половецкыи.

Чръна земля
под копыты,
костьми была посеяна,
а кровию поляна,
тугбю въздоша
по Руской земли.
Что ми шумить,
что ми звенить
давеча рано пред зорями?
Игорь плѣкы заворѡчает³⁰,

³⁰ Что ми шумить, что ми звенить давеча рано пред зорями? Игорь плѣкы заворѡчает. Шумить и звенить – формы аориста с присоединением частицы –ть из форм настоящего времени. Давеча – «недавно», от наречия даве («некоторое время тому назад, недавно»). Если рефрен «О Руская земле! (воины) уже за Шеломянем еси» указывает, что автор не был участником похода (себя он не подразумевает среди участников), то данное предложение имеет решающее значение для определения направления соответствия: от полков Игоря к автору, туда, где он находится. Причем автор находится далеко от участников похода, однако он слышит шум и звон битвы и видит полки Игоря. К созданию своего произведения он приступил вскоре после этих событий, так как шум и звон битвы он слышал недавно («давеча»), следовательно, это год похода – 1185 г.! Но как автор мог это слышать? Можно предположить, что он принадлежал к «религиозному типу человекобога [святого человека], – по определению Дж. Дж. Фрезера, – в которого Существо высшего порядка [Святой Дух] вселяется на более или менее продолжительный срок и проявляет свою сверхъестественную мощь и мудрость путем совершения чудес и изречения пророчеств» (Фрезер, 1986. С. 64). К такому типу принадлежал и Сергей Радонежский, который издали видел битву Дмитрия Донского с Мамаем (ПЛДР, 1981. XIV – сер. XV в. С. 389). «Естественная метафизика» непосредственного общения человека с потусторонним миром, когда загадочным, необъяснимым способом происходит совмещение события и вести о нём на далёком расстоянии, наблюдалась всегда. Плутарх, например, в «Жизнеописании Эмилия Павла», помимо таких случаев в древние для него времена, обращает внимание читателей на случай, «известный каждому из [его] современников». – «Когда Антоний (Г. Антиний Сатурнин, наместник Верхней Германии, восставший против Домициана в 88 г. н. э.) восстал против Домициана и Рим был в смятении, ожидая боьшой войны с германцами, неожиданно и без всякого повода в народе заговорили о какой-то победе, и по городу побежал слух, будто сам Антоний убит, а вся его армия уничтожена без остатка. Доверие к этому известию было так сильно, что многие из должностных лиц даже принесли жертвы богам. Затем всё же стали искать первого, кто завёл эти речи, и так как никого не нашли, – следы вели от одного к другому, и наконец терялись в толпе, словно в безбрежном море, не имея, по-видимому, никакого определённого начала, – молва в городе быстро умолкла; Домициан с войском выступил в поход, и уже в пути ему встретился гонец с донесением о победе <германцев над Антонием>. И тут выяснилось, что слух распространился в Риме в самый день успеха <германцев>, хотя от места битвы до столицы более двадцати тысяч стадиев (т. е. около 3750 км. от Рима до места восстания близ нынешнего Базеля; по прямой около 800 км.). Это известно каждому из наших современников» (Pl. Ep. P., 25). Когда молва опережает реальные вести о событии, произошедшем на далёком расстоянии, и возникает в день самого события, такой случай или несколько случаев об одном и том же событии, есть в «Слове о полку Игореве». И это видно. Великий князь киевский Святослав рассказывает боярам о своём загадочном сне, они же в ответ рассказывают ему о том, что произошло с князьями, не далее как вот, в Половецком поле: все князья захвачены в плен, опутаны железными путниками, войско побеждено, а половцы бросились на Русскую землю грабить мирных жителей. Они знают, что вот («се бо») готские девы запели на берегу Азовского моря, призывают отмщение Шарукану – роду Шаруканову. В своей молитве-плаче Ярославна говорит, что хотела бы кукушкой полететь к Игорю к месту сражения и утереть ему кровавые его раны. Она знает, что он ранен, и не то что был ранен, а теперь ранен; знает, что сильный злой ветер с моря несёт стрелы на винов её мужа, и что воины истомились от жары и безводья, половцы не подпускают их к воде. Кто мог принести с такими подробностями вести от Азовского моря и нижнего течения Дона до Чернигова, Новгорода-Северского и Посемья? Ипатьевская

жаль бо ему мила брата Всеволода.

ПЕСНЬ 9

Бишася день, бишася другый,
третьяго дни к полуднию
падоша стязи Игоревы;
ту ся брата разлучиста
на брезе быстрой Каялы,
ту кроваваго вина недоста,
ту пир докончиша
храбрии русичи.

Сваты попоиша,
а сами полегоша
за землю Рускую,
ничить трава жалощами,
а Древо с тугю к земле преклонилося³¹, —
уже бо, братие,
не веселая година встала,
уже пустыни силу прикрыла.

Встала обида
в силах Дажьбожа внука,
вступил Девую
наземлю Трояню —
всплескала лебедиными крылы³²

летопись уверяет, что прибежал в Чернигов некто Беловолод Просович, а с ним и весть пришла о событиях в Половецкой степи. Но путь этот долгий, «кровавые раны» Игоря успели зажить, да и «готские девы» не могли так долго петь. Тогда как Лаврентьевская летопись высказывает более точное и живое суждение об этом – в духе совмещения события и вести о нём. Там сказано то, что отвергнуть невозможно: «И возвратились с победой великой половцы, а о наших не ведомо кто и весть принёс...» (ПлДР. XII в. С. 35/359; 368/369).

³¹ Ничить трава жалощами, а древо стугою к земли преклонилося. Трава – в фольклоре и мифологии символ простого народа (Мифы, 1988. С. 371). Древо – четвертое упоминание Древа жизненного как Древа христианской Руси – символ Креста Христова и самого Христа (см. коммент. № 10,14). Этот образ Древа, с печалью до земли преклонившегося, соотнесён с образом Древа, с вершины которого свергся Див, повелевавший покориться языческой Половецкой земле, «даже до последних земли» – русскому войску Игоря.

³² Встала обида в силах Дажьбожа внука. Вступил Девую на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы... Силы Дажьбожа внука. – Могущество, военная сила, войско Дажьбожа внука, то есть князя и дружины их, а также ополченцы из народа, поддерживающие традицию ортодоксального христианства: борьбу за его утверждение и распространение, так как для победы христианства необходимо употреблять усилие (см. Мф. 11, 12). Дажьбожий внук – Владимир Святой (см. Коммент., № 28). Поэтому «силы Дажьбожа внука» – это прямые и духовные потомки Владимира Святого. Вступил Девую. – Творительный падеж инструментального, как например, срубил дерево топором. Ср.: «Боже, Богородицею помилуй нас» (Тропари Троицные). Дева. – По археологическим источникам и устным преданиям удалось выявить племенные признаки богини Девы – она являлась божеством племени северян, родственным полочанам, о чём сообщает «Повесть временных лет», что является дополнительным признаком в пользу полоцкого происхождения автора «Слова о полку Игореве» – его симпатии на стороне северян (блговичей) и полочан (Всеславичей). «В Новгороде-Северском, внутри Детинца, на месте, где был выстроен Успенский собор, стоял, по преданию, идол некоего бога (Девы? – Л. Г.) племени северян, и этому богу приносили жертвы» (Золотов Ю. М. Изваяния языческих богов на Руси (письменные известия и устные предания) // Советская археология. 1985. № 4. С. 235, 236). «Дива, река Дева, Западная Двина, Dupa (Риттих А. Ф. Славянский мир // Расовое учение в России до 1917 года. М.: ФЭРИ – В», 2004. С. 443). И тем не менее, в данном контексте Дева – это скрытый символ Богородицы, подмена метафоры символом, так же как Див, кличущий с вершины дерева, является скрытым

на Синем море,

символом христианского войска Игоря, когда во время солнечного затмения, «ночью», войско кликнуло на половцев, а те «ужасошася, побегоша» (см. коммент. № 14). Значение предложения: «Встала обида в силах Дажьбожа внука, вступилъ Девкою на землю Трояню – всплескала лебедиными крылы на Синем море у Дону плещучи», – преобразование чувства обиды за Русскую землю у воинов Игоря в символический образ крылатой Девы на водах Азовского моря у Дона, пробуждающей лучшие времена, когда это побережье входило в состав Тмутороканского княжества, являясь частью Русской земли (X–XI вв.). Образ крылатой Девы соотносён с образом Богородицы, защитницы христиан. «С Ней соотносено вовлечение природной жизни и космических циклов в сферу христианской святости. Православное пение называет Её «всех стихий земных и небесных освящение», «всех времён года благословение». В фольклоре эти точки зрения на образ Богородицы смешаны «с пережитками натуралистического язычества, указывающими на связь Богородицы с мифологическими образами богини земли (ср. слова персонажа Достоевского: «Богородица – великая Мать-Сыра-Земля есть»), природы, богини-матери» (МНМ. Т. 2, 1988. С. 114, стлб. 2, 3). Православным тропарям Богородичным известны выражения «матерь твари» и «рождшия Творца твари, мати Христа Бога», как аспекты образа Богородицы. «Аще и матерь ты тварь позна, но Деву ты зиждатель показа, роди бо плотию Христа Бога нашего, спасающаго душа наша»; «Радуйся яже от ангела миру радость приемши, радуйся рождшия Творца твари, радуйся сподобльшиися быти мати Христа Бога, агньца и пастыря» (Часовник, 1635–1831. С. 91 об., 92). В древнейшей иконографии «Софии Премудрости Божией» и «Деисуса» в одних случаях Богородица подразумевается крылатой, в других Она изображена с крыльями. Так, например, в Новгороде София предстаёт в образе крылатого Ангела, который в Троице изображён посредине. В Киеве крылатый Ангел замещён образом Богородицы «Оранты». В традиционном «Деисусе» с Богородицей и Предтечей встречаются композиции, изображающие Богородицу с крыльями (Успенский, 1982. С. 23, Примеч. № 10). Вместе с тем, образ Девы с лебедиными крыльями может быть связан с причерноморской и славянской змееной богиней Девой – владычицей земли и воды, покровительницей конной знати и городов. В общем виде мы можем сказать, что славянская Дева-лебедь связана с фракийско-этруссскими представлениями о человеке-лебеди, причастном к богам войны (Мавлеев, 1982. С. 94). Известно изображение «фантастической женоподобной фигуры с крыльями и нимбом» в центральных комарах створок обручей из Киева, найденных в составе клада 1903 г. в ограде Михайловского монастыря (Макарова, 1986. С. 79. Рис. 36. № 222; С. 80. № 2; С. 142. № 222). Понятие смысла этого изображения не обладало информационным содержанием, так как не было знания о значении Девы в «Слове о полку Игореве»: до сих пор не подобрано слов о том, что это не образ Обиды-Девы, а образ змееной богини Девы. Нами выдвинуто достоверное положение, что крылатая Дева «Слова о полку Игореве» и «фантастическая женоподобная фигура с крыльями и нимбом» на двустворчатых браслетах-обручах из Киева – один и тот же мифологический персонаж. А завитки вместо ног, представленные на этом изображении, и крылья являются опознавательными признаками причерноморской крылатой богини на бляшке из станицы Лабинской и на бляшках из кургана Большая Близница на территории Таманского полуострова, то есть в пределах Тмутороканского княжества, в «земле Трояня», по «Слову о полку Игореве». Культ крылатой богини был не только среди скифо-сарматского населения, а в первую очередь коренного синдского населения, ее образ бытовал и в мифологических представлениях древнерусского населения (Античные государства, 1984. С. 97, 291. Табл. СІ. № 3; Петров, Макаревич, 1963. С. 24. Рис. 1. № 1, 3–5; С. 31). Имеется ряд общих функций и общих атрибутов у змееной богини Девы и Мокоши – Параскевы Пятницы, «водяной и земляной матушки», ее соотносённость с конным св. Георгием и змием; «Георгия замест Пятницы променяли» (поговорка о суздалцах). Ср.: фольклорный рассказ (Афанасьев А. Н. Народные анекдоты) о торговце, выдающем икону св. Георгия на коне за икону Параскевы Пятницы. На Украине Пятницу причисляли к русалкам (Успенский, 1982. С. 135). Мокошь, вероятно, следует понимать как богиню плодородия. Её сравнивают с Hercules Magusanus «Волшебницей Геракла» (Фасмер. Т. 2. 1996. С. 640). Змеица хитростью добилась любовной связи с Гераклом и родила от него троих сыновей – Скифа, Гелона и Агафирса. На землю Трояню. – Установить местоположение «земли Трояня» можно с помощью сообщения Геродота о расположении области главного скифского племени, царских скифов: «Их область к югу простирается до Таврики, а на восток – до рва, выкопанного потомками слепых рабов, и до гавани у Меотийского озера по имени Кремны. Другие же части их владений граничат даже с Танаисом» (Нер. IV, 20). При наложении этих и других сведений Геродота на современную географию, «главное скифское племя жило в области, ограниченной на западе совр. Днестром, на севере р. Конской и Донцом (Северским Донцом. – Л. Г.), на востоке – Азовским морем. Южной границей Скифской области была горная цепь Тавр» (Геродот, 1999. С. 648, № 17). Теперь, если мы попросим принять в расчёт события похода Игоря, происшедшие в степях южнее р. Северский Донец, разве не поражает в высшей степени любопытный факт – автор «Слова о полку Игореве» знал границы геродотовой Скифии! Во-первых, тропа Трояня-Геракла – это дорога через Южнорусские степи к южной границе области царских скифов, к Таврийским горам в восточной части современного Крымского полуострова, и во-вторых, когда «силы Дажьбожа внука» – войско Игоря – вступило на землю южнее Северского Донца, оно тем самым пересекло древнюю границу царских скифов и вступило на землю Трояня-Геракла! Геракла признавали все скифы (Нер. IV, 59). Его культ существовал как в городах европейского, так и азиатского Боспора (Античные государства, 1984. С. 83; 220). В греческой традиции существовало географическое название «Земля Геракла», находилась она в Сицилии (Нер. V, 43), на западном побережье Сицилии, занятом финикийцами. Здесь у горы Эрик находился знаменитый храм Мелькарта «царя города» (Геракла) (Геродот, 1999. С. 655, № 29). В русской традиции существовала Перынь (притяж. прилаг. к Перунь) под Новгородом, где находилось святилище Перуна. Это название можно истолковать как «Земля Перуна». Также близ Новгорода находилось «Волотово поле», современное село Волотово. «Волотово поле» можно понять как «Земля Великана» или «Земля Волоса». В предложении «Встала обида в силах Дажьбожа внука, вступал Девкою на Земля Трояню» – «Трояню» от Троянь, притяж. прилаг. к Троянь, так же как и в форме Перынь к Перунь. Это доказывает, что в языческой Руси существовала Троянь – Земля Трояня – южнее Северского Донца в области расселения царских скифов. В этой связи позволительно коснуться др. – русск. названия **Тьмуторокань** (Томуторокань). Современное филологическое – Тмутаракань. Его производят от тюркск. **Таман-тархан** и производного от этого греч. **Таматарха**. В то же время в раннем средневековье существовало селение Томы в районе древней Фанагории на берегу Таманского залива, одноименное главному городу провинции Скифия – Томы,

у Дону плещучи,
убуди жирня времена.

располагавшихся в районе современной Констанцы на территории Румынии. Об этом селении Тома упоминают византийские историки VIII – начала IX в.: под 704/705 г. Феофан Исповедник в своей «Хронографии» и Патриарх Никифор в «Бревиарии» под тем же годом (Чичуров, 1980. С. 62; 126, № 318; 163; 179, № 102). Позднее селение Тома не упоминается нигде, появляется название Таматарха и Тьмуторокань, но не Тьмутаракань. Напрашивается заманчивая гипотеза: название Тьмуторокань (Томуторокань) возникло на основе географических имен Тома и Троянь.

Дева (змееногая богиня Дева). Изображение на серебряном обруче (браслете) из Киева в составе клада 1903 г.

ПЕСНЬ 10

Усобица князем —
на поганья погыбе,
рекоста бо брат брату:
се мое, а то моеже³³;
и начаша князи про малое:
се великое, молвити,
а сами на себе крамолу ковати,
а погании с всех стран
прихождаху с победами
наземлю Рускую.

Припев. О, далече зйде сокол,
птиць бя, к морю!

А Игорева
храбраго плъку не кресити³⁴:
за ним кликну карна,
и жля поскочи по Руской земли,
смагу мычучи в пламяне розе³⁵, —

³³ Усобица Князем на поганья погыбе, рекоста бо брат брату: се мое, а то мое же. — Погыбе — вместо глагола в форме аориста предполагаем существительное погибель, так как прилагательное поганья стоит в ед. ч., в форме род. п., в то время как мн. ч. было бы поганы(и)х. Если «погибель» стояло в конце строки, то конец слова мог быть над строкой и впоследствии утрачен.

³⁴ А Игорева храбраго плъку не кресити. — Мотив воскрешения погибшего войска входил, видимо, в состав мифов о славянском воинском божестве или же об «огненном» громовержце, «возбудителе и оживителе» (см. след. статью, № 35). Кресити — «воскрешать, оживлять», связано со словом кресь («солнцеворот», «огонь», «сверкание») (Словарь, 1981. С. 38; Фасмер М. Т. 2.).

³⁵ За ним кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли, смагу мычучи в пламяне розе... Карна (сербохорв.) — «ругань, брань, ссора». Производное с суф. — ъна от гл. *kariti — «сердить, злить» (сербохорв.). Однако др. — русск. карити — «оплакивать»; в то же время русск. диал. карна — «крик птицы из рода вороновых», а карить — «упрекать, выговаривать». Сюда же производное с суф. — ъа (имя действия) от гл. *kariti — церк. — слав. карьба — «ссора, ругань, раздор» (Этимологический словарь, 1983. С. 153–155). Таким образом, карна, должно быть, содержит значение «оплакивать» и одновременно «упрекать, выговаривать», так как требуемое пояснение содержится в тексте памятника: даже другие народы «каляли князя Игоря». Жля = вопль. — В древнеславянском Паремийнике вопль; в Толковых пророчествах попа Упыря Лихого 1047 г. на месте вопля — желя, типичное для болгарских текстов X в. (Алексеев, 1984. С. 99). Ср.: «о стенание и желя» (Успенский сборник, 1971. Стб. 189а. С. 3). Смага — многозначное слово, связанное с понятиями огня, жара, сухости, копоты, а также с огнестрельным оружием, силой, мощью, одолением и победой (Даль, Срезневский, Фасмер, Словарь-справочник, 1978. С. 176, 177). Мычучи — от мыкати, умыкати («уводить, похищать»); в южно- и западнославянских языках — «двигать, подергивать», «резко двигать, дергать» (Этимологический словарь, 1992. С. 31; Фасмер М. Т. 3). Ср.: мыкаться — быстро, беспорядочно распространяться, передвигаться (о молнии) (Словарь, 1982, С. 329). Пламенный рог — в данном случае у нас имеется возможность утверждать, что это сосуд, подобный рогу по форме, так как существует летописное: «из рогъ его яко углие горячее исходило» (Словарь-справочник, 1978. С. 48), а также хеттский текст, представляющий собой описание ритуала, осуществлявшегося при сооружении нового дворца, в котором образ царя связывается с возвращением его ранее утерянных и как бы разобщенных частей существа: «Приди ты, Орел (Орел фигурирует в качестве вестника к богу Грозы и богу Солнца). (И) лети!.. К месту вечного огня лети! И принеси мне кинуби!» («Горшок (?) для жара»). Возврат кинуби соотнесен с обретением «прежнего лада», «обновлением» царя (Ардзинба, 1982. С. 115. Примеч. № 37, 38). Огонь и жар «воскрешения», «смага в пламенном роге», связанная с проявлением одоления и победы, а через слово «мычучи» — с молнией и грозой, имеет естественный повод для соотнесения с символикой факелов древнеславянского ритуала на празднике в честь мертвых, когда «весною в воскресенье четвертой недели поста, совершая праздник в честь мертвых, лужичане ходят на Тодесберг, с зажженными факелами, поминают покойников и на возвратном пути поют: “Смерть мы погасили, новую жизнь зажгли”» (Словарь-справочник, 1978. С. 178). Можно утверждать, что существует определенное соответствие между этим и упомянутым хеттским ритуалом, в котором кинуби соотнесен с обретением «прежнего лада» и «обновлением» царя. Понятие условий «воскрешения» применимо также к трехфигурной композиции терракотового рельефа из Ольвии с изображением Гермеса, Орфея и Эвридики. В правой руке у Гермеса Психопомпа, проводника душ в подземный мир, большой горящий, вертикально стоящий факел, так как Гермес «не ведет души, как обычно, во мрак, а, напротив, выводит их к свету... На погребальных стелах факел обычно изображается опущенным как символ погасшей жизни, здесь же символика совершенно иная, противоположная по содержанию — бог освещает выход в жизнь» (Лейпунская, 1982. С. 81–85). Эта аргументация, которая дана выше, ведет непосредственно к

Жены руския
всплакашась, árкучи:
«Уже нам своих милых лад
ни мыслию смыслити,
ни думаю сдумати,
ни очима съглядати,
а злата и сребра́
ни мало того потрепати»³⁶.
А вьстона бо, братие,
Киев тугбю,
а Чернигов напастьми,
тоска разлиися
по Руской земли,
печаль жирна тече
среди земли Руския.

А князи сами на себе
крамолу коваху,
а погании сами
победами нарищуще
на Русую землю,
ёмляху дань по беле от двора³⁷.

ПЕСНЬ 11

Тии бо два
храбрая Святъславлича,
Игорь и Всеволод,
уже лжу убуди³⁸,
которую то бяше успил

соотнесению «смаги в пламенном роге» с фольклорными представлениями об Илье-пророке как «огненном», «тученосном» громовержце, «небопарном орле»; «из уст его огонь-пламень горит». Он «возбудитель и оживитель». Одновременно «Илья – бараний рог» (Макашина, 1982. С. 85, 86, 91). Эта же аргументация приводит к «плачу по Роланду» в «Песне о Роланде», он также направлен на воскрешение Роланда: Над Францией меж тем гремит гроза, Льет ливень, хлещет град крупней яйца И молнии сверкают в небесах, И – то не ложь! – колеблется земля... это по Роланду скорбь и плач. (Песнь о Роланде, 1994. С. 67. Ст. 1423–1437). Думается, что будет к месту вспомнить, что Иисус Христос плакал перед воскрешением Лазаря. Таким образом, скорбь и плач имеют свойство направленности, или отнесенности, к воскрешению умершего: посредством этих состояний выражается желание воскресить умершего. Огонь (или молния) в этом случае выступает в роли воскрешающей силы, он связан также с обретением «прежнего лада» и с «обновлением» больного. К Илье как громовержцу обращались с молитвами о здоровье: «Молюсь тебе, святой Божий Илья! Пошли тридцать ангелов в златокованом платье, с луки и стрелы... Спустите мне гром и молнию, отбивайте и отстреливайте от раба Божия уроки и призоры, потяготы и позевоты» (Макашина, 1982. С. 96). Очевидный, хотя и «внешний» смысл воскрешающей силы молнии заключен в словах Ромео: Нередко люди в свой последний час Бывают веселы. Зовут сиделки Веселье это «молнией пред смертью»... (Шекспир. Ромео и Джульетта. Акт 5. Сц. 3. Пер. Т. Щепкиной-Куперник).

³⁶ А злата и сребра ни мало того потрепати. – Потрепати – от др. – русск. трепати; треплю – «убиваю» (Фасмер. Т. 4. С. 98). В данном случае загубить золото и серебро на выкуп мужей из плена.

³⁷ Емляху дань по беле от двора. – Белька – денежная единица. Ср.: «в сандалакши у мунданахта (две) беле» (Словарь, 1988. С. 363).

³⁸ Игорь и Всеволод уже лжу убуди... – Лжа – «несогласие, вражда» (Этимологический словарь, 1990. С. 256).

отец их Святъславъ
Грозный Великий Киевский.

Грозою бѣшетъ,
притрепетал —
своими сильными плѣкы
и харалужными мечи
наступи на землю Половецкую,
притопта хлмы и яругы,
возмути реки и озера,
иссуши потоки и болота.
А поганого Кобѣя
изъ луку моря,
от железных великих плѣков половецких,
яко вихрь выторже,
и падеся Кобѣя в граде Киеве,
в гриднице Святславли.

Ту немци и венѣдици,
ту греци и Морава
поют славу Святъславлю³⁹,
кают князя Игоря,
иже погрузи жир во дне Каялы,
реки половецкия,
рускаго злата насыпаша⁴⁰.

³⁹ Ту Немци и Венедици, ту Греци и Морава поют славу Святъславлю...Немци – в данном случае это жители южноитальянского города Бари (см. далее в тексте данной статьи).Венедици – это венециане-венеты, жители города Венеции, а не венеты (венеды), которые некогда жили в Малой Азии, на побережье Черного моря, в Пафлагонии (Ном. Л. II. 852; L. I, 1–3), затем на побережье Адриатического моря (Herod. 5, 9), и в Северо-Западной Галлии, на побережье Атлантического океана (нынешняя Нормандия во Франции) (Cs. Bell. Gall. II, 34), а также на южном побережье Балтийского моря, к востоку от Вислы. Страбон считал галльских венетов предками адриатических (Забелин. Ч. I. С. 29, 30). Современный исследователь А. Б. Черняк пришел к выводу, что адриатические и прибалтийские венеты «принадлежали к одному и тому же этносу». Ср.: немецкое Wenden – «(поморские) славяне» (Черняк, 1991. С. 56, 57. № 101). Но в житии св. Кирилла по списку Е. В. Барсова «имя Венеции передано: «въ Бѣнятыцхъ», форма, относящаяся к Великоморавской эпохе» (Лавров, 1930. С. XX). И главное: в тексте памятника «Венедици» и вел. – моравск. форма «в Бѣнятыцхъ» («венециане») совпадают. В перечне народов «Повести временных лет» венедици-вендици = венециане. Поэтому уверенно возникает: венедици = венециане.В то же время немцами в разбираемом тексте наименованы жители южноитальянского города Бари. Баряне («немцы») и венециане связаны ситуацией отношения к свт. Николаю, к православию и к Русской земле. Эта ситуация, в свою очередь, связана с событиями перенесения мощей свт. Николая из города Миры Ликийские в Малой Азии в город Бари 9 (22) мая 1087 г.В сочинении русского очевидца этого события читаем:«...в Барѣ граде Мурманьсте, Немечьскыя области» («в Барѣ, городе нормандском, немецкой области»); «...в Бар, в град Немечьскый, обону страну моря» («в Бар, город немецкий, на ту сторону моря»). (В 1071 г. норманны Роберта Гвискара захватили город Бари, а к 1072 г. овладели Южной Италией и Сицилией.) Далее: «Вѣсть же приимше баряне, яко венедици (венециане) ту суще (в Антиохии) и хотять прежде их шедше и взяти святаго Николу, ускориша...»Во время перенесения мощей свт. Николая в Бари и одновременно в Киеве он совершил разные чудеса (Макарий, 1995. С. 556. Прилож. к Т. 2. № 7. С. 244, 482. № 389, 236, 482, 358).Календарь венециан, а также восточных и южных славян, в соответствии с Ортодоксальной Традицией, начинался с марта; mos Venetus («венетский обычай») – так называли этот мартовский стиль в Европе (Бережков, 1963).Таким образом, баряне и венециане представляют географическую пару «священной географии».Другую пару представляют греки и моравы: Византия (греки) – центр православия, а Великоморавская держава связана с деятельностью просветителей славян, византийцев Кирилла и Мефодия.

⁴⁰ Кають Князя Игоря, иже погрузи жир во дне Каялы реки Половецкия, Рускаго злата насыпаша. – Жир – «богатство, довольство; пастбище, пажить» (Словарь, 1978. «Жир»). «Пища, корм, откармливание». Связано с «жити», «жить» (Фасмер М. Т. 2).В этих понятиях заключено значение средств к жизни. Поэтому погружены были не только богатство и не только «корм», которые придется «загубить» на выкуп пленников, а также погружены воины, приносящие добычу, воины выступают как синоним русского золота. Утверждение данного типа содержится в словах немецких послов, сказанных в 1075 г. великому

Ту Игорь князь
выседе из седла злата,
а в седло ко́щиево;
уныша бо градом забрали,
а веселие пониче.

СОН СВЯТОСЛАВА

А Святъславъ му́тен сон виде:
«В Киеве на́ горах си ночь с вечера
одевахъте мя, рече,
чръною па́поломою
на кровати тисове,
чръпахуть ми синее вино
с трудом смешено,
сыпахуть ми ты́щими тулы
поганых тлъко́вин
великыи женчю́гъ на лоно»⁴¹

князю Киевскому Святославу Ярославичу, который, гордясь, показал им свое богатство, – золото, серебро, шелковые ткани: «Это ничего не стоит, ведь это лежит мертво. Лучше этого войны. Ведь мужи добудут и больше того» (ПЛДР, 1978. С. 211).

⁴¹ Чръпахуть ми синее вино с трудом смешано; сыпахуть ми ты́щими тулы поганых тлъковин великий женчюг на лоно. Синее вино – это красное виноградное вино в Древней Руси, как вино белое – это «зеленое вино», по сообщению И. Забелина. Здесь синее – это погребальное вино. В фольклоре и мифологии синий – это цвет потусторонних предметов подземного царства, связан со смертью. «Синий камень» в русских заговорах (Дмитриева, 1982. С. 39); «синии молнии», несущие гибель воинам Игоря (Слово о полку Игореве. Др. – русск. текст. С. 12); «синий челн» Харона, «синии собаки», «синий камыш» в Аиде (Вергилий, 1935. VI, 400; 410–425). Показательно, что, с точки зрения физической оптики, у синего цвета низкое значение *l*, самое высокое значение *l* связано с пурпурным цветом (самое низкое значение у соседнего с синим по спектру – у фиолетового, «демонического», цвета) (Топоров, 1988. С. 30). Тощий – «пустой, невзрачный»; но связано также с «тоска», «стенание»; «горе, печаль» (Фасмер М. Т. 4). У западных славян души усопших назывались тощими (Забелин, Ч. 2. С. 299). Тлъковины – толковины, «тиверьце, иже суть тълковины» (Шахматов, 1916. С. 29). «Поганые толковины» – некрещеные тиверцы. «Поганы» на языке славян означает «нехристи» (Об управлении, 1991. С. 115). Д. С. Лихачев высказал идею о том, что «поганые толковины» – это союзные Игорю Святославичу ковуи (Лихачев, 1978. С. 231). Однако что можно сказать относительно тождества «замиренных» половцев-ковуев и «поганых толковин» и как обстоит тогда дело с тиверцами, – осталось без ответа. Если нет ответа на эти вопросы, то существует вывод Д. С. Лихачева, сделанный после сравнения сна Святослава в «Слове о полку Игореве» и сна Мала, Древлянского князя, который сохранился только в «Летописце Переяславля Суздальского» (XIII–XIV вв.): «Сон Мала – это древнее этнографическое подтверждение сна Святослава» (Лихачев, 1978. С. 231). Во сне Святослава одели черным покрывалом (одеялом – «паполомою») и черпали ему «синее вино»; Мал видит между пирами один и тот же сон: княгиня Ольга дарит ему «одеяла чръны с зелеными узоры». Святославу сыплют «великий женчюг»; Малу дарит Ольга многоценные красные одежды, «все жемчужом иссажены». Признавая в сне Святослава присутствие древнеславянских этнографических элементов, стоит ли приспособлять к ним ковуев? Тиверцы – восточнославянское племя, распространенное с юго-запада (от устья Дуная, Днестра, Южного Буга) на восток до Днепра. В Лаврентьевской, Радзивиловской и Ипатьевской летописях тиверцы определяются во взаимодействии с этнонимом «уличи», их соседями. Они прозваны греками Великой Скуфью (Ипатьевская летопись, 907). В предхронологической части летописей: «А Оуличи Тиверцы сядяху бо по Бугу и по Днепру, оли до моря» (Ипатьевская летопись, Радзивиловская летопись). «А Оуличи Тиверцы сядяху бо по Днестру оли до моря суть гради их и до сего дне» (Лаврентьевская летопись). «Баварский Географ» (памятник IX в.) упоминает «скорей большую группировку (племен), чем небольшое племя» Unlizi (уличей) на Дунае: «многочисленный народ», у которого весьма большое по сравнению с другими племенами в этом памятнике число городов – CCCXVIII (318) (Шапошников, 1994. С. 115–123). Ср.: в Лаврентьевской летописи: «Суть гради их (уличей, тиверцев) и до сего дне». «Толковины» является эпонимом для тиверцев: так называли их другие этносы, но не они сами себя; как, например, для скелотов эпонимом является «скифы», – так они названы были греками. Примечание. Предпочтительным объяснением названия «скиф» считается греч. *skuta* «шкура»; скифы «люди в коже». В то же время В. И. Абасев связывает слово «скиф» со словом германского происхождения *skut* «стрелок из лука», «стрелять», – было дано скифам их древними соседями, германцами, а от них было усвоено греками и проникло в Малую Азию (Техов, 1980. С. 12). Однако в том

и не́гут мя;
уже дьскы без кнеса
в моем тереме златоврьсем;
всю ночь с вечера
босуви врани възграяху,
у Плесньска на болони
беша дебрь кисаню,
и не сошлю к Синему морю»⁴².

и другом случае – это были бы объективные этнографические данные одного народа о другом. Но на самом деле такого объективизма по отношению к народу-соседу почти не наблюдается: даются насмешливо-враждебные прозвища. В составе Скифии присутствовал праславянский этнос, соседями которого были германские племена. В языке западных и восточных славян было слово *skuta*. В Славонии, в районе Градишки и Новски – это «нижняя часть рубахи, наподобие юбки, из более грубого полотна», которая пришивалась к полурубашке, оплечку» (Керимов, 1994. С. 126, 127). У восточных славян *skut* «пола одежды». В др. – герм. языках *skaut* имело сходное значение «подол, край, кайма» (Фасмер М. Т. 3). Таким образом, если в слове «скиф» есть германский след, возможно, это связано со значительной ролью женщин в скифском обществе, поэтому сколотам дано было прозвище «бабский подол», ставшее их эпонимом. Однако существует словенское слово *skuta* – «сыр» (Шавли, 2000. С. 66). Это возвращает проблему имени «скифы» к древним их названиям – «доители кобылиц», «млекоеды». —Итак, тльковины. – К. Г. Менгес предполагает, что слово тльковины является синонимом церк. – слав. тльковникъ («переводчик»), тогда как гл. тльковати является производным от тлькъ («разъяснение, истолкование») (Менгес, 1979. С. 146). Однако если можно провести четкую границу между этими словами, то в данном случае вовсе не обязательно это делать, ибо здесь возможен принцип двусмысленности: переводчики с других языков и одновременно истолкователи древних обычаев, обрядов, а также гадатели (имеются древние известия о множестве гадателей у скифов и у славян). Ср.: у Вергилия: «Азил, толкователь бессмертных и смертных» (Ver. En. X, 175). (Он «толковал» по внутренностям принесенных в жертву животных, по звездам, по полету птиц и по месту, в которое ударила молния.). То обстоятельство, что тиверцы были переводчиками, следует сопоставить с сообщением Геродота о переводчиках, которых нанимали скифы во время торговых операций с другими племенами, а также с сообщением Константина Багрянородного о печенежском племени толмачей-переводчиков. 1. «Скифы же, когда приходят к аргиппеям (племя на восточной границе Скифии. – Л. Г.) ведут с ними переговоры при помощи семи толмачей на семи языках» (Herod. IV, 24). Пограничные племена были нередко двуязычны, поэтому представители их занимались «переводческим промыслом», обслуживая купцов, но не исключено, что в каком-то племени, по традиции, изучалось несколько языков и все «Геродотовы» переводчики нанимались из одного такого «промыслового» племени. 2. «Вся Пачинакия (Печенегия. – Л. Г.) делится на восемь фем (племенных областей. – Л. Г.)... название шестой [фемы] – талмат» (Об управлении, 1991. С. 155). Комментарий: «Племя Талмат» (расширенный вариант – Вороталмат) соответствует тюркскому Боро Толмач – «темный переводчик» (Об управлении, 1991. С. 389. № 10). Это племя, скорее всего, не только «промышляло» переводами, но представители его назначались вождями исполнять должности переводчиков. Тиверцы занимали территорию Центральной Великой Скифии, «исконной Скифии» по Геродоту, на севере граничили с вольнянами и галичанами. В Галицкой земле был город Толмач, современный Тлумач в Ивано-Франковской области. Поселения тиверцев – на старых скифских городищах. Орнамент на керамике – характерный для гето-скифской керамики: на горшке вокруг плечиков наlepной валик с лунками, – этого признака нет у других славянских племен. Общие славянские признаки керамики тиверцев – это линейно-волнистый орнамент (Г. Б. Федоров, археолог, исследователь тиверского материала. Сведения сообщены в личной беседе 31.07.87 г.). Под ударами печенегов и половцев тиверцы к XII в. отошли к северу, где смешались с соседними славянскими племенами. С днепровскими полянами у них была историческая близость, несмотря на юго-западную отнесенность этого этнонима, которая не утрачивается при их упоминании в летописях. Было и генетическое родство не только по славянским, но и по скифским признакам. «Наибольшее морфологическое сходство серии Николаевка-Казачье (могильник поздних скифов в Бериславском районе Херсонской области) обнаруживается с полянами, особенно с группой сельского населения, и наибольшее – с серией переяславских полян» (Кондукторова, 1979. С. 68). Необходимо признать, однако, что в тексте памятника не сами «толковины» сыплют жемчуг, а некто из их колчанов, как части похоронного обряда, сыплет жемчуг на лоно князю.

⁴² Всю ночь с вечера босуви врани възграяху, у Плесньска, на болони, беша дебрь кисаню, и не сошлю к Синему морю. В словосочетании «беша дебрь кисаню» слово «кисаню» так и осталось непонятым в связи с искажённой формой слова и потерей его качества – реального смысла. Поэтому выявить «разумное или идею» (Гегель) в слове или определённом словосочетании памятника и составить правильное понятие о представлении автора и его современников, тот принцип, вокруг которого должно вращаться намерение исследователя. Босуви-бусови – «серые» (Словарь, 1975. С. 359). Бусой-буской – «серый» (Словарь областной, 1982. С. 186, 187). Переводчики и комментаторы остановились на стилистически нейтральном содержании выражения босуви врани – серые вороны. Но бусый по материалам В. И. Даля включает тёмно-голубосерый, а бусеть – темнеть, чернеть (Даль. Т. 1. 1998. С. 145). В Словаре М. Фасмера аналогичные значения: бусый – тёмно-серый, пепельный; бусеть – становиться серым, голубым, темнеть (Фасмер. Т. 1. 1996. С. 252). Нейтральное серый автором трижды применено к волку. Однако у автора нередко определения имеют стилистически особую окраску в зависимости от обстоятельств. «Ночь стонуши ему грозою»; «седло кошичево»; «веселие пониче»; мирные жители города Римова не просто падают, а в смятении «кричат под саблями половецкими»; русские воины «рыкают аky туры, ранены саблями калеными»; Изяслав Василькович «изрони жемчужну душу из храбра тела»; ветер «веселие (Ярославны) по ковылию развея». Поэтому в тяжёлом сне Святослава каркающие вороны в потёмках после захода солнца, вечером, не просто серые, а «босуви врани» – тёмные, мрачные. У

И ркоша бояре князю:
 «Уже, княже, тугаумь полонила,
 се бо два сокола слетеста
 с бтня стола злата
 поискати града Тьмутороканя,
 а любо испити шеломом Дону;
 уже соколома крыльца припешали
 поганых саблями,

Плесньска на болони – *Pleteno – «широкий», – Плетенской / Плетеницкий лиман, или Великий луг, заливаемое пространство между Днепром и Конкой (карты Риччи Занони и Исленьева), сюда же у Плесньска на болони (Слово о полку Игореве) (Трубачёв, 1993. С. 11). Беша – аорист 3-го л., мн. ч. «были», но по смыслу беша относится не к «дебрь», а к «кисаню» во множественном числе. Дебрь (дьбрь) – «обрыв, ров; горный склон, поросший густым лесом» (Словарь, 1990. С. 131). А также могила-ров: «...и уподоблюся низходящим в ров» – «...чтобы я не уподобился нисходящим в могилу» (Пс. 142, 7. Церк. – слав. и русск. текст). Кисань – явно искаженное слово (обзор вариантов см.: Словарь-справочник, 1967. С. 183, 184). Объяснения, являющиеся логическим анализом: И. М. Снегирев: река Сань – «къ Саню»; В. В. Макушев, В. Н. Перетц: сань – «змея», поэтому «дебрьски сани». Д. С. Лихачев развил это чтение «сани» как средство перевозки покойников (Лихачев, 1978. С. 231). Но тогда тело Святослава «несоша» в сани для захоронения к Синему морю – идея не реальная и, таким образом, не разумная. Предлагаем «разумное или идею» (Гегель), осмысленное слово кисань: чтение кисань – искаженное кинсь, кинсь, кинсь, кинсонь, кинсьнь («подать, дань» – от греч. κῆρυος; Словарь XI–XIV вв. Т. IV. С. 210; Фасмер. Т. 2, 1996. С. 235; Вейсман, 1899–1991. Стб. 705); «отъ кинихъ приемлють дани, или кинсь» (Мф. 17, 25; Апракос, 1983. Стб. 506). Важный исходный пункт для обоснования чтения кисаню как кин(ь)сно от др. – русск. кинсьнь «налог, подать, дань» – «это когда переписчиком допущена гаплогграфия (единократное написание): буква, слово, словосочетание, которые в тексте встречаются дважды, следуя друг за другом, написаны только единожды» (Мюллер, 2004. С. 63). Кисаню вместо кинсьню с перестановкой звука: гласный после н перенесён после с, а два н в слове, следуя друг за другом, написаны только единожды. Дебрь кисаню (кинсьню) – дебрь (дьбрь) «обрыв, ров, горный склон, поросший густым лесом» (Словарь, 1990. С. 130). Также могила-ров: «...и уподоблюся низходящим в ров» – «... чтобы я не уподобился нисходящим в могилу» (Пс. 142, 7. Церк. – слав. и русск. текст). Кисаню (кинсьню) сущ. м.р. ед.ч. д.п. по типу склонения существительных мужского и среднего рода с окончанием в им. п. ед. ч. [ь] или [е] – после мягких согласных. – «Ров дани, налога». Без ссылки на эти русские формы греческого слова, обозначающего «подать, дань», до сих пор мы очень слабо представляли себе, какое содержание заключено в «дебрь кисаню». При этом мы должны подразумевать видение сна Святослава целиком, с этим заключительным видением дебри-рва-могилы. И должны знать, что видение сна включает всё, что связано со смертью человека и похоронами умершего. Святослав видит себя умершим, он лежит на тисовой кровати, покрытый черным покрывалом. В это время некие «поганые толковины» справляют похоронный обряд, неизвестный христианским источникам: черпают темно-красное (синее) вино покойнику (ср. скифскую похоронную обрядность: «устраивают... угощение, причем подносят и покойнику отведать тех же яств, что и остальным». – Herod. IV, 73), сыплют из колчанов ему на лоно крупный жемчуг и говорят о нем хорошие слова («и негують мя»). В эту ночь громко грают тёмные, мрачные вороны вблизи его терема. Только при наличии такого фона можно рассматривать значение словосочетания «дебрь кисаню» как могилу, в которую должны захоронить тело Святослава. Первоначально могло быть «дебрь кинсьню» – дебрь (ров) подати, дани смерти, которая берёт тело умершего: «Смерть не все возьмёт, только свое возьмёт» (то есть плоть) (Даль, 1984. Т. 1. С. 225). Однако это не исчерпывает условий истинности выражения «дебрь кинсьню». По учению Св. Отцов первых веков христианства, душа умершего человека подвергается в воздушном поднебесном пространстве нападению, мытарствам духов злобы, которые разными способами пытаются доказать, что человек был грешен, поэтому принадлежит им как их дань. Об этих духах злобы сказано, что они «гонители, мытари, сборщики податей», а также «данщики» (Серафим, 1992. С. 68, 70, 72). Исследователями отмечено, что оригинал «Слова о полку Игореве» испытал заметное воздействие югославянской графики в период так называемого второго югославянского влияния на русскую письменность (XV – нач. XVI в.). Иначе говоря, полагают, что непонятное русскому читателю «кисаню» является нормальным сербским словом «кисанье» – «возбуждение плача» – с окончанием «ю» после мягкого «н», – «дебрь кисаню», то есть «дебрь плачу(а)». Этот вывод П. Вяземского был, к сожалению, поддержан в наше время В. И. Стеллецким, одним из лучших современных переводчиков и комментаторов Слова (Стеллецкий, 1981. С. 258). И вместо разумного или идеи появилась какая-то абстракция – мрак неведомого Ущелья Кисанского у Плеснеска на пойме, откуда прилетели вещи вороны ко дворцу Святослава и всю ночь каркали там. Это представление никак не согласуется с событием похорон Святослава в его сновидении: из него никак не усматривается, будто у Плеснеска на пойме располагалась «дебрь плача» – «мрачное Ущелье Кисанское». Кроме того, это нарушает синтаксическую конструкцию описания сна: в нём все действия, связанные с похоронами, даны в прошедшем времени и закончились вместе со сном Святослава. Однако «дебрь плача», как топографический объект, не могла «закончиться» с его сном. В связи с этим появляется способ объяснить, что значит вторая часть предложения: и не сошлю к Синему морю. – Святославу во сне виделась его смерть и приготовление к похоронам в тот момент, когда он думал об организации воинского похода к Синему (Азовскому) морю на помощь Игорю. Но, видя свою смерть, он, естественно, подумал во сне, что не сможет теперь послать к Синему морю. Тут же, после того, как он рассказал свой сон боярам, он действительно попытался организовать этот поход к Синему морю. С учетом сказанного, вполне правдоподобным должен быть перевод второй части последнего предложения из сна Святослава в таком виде: «У Плеснеска на оболоне был ров дани смерти, могила, и не послать к Синему морю».

а самую опустоша
в путины железны».

ПЕСНЬ 12. Рассказ бояр о последствиях поражения Игоря

«Темно бо бе в 3 день:
два солнца помёркоста,
оба багряная стльпа погасоста,
и с ним молодая месяца,
Олег и Святъслав
тьмою ся поволокоста.

На реце на Каяле
тьма свет покрыла:
по Руской земли
прострошася половци,
аки пардуже гнездо,
и в море погрузиста,
и великое буйство подасть хинови⁴³.

Уже снесся
хула на хвалу,
уже тресну
нужда на волю,
уже врѣжеса
Дивь на зѣмлю⁴⁴.

Се бо готския красныя девы
въспеша на брезе Синему морю,
звоня руским златом,
поют время бусово,

⁴³ По Руской земли прострошася Половци, аки пардуже гнездо, и в море погрузиста, и великое буйство подасть Хинови. Пардус – барс, пантера. Гнездо – здесь в значении «выводок». Однако до XIV в. в памятниках письменности – только в значении «гнездо», в том числе и образно (Словарь, 1989. С. 341). Половци... пардуже гнездо. – Ср.: «Куманин (половец) пардусъ есть. Русин видра есть» (Тихонравов, 1863. С. 440). (У древних иранцев видра – священное животное богини реки, покровительницы плодородия. – Членова, 1989. С. 284.) Отмечаем намек, содержащийся в этом сообщении, на ирано-славянское происхождение термина «Русь»: видра – священное животное богини реки у иранцев и русов. Причем видра – тотем русов. По скифской легенде, скифы произошли от Таргитая, родителями которого были Зевс и дочь реки Днепра. Море – в данном случае это часть фразеологизма (идиомы) «многомрачное дьявольское море» в значении язычества как тьмы невежества. Ср.: «Сия же преблаженная и богоугодная человека (Кирилл и Мефодий)... люди (славян) изведоста из мьногамрачнаго дьявольскаго моря, мыслнаго фараона погроужыша и всю силоу его потребиша» (Успенский сборник, 1971. Стб. 112а. С. 29–31; Стб. 112б. С. 4–9). «Слово похвальное в память Кирилла и Мефодия, просветителей славян», относится к богослужебной литературе, в XII в. было известно на Руси и читалось в день их памяти. Погрузиста – двойственное число аориста, 3-е лицо; подразумеваются Кончак и Гза, предводители половцев. Подасть – аорист двойственного числа, 3-го лица вместо «подаста». Хинови – санскр. хина («слабый царь») (Лелюхин, 1993. С. 10). Русск. хинить «хулить», «осуждать»; сербск., чрк. – слав. хынити «обманывать»; хына «обман» (Фасмер. Т. IV. С. 237); хинарничать «лукавить» (Даль. Т. IV. С. 548, стлб. 1). Поэтому «буйство подасть хинови» – буйство (нападение на Русскую землю) языческих, слабых и лукавых стран.

⁴⁴ Уже снесся хула на хвалу... уже врѣжеса дивь на землю. – Язычески-иудейская хула на Христа взнеслась на христианско-русскую хвалу Христа. Ср.: «...и не иудейски хулим (Христа), но христианьски благословимъ»; «да хвалимъ Его оубо и прославляемъ» (Молдован, 1984: Иларион, стб. 182б, 168б). Дивь – см. коммент. № 14.

лелеют мечь Шароканю.
А мы уже, дружина, жадни веселея»⁴⁵.

⁴⁵ Се бо Готския красныя девы вспеша на брезе Синему морю. Звоня Руским златом, поют время Бусово, лелеют мечь Шароканю. А мы уже дружина жадни веселия. Готския красныя девы – Можно считать, что это девы крымских половцев. Свое название готы-половцы могли получить от Крымской Готии. Со времени раннего средневековья в Крыму была известна архиепископия, а с конца XIII в. митрополия Готская, подчиненная Константинопольскому патриарху. Крымская Готия известна до середины XV в. Половцы подчинили Готию и получали с нее дань. Причем половецкие кочевья были в непосредственной близости от мест расселения готов в Крыму, которые в конце II в. с берегов Балтики переселились в Северное Причерноморье. И впоследствии, при уходе на Балканы, часть готов, видимо, осела в Крыму (Буданова, 1990. С. 72–82; Карсанов, 1992. С. 99–109). На Руси существовало мнение, что половцы – это готы. Должно быть, в связи с преданием о расселении готов в Северном Причерноморье. Так, например, Герберштейн сообщает: «Русские утверждают, будто половцы – это готы, но я не разделяю этого мнения» (Герберштейн, 1988. С. 165). Сказать, однако, в стиле древнегреческого «Здесь Родос, здесь и прыгай», нельзя – крымские половцы не участвовали в походе против войск Игоря, «поскольку они никогда непосредственно с русскими княжествами не сталкивались» (Плетнева, 1985. С. 251). Против Игоря выступили полки приднепровских, донских и поморских половцев. Последние консолидировались с донскими половцами. Их кочевья находились на берегу Азовского моря и Таганрогского залива. Донских и поморских половцев возглавлял хан Кончак из рода Шарукана (Плетнева, 1988. С. 30, 31). И, тем не менее, «готские девы» – это девы не поморских половцев, как я подумал в моей книге «Русские древности «Слова о полку Игореве», изданной в 2004 г., и не крымских готов, несмотря на особый интерес, проявленный А. Н. Карсановым к теме крымских «готских дев» в «Слове о полку Игореве» – этому отождествлению мешает направление похода Игоря к Азовскому морю «поискать града Тмutorоканя». Эти «готские девы» – девы русских «готов», обитавших в первые века на Таманском полуострове, где, по сведениям исследователей, в 30-х годах IX в. возник город Россия или Руссия в 54 км. от города Тмutorоканя (это летописная форма, современная – Тмутаракань. – Л. Г.), на месте Голубицкого городища на юго-восточном берегу Азовского моря, и просуществовал до XIV в. (Десятичков, 1998. С. 8–9). Теперь мало что известно о готах на Таманском полуострове, и всё-таки сказать о них кое-что можно, хотя бы то, что в древности Таманский полуостров представлял собой архипелаг островов. В. Д. Блаватский предполагал существование трёх островов на месте Тамани: Фанагорийского, Синдского и Голубицкого. А. В. Куликов пришёл к выводу, что на Азовском побережье остров или полуостров образовывал Голубицкий останец коренного берега, северная граница которого проходила в 3, 5 км. от современного берега (Горлов, 1998. С. 60, 61; 63). В ряде арабских известий Таманский полуостров носит имя «остров руссов», а в русских летописях – «Тмutorоканский остров». Византийский хронист X в. Лев Диакон называет Боспор Киммерийский родиной руссов. Попытка увязать имя «русь» с ругами, которые могли появиться в Приазовье вместе с готами, натолкнулась на неодолимое сопротивление лингвистов, и главным образом, на исследования великого современного лингвиста О. Н. Трубачёва, который пришёл к выводу, что «переносы (имени русь) с севера на юг нам неизвестны да они и противоречили бы магистральному направлению исторического развития. С Юга на Север была перенесена и расширительно употреблена Русь северопонтийская, таврическая, придонская, приазовская – на Русь славянскую, в том числе днепровскую, и так – вплоть до «Руси» варяжской». «Двинувшись, подобно готам, на юг, руги с V века – на Дунае, то есть в центре Европы, что делало их хорошо известными в тогдашнем европейском мире» (Трубачёв, 1993. С. 43; 40). Но мы всё-таки не хотим пройти мимо ругов, чтобы обратить на них внимание как на особый случай названия северо-западных руссов от ругов, пусть и не без влияния Юга. При этом опереться на то, как это было, точнее на то, как это сохранилось в Летописи. Что говорит Лаврентьевская летопись? Афетово бо и то колено: варязи, свеи, урмане, готе, русь, агняне; галичане, вольхва, римляне, немци, корлязи, веньдици, фрягове и прочие, ти же приседають от запада к полуденю и сьседяться с племянем Хамовым (ПЛДР, 1978. С. 24). Ср. поясняющий перечень варягов в другом месте Лаврентьевской летописи, в «В лето 6370»: «Сиче бо ся зваху тыи варязи русь, яко се друзии (варязи. – Л. Г.) зовутся свеи, друзии же урмане, агняне, друзии гъте, тако и си» (так и эти, русь, зовутся варягами. – Л. Г.) (ПЛДР, 1978. С. 36). Заканчиваются варязи на «агнянах». По-видимому, это англыв Ютландского полуострова. Народ русь, таким образом, находится между готами и англами. Сделаем замечание относительно других соседей, показанных в Летописи, которые соседят с русью – это датчане (урманы-норманны) и шведы (свеи). Но в подлиннике Лаврентьевской летописи, имеющей многочисленные пропуски и ошибки, готы пропущены. Они восстанавливаются по другим летописям. К сожалению, это дало повод для недоумения «проницательному Шлёцеру», и он воскликнул: русь (русьсы) «между датчанам и англичанами! Этого быть не может: они здесь вставлены...». Другой случай Шлёцера – это заподозренное им «разнословие» в словах «И идоша за море к варягом, к Руси». (Трубачёв, 1993. С. 47). Но если заменить «к Руси» на «из Руси», то картина, конечно же, меняется. Появляется намёк на среднеднепровскую Русь или ещё на более южную Русь, откуда будто бы выселилась эта подозрительная Русь. Бесспорно, что это не противоречит «направлению исторического развития», но не меняет дела в корне: Русь – всё равно варязи, размещённые Летописью между готами и англами Ютландского полуострова в соседстве с датчанам и шведами. Если бы мы поддерживали точку зрения суежного лучезнайства «славян» против «руси», считая «призвание Руси» позднейшей вставкой, и, по остроумному замечанию С. М. Соловьёва, пытались вырвать первые страницы нашей Летописи вместе с «призванием Руси», то подлежала бы уничтожению и заключительная часть статьи под 6390 (882) годом: «И седе Ольг, кыняжа в Киеве... И беша у него Варязи и словене и прочии прозвашася Русию». А. А. Шахматов сделал примечание к словам «прозвашася Русию», которое выявляет существенную идею «призвания»: словене, кривичи и прочие прозвались Русью после «призвания». Примечание меняет форму приведённого летописного предложения и возвращает ему первоначальное и действительное содержание: «вместо «прозвашася» в Первой Новгородской летописи стоит «и прозвашася», что может быть, говорит Шахматов, первоначальнее» (Шахматов, 1916. С. 23–24, № 2–2). То есть: «И седе Ольг, кыняжа в Киеве... И беша у него варязи и словене и прочи, и прозвашася русию». А что это значит? Только то, что не следует повиноваться требованию «славян» вырвать первые страницы Начальной летописи, потому что и перед «прозвашася русью» – это местоимение анафористическое; употребляется без же и с же. Известный из предыдущего

или последующего; тот, этот (Словарь. III, 1990. С. 436). То есть: «И сидел Олег, княжа в Киеве... И были у него варяги и словене и прочие, известные тем, что прозвались русью». Выходит, что по этой причине содержание предложений не позволяет заподозрить в них несуществующий без местоимения и смысл, будто бы варяги, словене, кривичи и прочие назвались русью в Киеве, куда они пришли с Олегом. Нет, чётко сказано: «известные тем, что прозвались русью» – в смысле: до того ещё, в Ладоге или Новгороде. Ну, и кого теперь признавать под русью в ряду шведов, датчан, готов, англов, если не ругов? И это несмотря на установившийся обычай у исследователей проблемы варягов-руси ставить сторонников этой теории на место указанием на то, что они не оригинальны, потому что «эта догадка имеет почтенный возраст и порядочную историографию». В конце I в. Тацит знал ругов на Левобережье Одера, готов (готов) на Правобережье Вислы, венедов на среднем и верхнем течении Вислы. Во II в. готы двинулись из Прибалтики на юг. В составе готского союза двинулись и руги на юг. Но нигде не сказано, что руги вместе с готами пришли в Северное Причерноморье и в Приазовье, в том числе на Таманский полуостров. Однако только через три столетия, к V в., они осели на Среднем Дунае, где в 80-е годы V в. были побеждены римским полководцем Одоакром, которого тоже считают ругом, и расселены в Италии, где растворились среди местного населения. К VI в. места, где жили руги, и остров Рюген заняли славяне, и на них перешло имя ругов. И тем не менее, мы не стремимся отождествить летописных варягов-русь со славянами с острова Рюген, пришедших вместе с Рюриком по призыву новгородцев. Хотя новгородцы позже обоснованно всё-таки стали считать, что «от тех Варяг прозывашася Русь, и от тех словеть Русская земля; и суть Новъгородстии людие до дньшшняго дьне от рода Варяжска» (Шахматов, 1916. С. 368–369). Признавать Рюрика и его братьев этническими славянами из Южной Прибалтики совершенно не обязательно, как не обязательно признавать, что призвали 62-летнего Рорика Ютландского, на котором остановились наши современные историки. Это мог быть 32-летний его племянник с родовым именем Рорик и его двоюродные братья Сивар и Трувар, племянники Рорика Ютландского (Исторический словарь, 1793. С. 160: «Рюрик, первый Князь Российский. Родился у Варяг в 830 году»; Перевезенцев, 2004. С. 35, 36; Генеалогическая таблица). Все они были датчане, но в их родословии были сильные славянские ветви. Кстати, по языку датчане скандинавы, однако антропологические данные относят датчан к короткоголовой славяно-кельтской расе. Но для нас не менее важно другое. Разве не нашёл А. В. Назаренко в своих фундаментальных исследованиях латиноязычных средневековых немецких источников, что термин *Rugi* применялся в западных источниках по отношению к Среднеднепровской Руси, начиная со времени княжения Олега и до XII в., как взятый в эти источники из жизни, а не как чисто литературный термин? В особенности он обращает наше внимание на «памятник уникальный во многих отношениях» – «Раффельштеттенский таможенный устав» 904/6 г., происходящий с территории восточнобаварского Подунавья, где «этноним *Rugi* был в ту эпоху термином живого языка». В «Уставе» есть упоминание о русских и чешских купцах: «Славяне же, приходящие (в Восточную Баварию, область маркграфа Арбо. – А. Н.) для торговли от ругов или богемов...» (далее идёт регламентация их торговли. – Л. Г.). Словоупотребление «Устава» «указывает на то, что имелись в виду конкретные люди, которые ещё носили это название» – *Rugi* (Э. Цёльнер отказался от предположения, что этот термин мог быть «антиклизацией» реального этнонима «русь». – А. Н.) (Назаренко, 2001. С. 45, 46, 82, 84). Теперь снова о готах. Известно, что в середине III в. часть восточных готов осела на Таманском полуострове. И по сведениям источников, это была ветвь готского племени тетракситов (Буданова, 1990. С. 190). Через три столетия, в VI в., византийский историк Прокопий Кесарийский ещё знал об этих готах, и в своём сочинении «Война с готами», оставил такие сведения: «Рядом с теми местами, откуда начинается устье «Болота» (Азовское море и Керченский пролив. – Л. Г.), живут так называемые готы-тетракситы, они немного и тем не менее не хуже многих других соблюдают христианский закон». Более поздние источники о готах-тетракситах не упоминают вовсе (Карсанов, 1992. С. 101). Зато становятся известны русы как обитатели в районе Керчи (Корчев) и Тамани. Опустошительные набеги этих русов в конце VIII в. – нач. IX в. на соседние берега Крыма и Малой Азии хорошо известны по источникам – на город Сурож (Судак) в Крыму, на Амастриду, город в Малой Азии. Главным городом таманских русов был город Россия или Руссия, который упоминается в латинских, византийских и арабских источниках на территории Таманского полуострова, на его Азовском побережье. «Площадь детинца города Россия – по сообщению директора ТМК А. И. Афанасевой. на основании археологических работ Ю. М. Десятчикова и О. В. Богословского – равна 7 га, что немного превышает площадь детинца древнего Чернигова (4 га) и Новгорода Северского (2,5 га). Это свидетельствует о больших размерах города и его значении в древности» (Десятчиков, 1998. С. 9). В X–XI вв. население города Россия / Руссия входило в состав Тмутороканского княжества, принадлежавшего сначала киевским, а затем черниговским князьям. Жена Олега Святославича Тмутороканского византийская принцесса Феофания Музалонис, соправительница Олега, на свинцовой печати с её именем названа «архонтиссой Руссия». На Таманском полуострове кроме имени руссов долго, по-видимому, сохранялось имя готов за какой-то немногочисленной частью местного населения, как это случилось с крымскими готами. Возможно, в средневековье таманских готов постигла та же участь, что и крымских, которые, по изысканиям А. Н. Карсанова, «смешались с местным населением, и со временем их антропологический тип растворился в местном субстрате» (Карсанов, 1992. С. 104–105). Но это всё теории, которые далеко не всегда имеют успех. А как было в жизни? Бывают же редкие случаи, когда по косвенным данным можно представить, как это было на самом деле. Вот и по поводу готов есть современный «случай из практики»: литовцы до сих пор называют белорусов *gudai* (гудай) «готы», хотя о настоящих готах в тех краях более тысячи лет никто и ничего не слышал, и, тем более, белорусы к готам прямого отношения не имеют. Но главный смысл несут не слова сами по себе, как говорят знающие, а интонация, с которой они произносятся. Литовцы произносят слово «готы» по отношению к белорусам в тоне тёмной неприязни, а это уже народная память, которую оставили по себе настоящие готы. Но посторонний человек, знающий об этой практике не то слухом, не то духом, скажет, что готы и белорусы – один и тот же народ. Другой случай из истории словен: «латины» в своё время называли далматских, кроатских и черногорских славян – готами. Так, Фома Архидиакон (1200–1268 гг.), автор «Истории города Салоны», рассказывая о старине жителей Далмации, говорит, что они «были злы и жестоки, однако были христиане, но в большом невежестве, и в арианской ереси. Их большей частью называют готами, хотя они по свойству имени словенцы» (Венелин, 2004. С. 183). – Отметим для себя: далматы злы и жестоки, невежественные ариане, и большей частью их называют готами, но на самом деле это словенцы. А вот сообщение

ЗОЛОТОЕ СЛОВО СВЯТОСЛАВА

из XV века: Л. Туберони, писавший в Рагузе, и слышавший то же, что и Фома Архидиакон в XIII веке, говорит, что «из этого заключить должно, что словенцы и готы один народ. – И в наше ещё время рагузские матроны, в сердцах, служанок словенского племени называют готами» (Венелин, 2004. С. 183). – Слышите, в сердцах, называют словенек готами. По-моему, достаточно показательные примеры – что тот, что другой – для наших русских «готских дев». А если эти так называемые готы хорошо умели делать свои «русские» ювелирные украшения, вот вам и «русское золото», которым звенят во время ритуального танца, сопровождаемого пением, «готские девы», притом, это помимо военной добычи через посредников половцев. В первые века в местах близ устья Дуная жили некие русы. Об этих русах Епифаний Кипрский (IV в.) показал такими словами: «Уакинф (красный камень) обретается в восточной варварии сюриисцеи (русийской), Скуфия же её нарицают древнии, страну ту всю Северскую, в которой готы и давны» (даки. – Буданова) (Изборник Святослава 1073 г.). Эта информация Епифания очень редкая и содержательная. Во-первых, слово «русин» произносилось иногда с перестановкой звуков как «сурин». Об этом свидетельствует и Болгарская переделка Сказания о письменах. Если у черноризца Храбра сказано, что «Персом и Халдеом и Асиреом (было дано) звездочтение», то в Болгарской переделке вместо «Асиреом» читаем: «Персомь и Халдеомь и Роусомь да(с) звездоучтение» (Лавров, 1930. С. 163, 165). Во-вторых, «восточную варварию русийскую» древние называют Скифией. В-третьих, эта «варвария русийская» – Скифия – дополнительно названа «страной Северской», что необязательно соответствует географическому понятию «северная», но может обозначать страну славянского племени северов-северян. Ср. Новгород Северский в Курской области по имени славян северов-северян. При этом Скифия, скорее всего, римская провинция «Малая Скифия» на Балканах в области нынешней Добруджи (Буданова, 1990. С. 141, 142), где находился и древний город Томы, то есть в местах вблизи устья Дуная. Заметим, что готы были ариане, а «готское» вероисповедание было вначале также у некоторых славян. Показательна ещё одна аналогия – римская надгробная надпись. из Регенсбурга, расположенного на правом берегу Дуная в Баварии, троим погибшим воинам из племени винделиков, поставленная винделиком Сурином, их отцом. D. M. ET. MEMORIAE MISERRIMORVM. VINDELICIS: HARMOGENIANO ET VICTORI ET. SAVRE. FIL. VINDEL. SVRINVS INFELIX. PATER F. C. (Венелин, 2004. С. 102.) «Теням и памяти несчастных винделиков: Гермогениана и Виктора и Савры, сыновей винделика Сурина, скорбящий отец» (пер. наш). Скорбящий отец Сурин – это житель Баварии венец Русин. Примечание И. Х. Дворецкого в «Латинско-русском словаре» к слову *Vindelici* «кельтское племя между Гельветией, Нориком, Альпами и Дунаем», преодолевается мнением двухсотлетней давности. Ещё А. Шлёцер в своё время согласился с Поповичем, «что все производные от *wend*, *wind* означают Западных Славян» (Винеин, 2004. С. 90, № 1). По этой же причине особый интерес вызывает информация, добытая Назаренко в средневековых латиноязычных немецких источниках на данную тему: «...знаменитый писатель Валафрид Страбон (умер в 849 г.) знает «со слов веродостойных братьев» о таком далеко не общеизвестном факте, как сохранение остатков богослужения на готском языке «у некоторых скифских народов» в местах близ устья Дуная (*«fidelium fratrum relatione didicimus, apud quasdam Scytharum gentes, maxime Tomitanos, eadem locutione (Gothica. – Назаренко) divina hactenus official celebrari»* (Назаренко, 2001. С. 63): «надёжные братья рассказали, что у народа наподобие скифов, преимущественно томитанских, точно такая же божественная беседа (Св. Писание), как у готов, расадник их почитания (Бога) до сих пор» (пер. наш). Послушаем теперь, что сказал об этих местах старший современник Валафрида Страбона, византийский историк Феофан Исповедник: [Булгары] «увидели местность, хорошо укрепленную: сзади рекой Дунаем, спереди и с боков – ущельями и Понтийским морем. Покорив из живущих там племён славянов так называемые семь родов, северов булгары расселили от начала ущелья Берегава до восточных областей, а на юге и на западе до Аварии – остальные семь родов...» (Чичуров, 1980. С. 62; 120, 121, № 300). Как видим, на основании сообщения Феофана, «страной Северской» можно назвать места расселения славянского племени северов-северян недалеко от устья Дуная, – «народа наподобие скифов», у которого «расадник почитания (Бога) как у готов», по сведениям «надёжных братьев», сообщивших это Валафриду Страбону. Напрашивается вывод, что у «народа наподобие скифов», наследника готского «почитания», были книги Святого Писания на своём языке. И ещё в пользу «русской гипотезы» – это факты, свидетельствующие о том, что в языке славян Подунавья существовало слово «русин» («сурин»), и оно применялось как для названия страны, так и для личного имени. Тщательное внимание к мелочам в рассуждениях О. Н. Трубачёва об имени Русь сделало ясным «несколько тёмное имя» народа Тоурси, который Константин Философ в своей речи на диспуте с трезычниками в Венеции 867-го года назвал среди «многих родов», «книги оумеюща и богу славу въздающа своим языком каждо», между обрами (аварами) и козарами – это **tur-gus-* или греческие «тавры-росы», племя, жившее к северу от дунайского устья. Тем самым Трубачёв оттолкнул «готскую гипотезу» «русских» письмен Жития Константина. Возражая, сказал: «Но ведь готов Константин знал отдельно и специально назвал как добрых христиан в перечне народов во время своего венецианского диспута!» И ещё: «Связь этнонима **tur-gus-* и «русских» письмен была, возможно, понятна Константину Философу тогда в Корсуне (Херсонесе), и он мог иметь в виду именно её в Венеции через несколько лет» (Трубачёв, 1993. С. 54, 57–59). «Ядро традиции» (Х. Вольфрам) киевских русов – это представление об общности происхождения балтийских, новгородских, азовских, дунайских и киевских русов; это – известное предание «о призвании»: «идоша за море к варягом к руси»; это – тесная связь киевских князей с «островом руссов». Так, например, Лев Диакон, сообщая о неудачном морском походе на Византию русского князя Игоря, говорит, что после разгрома его флота греками, он бежал к Боспору Киммерийскому, который он называет родиной руссов. А к сыну Игоря, Святославу, завоевателю Болгарии, византийский император Иоанн Цимисхий обратился с требованием «удалиться в свои области и к Киммерийскому Боспору, покинув Миссию» (Болгарию) (Лев Диакон, 6,8,10). Это, наконец – внешняя политика князя Святослава на Дунае, где жили русы, там же на Дунае город Русе. «Одоле Святослав болгаром, и взя город 80 по Дунаеви, и седе княжа ту в Переяславци (современное село Преслав около города Тулча в Румынии на

Тогда великий Святслав

южном берегу Дунная вблизи его рукавов при впадении в Чёрное море), емя дань на грехех» (Повесть временных лет, в лето 6475). Это – сведения автора «Слова о полку Игореве» об общности происхождения киевских, азовских и дунайских русов. Так, после поражения войска Игоря на третий день битвы с половцами, когда «тьма свет покрыла», и в русских княжествах, на родине павших воинов, «жены Руския въсплакашась», тут же, почти в один голос с ними, вступают «готские девы» на «острове руссов», и поют о «тёмном времени»: «И вот готские красные девы запели (во время ритуального танца) на берегу Синего моря (Азовского моря). Звения русским золотом, поют о наступившем времени тёмном («поют время бусово»), манят месть Шарукану» (привлекают, зовут месть, которая обрушилась на половцев Боняка и Шорукана в 1107 г. объединёнными силами семи русских князей). В ответ на этот сакрально-магический призыв и на готовность бояр отомстить половцам за поражение Игоря, Святслав Киевский в своём Золотом слове стал призывать князей ударить на половцев объединёнными силами. А что касается родства киевских руссов с дунайскими руссами, об этом можно узнать из сюжета о возвращении Игоря из плена: «Солнце светится на небесах, Игорь князь в Русской земле. Девицы поют на Дунае. Вьются голоса через море до Киева». Нельзя при этом не обратить внимания на то, что может способствовать познанию предмета, на «готских красных дев», они названы с благородным оттенком – девы дунайские названы ласково – девицы, а вот половецкие названы в сниженной экспрессивно-стилистической окраске – девки, которых помчали воины Игоря. «Готские» и дунайские, конечно, свои, а вот эти – чужие. Звоня русским золотом, поют... – «Русское золото» совсем не обязательно то золото, которое половцы награбили во время набега на Русь после поражения Игоря, и даже совсем не то золото, потому что половцы ещё не успели получить выкуп за пленённых русских и поделить вырученное. А было ли у них вообще время обменять на золото какие-то товары у «готов»? Слишком уж быстро «готские девы» стали бы кудеситься в это золото и звенеть им во время пения и танца. Скажут, что это золото оказалось у «готов» после ранее совершенных половецких грабежей в русских землях. А что – эти «готы» сидели на своём острове и только ждали результатов половецких грабежей? Они и сами были хороши. Среди награбленного в морских набегах и в результате выкупа у них пленных, они имели и «свое» золото, «русское». О том, что русы продавали награбленное соседним народам, имеются известия восточных авторов. А если эти так называемые готы хорошо умели делать свои «русские» ювелирные украшения, вот вам и «русское золото», которым звенят во время ритуального танца, сопровождаемого пением, «готские девы», притом, помимо военной добычи через посредников половцев. Эти «готские девы», звения золотом, поют на берегу Синего моря. Но золотые украшения могут звенеть только во время танца – девы поют и танцуют. Поэтому берег моря, золотые украшения, пение и танец – это обстановка ритуального танца, «одной из наиболее древних форм молитвы, осуществляемой путём имитации «божественных» действий. В процессе танца участники подражали движению солнца, звёзд. Относительно значений «танцевать» и «молиться» ср. греч. *pedao* «прыгать, танцевать», но валл. *pedi* «молиться», гот. *plinsjan*, русск. плясать, но и. - е. **prek* – «просить, молить» (Маковский, 1996. С. 328). Во многих русских заговорах действие происходит на берегу моря, иногда присутствует золото. «Пойду стану благословясь, пойду перекрестясь во чистое поле, во зелёное поморье... три врана... несут трои золоты ключи, трои золоты замки»; «пойду... путём дорогой к синему океану-море». Далее идёт просьба к «великим помощникам» (Даль, 1994. С. 36–37). А что если и наши девы обращались с определённой просьбой к неким «великим помощникам»? И вот ещё достойное внимания действие на берегу моря: «Женщины поморов Кольского уезда Архангельской губернии, чтобы вызвать попутный ветер для возвращающихся с промысла рыбаков, исполняют особый обряд, который называют «моление ветра». Вечером, к возвращению рыбаков, женщины всего селения выходят к берегу моря «молить ветер, чтобы не сердчал» (Карсанов, 1992. С. 119). Поют время Бусово. – Самая невероятная теория о «времени Бусове» – та, по которой, начиная с 30-х годов XX в. под «бусове» в отечественной науке стали понимать Бога, одного из князей славян-антов, побеждённого в 375 г. готским королём Винитаром, и который был распят на кресте вместе с сыновьями и 70-ю знатными антами. Всё перепуталось здесь и теперь уже никого не спросишь, почему время события 800-летней давности из истории готов и славян-антов исполнительницами песен, будь это «готские девы» или «половецкие девки», если у них такая длинная память на поражение русских, и это доставляло им удовольствие, названо это время по имени побеждённого Бога, а не по имени победителя «винидов» Винитара? А если поют все-таки половецки, тогда, спрашивается, какое им дело до истории готов, которая каким-то образом ещё увязывается с «местью Шароканю»? Пытаясь найти выход, обычно читают «месть Шароканю» не как дательный падеж, единственное число «Шарукану», а как притяжательное «Шаруканову». Этой мостью за половецкого хана Шарукана, деда Кончака, считают разгром ордами Кончака и Гзы полков Игоря. И делается ссылка на поход в 1107 г. объединённых сил семи русских князей на половцев, когда те под предводительством ханов Боняка и Шарукана были разгромлены русскими войсками. Боняк был взят в плен и казнён в Киеве. А вот судьба Шарукана русским источникам не известна, в Летописи о нём сказано два слова: «а Шарукан едва утече». Не обращают внимания и на слова самого Кончака в Ипатьевской летописи, когда он после беды-победы над Игорем звал хана Гзу на Киев, и сказал: «Поидем на Киевскую сторону, где суть избита братья наша и великий князь наш Боняк». – О Шарукане не было сказано ни слова. Тогда причём тут месть за Шарукана?! Ошибкой в расчётах оказалось и предложенное мной в книге «Русские древности «Слова о полку Игореве», изданной в 2004 г., для расшифровки «время бусово» имя византийского перебежчика к аварам Буса (VI в.), который научил их делать стенобитные орудия. Это умение перешло потом к другим степнякам, Кончакам, например, пользовался как раз такими разборными орудиями. Помните, как сказано о третьем дне битвы, когда Игорь потерпел поражение? «Темно бо бе в третий день... На реце на Каяле тьма свет покрыла: по Русской земли прострошася половци, аки пардуже гнездо...» Но ведь бусый – это не только серый, но и тёмно-голубосерый, а бусеть – темнеть, чернеть. Вот и поют во время танца-молитвы «готские красные девы» на берегу моря о времени тёмном, мрачном, и «лелеют месть Шарукану». Лелеют месть Шароканю. – Шароканю – д. пад. ед.ч. «месть Шароканю», а не притяжательное «месть Шароканову». Ср. в «Повести временных лет» о походе в 1111 г. Владимира Мономаха вместе с другими русскими князьями на половцев: «и поидоша к граду Шаруканю». Слово «лелеять», помимо этого предложения, встречается в тексте ещё четыре раза: ветер веет, «лелеючи корабли на синем море» (гонит их к пристани, конечно); Днепр «лелеял на себе Святослави носады до плъку Кобыкова» (нёс их на себе); Днепр, «възлелеи (примани, принеси), господине, мою ладу (Игоря) къ мне» (Ярославна); «О Донче... лелеявшу (влёкшего, нёсшего) князя на вльнях». – В четырёх этих случаях слово «лелеять»

изрони злато слово, слезами смешено,
и рече: «О моя сѣиновчя,
Игорю и Всеволоде!
рано естѣ начала
Половецкую землю мечи цвѣлити,
а себе славы искати.

Нѣ нечестно одолесте:
нечестно бо кровь поганую пролиясте;
ваю храбрая сердца
в жестоцем харалузе скована,
а в бѣести закалена⁴⁶,
се ли створисте моей сребреней седине!

А уже не вижду
власти сильнаго, и богатаго
и многовои брата моего Ярѡслава
с черниговскими бѣльями,

обозначает постепенное привлечение, продвижение к цели морских или речных судов с помощью ветра, моря или рек. Поэтому в пятом случае – а по порядку в первом, «лелеют мечь Шарокану» – слово «лелеять» едва ли может обозначать «хвалу» (хвалят мечь Шаруканову, мол), так как у этого слова есть значение по смыслу близкое к этому пятому случаю. Это – «вода лелея(ет), да в рот не лезе» (курское, воронежское), говорят о воде. – Вода манит, льстит (Даль. II. 1998. С. 247). Теперь уже с большей определённости можно сказать, что готские красные девы, звеня своим русским золотом, исполняют ритуальный танец-молитву на берегу моря, поют о времени тёмном, и, обращаясь к неким «великим помощникам», манят, призывают на головы половцев «мечь Шарукану» 1107 года, когда русские князья отомстили половцам Шарукана и Боняка за разорение русских земель, воюя на них объединёнными силами. Примечательно, что Святослав Киевский, выслушав бояр о событиях битвы Игоря с половцами и «готских девах», в своём «Золотом слове» призвал князей к войне на половцев объединёнными силами. А то что бояре из окружения Святослава, выражая свою готовность отомстить половцам за Игоря, сказали после слов о поющих «готских девах», что «а (и) мы уже дружина жадни веселения», то понимать это следует именно как готовность их к войне с половцами, и не вставлять слово «только»: те будто бы веселиться, а они, якобы, только жадуют веселения. Причём подразумевалось, видимо, не одно, а два веселья: весело сойтись с половцами и повеселиться после победы. Так, как это сказано в «Повести временных лет» о походе на половцев в 1103 году Владимира Мономаха и Святополка: «Наши же с веселием на конях и пеши потекоше к ним (наступали на поовцев). Половцы же, видевыше устремление Русское на ся, не доступивыше, побегоша пред Русьскими пылкъ». А после победы сказал Владимир: «...Взрадуимся и възвеселимся... яко Господь избавил ны ест от враг наших».

⁴⁶ ...Игорю и Всеволоде! Рано еста начала Половецкую землю мечи цвелити... Нѣ нечестно одолести: нечестно бо кровь поганую пролиясте. Ваю храбрая сердца в жестоцем харалузе скована, а в бѣесте закалена. Рано. – То есть не вовремя, не в своё, не в подобное время. Цвелити. – Западнорусское «дразнить, мучить, омрачать» (Фасмер. IV. С. 292). Нечестно. – Современные специалисты, следом за первыми издателями, понимают это место так, как будто Игорь и его родственники удельные князья, нарушили некие устои чести, совершили очередной аморальный шаг: что нельзя, то можно. Нельзя вести агрессивные войны, можно только оборонительные и освободительные, так называемые «справедливые войны». А Игорь наоборот вознамерился перебить всех половцев и захватить «Половецкое поле», хотя на самом деле – это исконно Русская земля вместе с Таманским полуостровом, городами Русией и Тмутороканью. Но киевский великий князь Святослав в своём «Золотом слове» выдвигает совсем другие укоризны молодым князьям. Они не обдумали как следует со всех сторон свой поход на половцев, и не совещаясь со старшими, взяли всё на себя. И говорит Святослав совсем не о вероломной победе князей над половцами в начале похода, а нечто другое: князья отказались соблюдать коллективное предварительное обдумывание со старшими намеренного похода на половцев. Ср. начало текста памятника: (Игорь) «истягну умь крепостию своею, и поостри сердца своего мужеством». – То есть подавил здравый смысл своей волей. Но главное, не оказал чести Святославу, не совещался с ним, поэтому поступил не честно. А он имел право на честь как привилегию великого князя киевского и старшего родственника Игоря. Вот слова Святослава в Ипатьевской летописи: «Да како жаль ми бяшетъ на Игоря, тако ныне жалую болми по Игорю, брате моем». – Да как досада мне была на Игоря, так теперь страдаю больше по Игорю, брате моём (Ипат. лет. 1185 г.). Кроме того, анализ слов честь, честный, чтить приводит в область родственных слов в индоевропейском со значением интеллектуальной деятельности: «мышление, понимание, намерение»; «думать, соблюдать» (Фасмер, IV. С. 350; 374).... Храбрая сердца в жестоцем харалузе скована. – Предлог в с предложным падежом употребляется при указании на состав предмета, материал, из которого произведено что-либо. Ср.: «...не суть то бози... но суть делани руками в дереве» (Словарь, 1975. С. 8). Бѣусть = буйность, от буйный, сокращённое буй, смелый, храбрый, дерзкий, самонадеянный; буй воевода, храбрый (Даль. I. С. 138).

с могу́ты и с та́траны и с шéльбиры,
и с топча́кы, и с реву́гы, и с о́льберы, —
тии бо бес щитовъ, с засапожники,
кликом плъкы побеждают,
звóнячи в пра́дедную славу⁴⁷.
Нъ рекóсте:
мужаимеся сами,
преднюю славу сами похитим,
а заднюю ся сами поделим.

А чи диво ся, братие,
стару помолодити?
Коли́ сокол в мытех бывает,
высоко птицъ възбивает⁴⁸,
не даст гнезда своего в обиду».

«Нъ се зло, княже, мне пособие,
на́ниче ся години обратиша;
се у Рим кричат под саблями половецкыми,
а Владимир под ранами,
туга́ и тоска сыну Глебову». —

⁴⁷ А уже не вижу... брата моего Ярослава с Черниговскими Былями, с Могу́ты и с Татраны, и с Шельбиры, и с Топча́кы, и с Ревугы, и с Ольберы. Тии бо бес щитов с засапожники кликом плъкы побеждают, звонячи в прадедную славу. В войске Ярослава Черниговского – русские вельможи и бояре (Были и Могу́ты) (Ключевский, 1989. С. 110). А также, по мнению современных исследователей, представители тюркских племен: Татраны – «опытные», Шельбиры – «обладатели креста» (крещеные), Топча́ки – «статные лошади», Ревуги – «люди-туры», Ольберы – «герои» (Менгес, 1979. С. 117, 118; 136, 137; 175–177; 122). Однако сам автор не подразделяет воинов на русских и тюрок, кроме того, описанный род войск относится к легковооруженной пехоте, что является, по древним источникам, основным признаком в пользу славян. Отмечен также общий способ ведения боя: «кликом полки побеждают», – причем это древний, «прадедовский» способ. Отдельно для славян аналогичный способ отмечает в конце VI в. византийский полководец Маврикий: «...они (славяне и анты) с криком все вместе понемногу продвигаются вперед. И если неприятели поддаются их крику, стремительно нападают...». Другой византийский источник конца VI – первой половины VII в., «Чудеса Св. Димитрия Солунского», описывая осаду города Фессалоники (Солуни) славянами, говорит: «...отчетливо услышали звук боя и узнали некоторые привычные уху значения варварских кличей»; «они (славяне) издали единодушно крик, еще более страшный, чем пламя... земля тряслась, и небеса таяли» (Маврикий, 1991. С. 371; Чудеса, 1995. С. 101, 113). Тюркские формы названий войсковых подразделений в составе войска Ярослава Черниговского могли сохраниться в качестве «наследия» Аварского каганата (VI–VIII вв.), когда авары осели в Карпатском бассейне, подчинив своей власти славян, германское племя гепидов и другие народы Центральной Европы. В военных походах авар славяне шли впереди них, образуя в сражении самостоятельную двойную боевую линию: в первой линии – легковооруженные славяне, а во второй – тяжеловооруженная пехота славян. Именно такое положение дел распознается из значений предложений источников об этом (Пасхальная хроника, 1995. С. 76, 80. № 11; С. 366, 380. № 12). В связи с этим оценка физических данных и боевых качеств отдельных славянских племен и родов давалась аварами, «аварский же язык был одинаково употребителен и среди германцев, и среди славян». В Южной Македонии было известно славянское племя сагудатов, которые в 70-е гг. VII в. были активными участниками осады города Фессалоники. Этимология этнонима не славянская, а тюркского или иранского происхождения (среди авар были иранцы с Поволжья) (Свод, 1995. Т. 2. С. 53, 373, 131. № 73). Тюркские эпитеты славянских войск: «опытные», «статные и сильные», «люди-туры», «герои» – находят подтверждение в византийских источниках. Так, в «Чудесах Св. Димитрия Солунского» названа особая категория славянских воинов, которую составляли «отборные», «опытные в сражениях», «выдающиеся», – они силой и смелостью «превосходили воевавших когда-либо против них». «Смелые в плавании и еще более мужественные в нападении» (Свод, 1995. Т. 2. С. 98, 130, 203. № 175). В славянской среде раннего средневековья находит подтверждение и тюркский термин Шельбиры – «обладатели креста» (крещеные). Римский папа Агафон (678–681) в письме Шестому Вселенскому Собору духовных иерархов утверждал, что «среди народов и лангобардов, и славян, а не только франков, готов и бриттов большинство признают, что они из наших братьев» (Свод, 1995. Т. 2. С. 212). Так что какая-то часть славян, принимавших участие в походах авар, приняла крещение.

⁴⁸ Коли сокол в мытех бывает, высоко птицъ възбивает. Мытитися – «терять перья, линять» (Словарь, 1982. С. 336). Однако на воле сокол не линяет (Максимов, 1981. С. 417). Размытитъ – «отделить птицу от гнезда» (Буслаев, 1912). Мътя (болг.) – «сидеть на яйцах, высиживать птенцов» (Словарь болгарско-русский, 1980. С. 223).

«Великий княже Всеволоде!
не мыслию ти прилетети издалеча,
отня злата стола поблюсти —
ты бо можеш Волгу веслы раскропíti,
а Дон шеломы выльяти;
аже бы ты был,
то была бы чага по ногате,
а кощеи по резане;
ты бо можеш посуху
живыми шерешеры стреляти —
удалыми сыны Глебовы⁴⁹.

Ты буй Рюриче и Давыде,
не ваю ли злечеными шеломы
по крове плаваша⁵⁰?
Не ваю ли храбрая дружина
рыкают аки тури,
ранены саблями каленами
на поле незнаеме?
Вступита, господина, в злата стремь
за обиду сего времени, —

Припев. За землю Рускую, за раны Игоревы,
буге Святославлеча.
Галичкы Осмомысле Ярославле,
высоко седиши
на своем златокованнем столе,
подпер горы Угорский
своими железными плыкы,
заступив королеви путь,
затвори к Дунаю ворота,
меч бремены вчрез облакы.
суды рядя до Дуная⁵¹.

Грозы твоя по землям текут,
отворяеши Киеву врата,
стреляеши с отня злата стола
салтаны за землями,

⁴⁹ Ты бо можеш посуху живыми шерешеры стреляти, удалыми сыны Глебовы. — Рязанские князья, сыны Глебовы, зависимые от Всеволода III, Владимиро-суздальского князя, сравнены с греческим огнем, которым греки в морских сражениях жгли суда противников. Сюжет построен на образах псалма 126: «Как стрелы в сильной руке, сыновья юности твоей» (Аверинцев, 1988. С. 194). Персидское словосочетание *tir-i-chedr*х — «стрела или снаряд “черха”» (Словарь-справочник, 1984. С. 179, 180). В то же время «по-персидски *шере-шир* значит лев свирепый» (Майков, 1893. С. 552, № 30).

⁵⁰ Ты буй Рюриче и Давыде, не ваю ли злечеными шеломами по крове плаваша? — Эта фундаментальная модель для описания кровавого сражения соотносена с апокалиптической фундаментальной моделью для описания Суда Божьего над людьми посредством сражения: «...и потекла кровь... даже до узд конских, на тысячу шестьсот стадий» (Откр. 14, 20).

⁵¹ Галичкы Осмомысле Ярославле высоко седиши на своем златокованнем столе... меч бремены вчрез облакы, суды рядя до Дуная. — Слово Осмомысл связано со словом *осмь(ь)никъ* — «сборщик торговой пошлины, судебнопoлицейская должность в Древней Руси» (Срезневский, 1863. Т. 2). По смыслу — Ярослав Галицкий контролировал зависимую территорию от Галиции до Дуная, взывая торговые пошлины. Бремены — это тяжести-тяготы. В данном случае тяготы торговых пошлин, которые Ярослав «метал вчрез облакы», за Карпаты, «суды рядя до Дуная».

стреляи, господине, Кончака,
поганого кощея⁵², —

Припев. За землю Рускую, за раны Игоревы,
буге Святославлича.

А ты, буи Романе и Мстиславе!
храбрая мысль носит вас ум на дело,
высоко плаваеши на дело в буюсти,
яко сокол на ветрех ширяся,
хотя птицю в буюистве одолети.

Суть бо у ваю железны папорзи
под шеломы латинскими⁵³;
теми тресну земля, и многи страны хинова⁵⁴ —
литва, ятвязи, деремела и половци, —

⁵² ...Стреляеши с отня злата стола Салтани за землями. Стреляй господине Кончака, поганого кощея. Стреляеши... Салтани за землями. — Много слов потрачено исследователями на скептический анализ обращения автора «Слова» к Ярославу Галицкому Осмомыслу, чтобы он не только посылал свих воинов в Святую землю «стрелять салтанов за землями», помогая Крестоносцам отстоять отвоёванный у мусульман Иерусалим, но чтобы он стрелял и своих врагов христианства — Кончака, «поганого кощея, за землю Рускую, за раны Игоревы, буге (отважного) Святославлича», — участвовали, нет ли русские в войнах Крестоносцев? Ввиду этого исследователи ограничиваются всё-таки только самими Крестовыми походами, указывая на тот факт, что события всех восьми походов (1096–1270 гг.) не приближаются к дате похода Игоря на половцев — 1185 г. Ближайший, 3-й Крестовый поход (1189–1192 гг.) был вызван завоеванием Иерусалима Салах-ад-дином (Саладином) в 1187 г., но в этом году Ярослав скончался, хотя независимо от этого факта, призыв автора выглядел бы анахронизмом. Непонятно другое — умолчание о тех фактах, которые могли бы подтвердить обоснованность обращения автора к Ярославу с упоминанием его воинов, принимающих участие в сражениях крестоносцев за Иерусалим. В данном случае, я думаю, достаточно воспроизвести сведения из «Хождения» игумена Даниила, совершившего путешествие в Святую землю в 1104–1106 гг., и необходимые суждения Н. М. Карамзина об участии русских в войнах крестоносцев, чтобы призыв автора к Ярославу по этому поводу выглядел достоверным. Вот что говорит игумен Даниил: «Мне же, худому, Бог свидетель (о нисхождении благодатного огня) и Святой Гроб Господень, и все спутники, русские сыны, случившиеся тогда в тот день там (в Иерусаиме), новгородцы и киевляне: Изяслав Иванович, Городислав Михайлович Кашкича и другие многие, которые знают обо мне» (ПЛДР. XII век. С. 112–113). На это изречение Карамзин высказал следующее суждение: «Быть может что одно христианское усердие и желание поклониться гробу Иисусову приводила их (русских) в Палестину...». (Однако) «достойно замечания, что многие знатные киевляне и новгородцы находились тогда в Иерусалиме. Алексей Комнин (византийский император) без сомнения приглашал и россиян действовать против общих врагов христианства; отечество наше имело собственных: но вероятно, что сие обстоятельство не мешало некоторым витязем российским искать опасностей и славы под знамёнами Крестового воинства» (Карамзин. Т. II, гл. VI, 1991. С. 89). Не лишне по разбираемому вопросу следующее соображение: вера в небесные знамения зависит от опыта людей. Поэтому представляет интерес сообщение Ипатьевской летописи о небесном знамении в 1187 г.: «Бысть знамение сентября в 15 день (по другим источникам в 9 день в полдень, по Астрономическим таблицам в 4 день): солнце погыбе, а небо погоре облаки огнезранными... в тот бо день взят бысть Иерусалим безбожными срацины... В Галичи солнцу померкшу, яко звезды видети среди дни; в Киевской же стороне никто же не виде в тот час» (Карамзин. Т. III, гл. III. С. 574. Примечание № 153). Саладин 20 сентября 1187 г. осадил Иерусалим; в пятницу 2 октября он вступил в Священный город. Что значило небесное знамение для галичан? В летописном сообщении мы видим оценочную стилистическую окраску, дополняющую сообщение словами: в Галичи оно было видно, а в киевской стороне никто не видел знамение. Что оно значило для летописца и его современников, в сочетании с позицией автора «Слова о полку Игореве»? Что галичане потерпели поражение, участвуя в обороне Иерусалима? Такую функцию текста и смысла исключить нельзя. Стреляй господине Кончака, поганого кощея. Кощей — «пленник, раб», из тюрк. колий — «невольник» (Фасмер М. Т. 2). Данный случай должен быть рассмотрен в связи с употреблением этого слова с именем хана Кончака: «поганый кощей Кончак», то есть раб или невольник, в то время, когда Кончак не взят в плен. Здесь еще действовала оппозиция раннего периода «свободный»: «раб» из «земледелец»: «скотовод» (Иванов, 1975. С. 18. Примеч. № 7). Кончак — кочевник-скотовод-пастух-раб. Поэтому когда Игорь, захваченный половцами, «пересел в седло кошеево», то он не просто попал в неволю, но попал в неволю к рабам, будучи сам высокородным, свободным «земледельцем».

⁵³ Суть бо у ваю железны папорзи под шеломы латинскими. — Папорзи — искаженное паворози («привязь боевого оружия»). В данном случае закрепляющие тесемки западноевропейских шлемов, укрепленные металлическими пластинами (Кравченко, 1992. С. 259).

⁵⁴ Теми тресну земля, и многи страны хинова — Литва, Ятвязи, Деремела, и Половци — сулицы своя поврогоща... — Балтийские языческие племена, слабые и лукавые — «хинова» — как и половцы. (См. комментарий № 43).

сѹ лици своя повръгоша,
а главы своя поклониша
под тѣи мечи харалужнии».

«Нѣ уже, княже,
Игорю утрпе солнцю свет,
а Древо не бологом листвие сронї:
по Рси и по Сули гради поделиша⁵⁵,
а Игорева храбраго плѣку не кресити.
Дон ти, княже, кличет,
И зовет князи на победу,
Ольговичи, храбрыи князи, доспели на брань».

«Ингварь и Всеволод, и все три Мстиславичи,
не хѹда гнезда шестокрылци⁵⁶,
не победными жребии
собе власти расхытисте;
кѹе ваши златыи шеломы
и сѹлицы ляцкии и щиты!
Загородите полю ворота
своими острыми стрелами.

Припев. За землю Рускую, за раны Игоревы,
бугега Святъславлича».

ПЕСНЬ 13

Уже бо Сула
не течет сребренными струями
к граду Переясловлю,
и Двина болотом течет
оним грозным полочаном
под кликом поганых.

⁵⁵ Нѣ уже Княже Игорю, утрпе солнцю свет, а древо не бологом листвие срони: по Рсии, по Сули гради поделиша... Утрпе – аорист 3-го л., ед. ч. от ст. – слав. трѣпети («цепенеть, застывать», «страдать») (Фасмер М. Т. 4); отерпнути – «онеметь, одереветнеть» (Словарь, 1987. Вып. 13. С. 235). Древо – Дерево русской жизни, с которого «упали» русские города, захваченные половцами.

⁵⁶ Ингварь и Всеволод, и вси три Мстиславичи, не худа гнезда шестокрылци... – Шестокрылци. – Имеются две модели для описания того, что значит «шестокрылци»: библейская и фольклорная. В религиозной литературе шестокрылыми представлены серафимы («огненные», «пламенеющие») – «крылатые сверхъестественные существа с охранительными функциями», «особо приближенные к Престолу Бога» (Мифы, 1988. С. 427). Ср.: «Шестыкрылатъ силуу въсприимъ» (из «Азбучной молитвы Константина пресвитера»), то есть «силу серафимов восприяв» (Лавров, 1930. С. 200). В фольклорной традиции шестикрылым называется сокол: в русских сказках «сокол шестокрыл», в далматинском причитании «сив соколе шестокрыли» – воин Лазарь (Прийма, 1980. С. 11, 12). Сокол относится к военно-аристократической, царской символике и так же, как и серафим, имеет охранительные функции. Таким образом, здесь совмещены, видимо, обе модели, библейская и фольклорная, связанные своим значением. «Не худа [славного] гнезда шестокрылци» – это Волынские князья, потомки Владимира Мономаха, который, по словам летописца, «храбрости мужество» выказал, «превознося имя Живоначальных Троицы».

Един же Изяслав,
сын Васильков,
позвони своими острыми мечи
о шеломы литовския,
притрепа славу
деду своему Всеславу.

А сам, под чрълеными щиты,
на кроваве траве,
притрепан литовскими мечи.
И схотию на кровать, и рек⁵⁷:
«Дружину твою, княже,
птиць криль приоде,
а звери кровь полизаша».

Не бысь ту брата Брячеслава
ни другаго – Всеволода;
един же изрони жемчужну душу
из храбра тела чрес злато ожерелие;
уныли гблоси, пониче веселие,
трубы трубят городеньскии.

Ярославе и вси внуце Всеслави⁵⁸,
уже понизить стязи свои,
вонзить свои мечи верёжени,
уже бо выскочисте из дедней славе,
вы бо своими крамолами
начасте наводити

⁵⁷ И схотию на кровать и рек. – Схотию «пожелал, захотел». Ср. в Службе Кириллу и Мефодию: «похотию премудрости больша...» (захотел премудрости большей) (Лавров, 1930. С. 109, № 13). Второе «и» – местоимение 3-го л. ед. ч. он. Рекъ, причастие прош. вр. «сказав», а не глагол прош. вр. «сказал». Кровать – походная кровать-одр князя. Походные кровати были, например, у византийских военачальников (Анна Комнина, 1965. С. 71). Были они и у русских князей-полководцев: «И помолвившюся ему, възлеже на одре своемъ» (Борис в шатре своем перед покушением на него) (Шахматов, 1916. С. 170). Одр – «ложе, кровать, скамья; легкая переносная кровать» (Словарь, 1987. Вып. 12. С. 294).

⁵⁸ Ярославе, и вси внуце Всеслави. – Чтение Н. Маньковского (1915 г.): «Ярославичи и внуци Всеслави»; чтение Д. С. Лихачева: «Ярославичи и все внуки Всеславовы». С таким чтением не согласился Л. А. Дмитриев на том основании, что в XII в. потомков Ярослава называли не Ярославичами, а Ольговичами и Мономаховичами, и что само это обращение могло быть обращено к группе князей, а не ко всем русским князьям, скорее всего к полоцким князьям (Дмитриев, 1952. С. 280). В то же время некоторые современные историки, стремящиеся заполнить лакуны первых страниц Русской истории, видят в предложении «вси внуце Всеслави» подлинника всех русских князей, потомков легендарного князя прибалтийских славян Всеслава, родоначальника всех русских князей (Цветков, 2004. С. 48). Такое построение противоречит логике предложения «Ярославичи (вместо «Ярославе») и вси внуце Всеслави, уже понизить стязи свои...» – вместо двух линий потомков Ярослава Мудрого и Всеслава Полоцкого предстаёт линия Ярослава, охваченная кругом потомков легендарного Всеслава, в который опять же входят потомки Ярослава. Поэтому определение, что здесь подразумеваются все русские князья, потомки легендарного Всеслава, ничего не определяет. На наш взгляд, для автора «Слова» важен был исторический масштаб, а не династическая действительность XII в. Ярослав Мудрый и Всеслав Полоцкий были современниками. Впоследствии потомки Ярослава правили всей Киевской или Русской землей, а потомки Всеслава только Полоцкой землёй. Но династическое право старшинства на Русскую землю было у Всеслава Брячиславича, внука Изяслава Полоцкого, старшего сына Владимира Святого от Рогнеды, дочери полоцкого князя Рогволода. И Всеслав неоднократно пытался силой овладеть киевским престолом. Автор явно на его стороне, поэтому Русскую землю называет «жизнью Всеслава», его достоянием. В этой позиции автора можно усмотреть существенный намёк на его полоцкое происхождение – киевлянин из Полоца. К этому подводит и сочувственный, интимный тон по отношению к князьям Полоцкой земли, в особенности горький лиризм при описании гибели в сражении с литовцами юного князя Изяслава Васильковича. Значимым для этой темы является также и восторженный тон автора по отношению к самим полочанам – «оним грозным Полочаном».

поганяя на землю Рускую,
на жизнь Всеславию, —
которое бо беше насилие
от земли Половецкыи?»

ПЕСНЬ 14

На седьмом веце Трояни
врьже Всеслав жребии
о девицу себе любу⁵⁹;

⁵⁹ На седьмом веце Трояни врьже Всеслав жребий о девицу себе любу. На седьмом веце Трояни. — По христианскому учению, тысяча лет — один век. «Требуе оубо знати, яко века имя многознаменателно есть... и коегожде человек жизнь, глаголется паки век, и тысящей лет время (тоже век)... Глаголются оубо седьм веце мира сего, сиречь от небеснаго и земнаго здания (от создания неба и земли)... Осмый же век будущий» (инобытие) (Иоанн Дамаскин, 1665. Кн. 2. С. 11). «От Адама до настоящего года (6644 = 1136) минуло 6 веков, а седьмого века минуло 6644 года (т. е. 644 года). Тысяча лет составляет один век» (Симонов, 1980. С. 99). Считалось, что земной жизни человечеству отпущено семь веков, а восьмой век — инобытие. «И к вечеру солнечного дня, как я бы сказал, на закате седьмого века, то есть к окончанию моей жизни, удалось и мне изучить греческий (язык)...» (Исаия Серский, 1990. С. 153). Всеслав Полоцкий жил в XI в., скончался в 1101 г. 1101 + 5508 (от сотворения мира до Рождества Христова) = 6609 (от «сотворения» или «от Адама»). Следовательно, годы жизни Всеслава приходятся на вторую половину «седьмого века Трояна». Троян — обожествленный славянами родоначальник-первочеловек, ему соответствуют: скифский Таргитай, первый человек и царь в Скифской земле, по первой легенде о происхождении скифов, имя которого также мотивируется исходя из сакральной роли числительного «третий», от которого оно происходит, как имя др. — инд. Триты и авест. Тратэаоны, и Геракл, первый человек в Скифии и родоначальник скифов, в соответствии со второй генеалогической легендой, включенной Геродотом в свой рассказ о скифах. Тождество Таргитая и Геракла считается доказанным и признаётся исследователями (Нейхардт, 1982. С. 204–205). Признаки, по которым имя Троян следует считать эпитетом Геракла и в связи с этим отождествлять Трояна с Гераклом, рассмотрены в нашем комментарии № 10 «Рица в тропу Трояню». В греческой традиции Геракл являлся покровителем воинов и защитником территории страны (Нег. II, 44; V, 63; VI, 116; VII, 176). По-видимому, эти же качества были свойственны скифскому Гераклу и русскому Трояну-Гераклу. Некоторые моменты сближают Трояна с этрусским Марисом и римским Марсом, которые являются также «троянами». На этруском зеркале из Кьюси на шее новорожденного Мариса изображены три буллы (золотые шарики, амулеты); на зеркале из района озера Больсена изображены три младенца с именами-эпитетами Мариса. В этрусской легенде о герое Маре-Марисе он получеловек-полуконь, проживший три жизни. На цисте из латинского города Пренесте над головой новорожденного Марса в обрамлении пальметок изображено чудовище с тремя собачьими головами (Немировский, 1983. С. 201–203). Марс входил в триаду богов: Юпитер, Марс, Квирин. Римский Марс, как и этрусский Марис, — бог нарождающегося года. Ему был посвящен март — первый месяц древнего календаря. Вместе с тем Марс — бог войны. Троян по своим функциям связан с этруско-римским Марисом-Марсом. Он являлся богом нарождающегося года. В Сборнике (Торжественнике) конца XII — начала XIII в. эпитет Трояна «Утрий»: «и человеческа имена та Утрия Трояна Хърса Велеса Перуна на богы обратиша» (Виноградова, 1985. С. 150). Утрий включает в себя понятие «первоначальный», в данном случае связанное как с первым человеком, так и с весенним равноденствием, 21 марта, после которого день становится длиннее ночи. Эпитет «Утрий» мог быть соотнесен и с Адамом, «ибо март месяц начало бытия... марта же месяца в 21 день и первозданный человек, родоначальник Адам, рукою Божиею создан был» (сказано в Житии Стефана Пермского) (Прохоров, 1981. С. 63. № 51). Ср.: утрий — завтрашний (Даль. Словарь. Т. IV, 1989. С. 522, стлб. 1); оутрий, оутрей — утренний, завтрашний день (Свирилин. Цсл. словарь, 2003. С. 179). По смыслу: «начальный, к первой поре следующего дня относящийся». Трояну был посвящен март — первый месяц древнеславянского календаря. После Крещения на Руси утвердилось два стиля летосчисления: исконное мартовское и сентябрьское, пришедшее из Византии (см. Бережков, 1963). Поэтому «седьмой век Трояна» отсылает к мартовскому летосчислению, так как битва на Немиге, о которой идет речь в тексте, произошла 3 марта 1068 г., или в 3-й день нового, 6576 г. — во второй половине «седьмого века Трояна». Связь Трояна с началом года по мартовскому стилю, а также с представлением о нем как о покровителе воинов продолжали существовать в масленичных (мартовских) обрядах и потехах. Так, например, в XV в. засвидетельствовано, что в эту неделю происходили «на Москве-реке конные ристания и всякие увеселения» (Марсу также посвящались конные бега в древнем Риме). В эту же неделю происходили игры, или игрища, — кулачные бои. «Масленицу» олицетворяли: мужчина, 12 лошадей (по числу месяцев) и колесо (соларный знак-символ). Лошадей запрягали в огромные сани, в санях находилось колесо, на которое садился наряженный мужик, его сопровождали музыканты. В это же время происходила игра в снежные городки: играющие разделялись на конницу и пехоту, атаковала конница. Обряд «сожигания масленицы» (соломенного снопа) подразумевал «сожигание соломенного мужика» (ср.: древнеримский обряд изгнания зимы, «старого Марса», в начале марта) (Мифы, 1988. С. 119). Православная церковь в эту неделю вспоминает изгнание Адама из рая (Забелин М., 1992. С. 35, 37, 42–44). В связи с Трояном, первочеловеком, родоначальником, покровителем воинов и защитником территории страны, нельзя отбросить сведения белорусско-литовских

ты клюками подпрься окони,
и скочи к граду Киеву,
и дотчеса стружием⁶⁰
злата стола киевского.

Скочи от них лютым зверем
в плъночи, из Бела-града,
обесися сине мыгле.
Утр же воззні стрікусы,
отвори врата Нове-граду⁶¹,

летописей о легендарном князе Тройдене, он же Тронята и Троиат, который был связан с Полоцком. Тройден построил город Раигород, в то время как его братья построили города «во имя свое»: Кгердус – Кгердоити, Голшись – Гольшане. Родовой герб Тройдена – Китаврус (китоврас, получеловек-полуконь) – сталкивает его с этрусским Марс-Марисом. Еще более проясняет эту позицию сообщение о том, что Тройден из рода Китоврасов. Привлекает к себе внимание исключительная воинственность Тройдена и его жестокость, которая заставила сравнить его с Антиохом, Иродом и Нероном: «великии воины учинил, – заключает, летописец, – был лютый и военный» (ПСРЛ. Т. 35, 1980. С. 91–95, 132, 176, 294). Всеслав Полоцкий явно соотносен с Трояном-Тройденом, тем более что в тексте памятника, в его содержании, в грамматических формах и в словаре достаточно признаков, чтобы настаивать на полочном происхождении автора. Девица – сам город Киев, а также София Киевская, где находился престол великого князя. Город на средневековом метафорическом языке считался дочерью митрополита или епископа, то есть девицей (Свод, 1995. Т. 2. С. 111). Этот образ унаследован от ветхозаветных времен.

⁶⁰ Ты клюками подпрься окони, и скочи к граду Киеву, и дотчеса стружием злата стола Киевского. Окони (но не о кони). – Слово это имеет значение «начала, конца, вообще какого-либо предела». Корень этого слова – сущ. «конь» (Виноградова, 1985. С. 140–146). Ср. др. – русск. искони – исперва. Стружие – в данном контексте это скипетр, а не копье (см. коммент., № 18). На некоторых византийских и древнерусских монетах с изображением царствующих особ скипетр не на уровне пояса, а дает подножия трона.

⁶¹ Скочи от них лютым зверем в плъночи, из Бела-града, обесися сине мыгле, утр же воззні стрікусы отвори врата Нову-граду, разшибе славу Ярославу... Обесися сине мыгле – завесился туманом (или облаком), а не повис на облаке, – так определяется значение слова «обесися» содержанием предложения, хотя это слово употреблялось и в значении «повесился»: «Древо на немже ся Июда обеси...» (Тихонравов, 1863. С. 430). Всеслав ускакал от киевлян лютым зверем, а не на облаке скрылся, он завесился туманом (облаком) и стал невидимым. Ср. античную практику помощи языческого божества герою: «Венера ж (мать Энея) темным покрыла облаком двух (Энея и Аханта) И обвела их густым богиня покровом тумана, Да их не узрит никто, да никто их коснуться не сможет»; «Следует он (Эней), туманом прикрыт (изумительно молвить), Через толпу, примешавшись к другим, но никем не увиден» (Вергилий, 1935. Кн. 1. Ст. 411–413, 439, 440). «Но средь врагов меня, в туман сокрыв густой, испуганного спас...» (Гораций, 1980. С. 43). Синяя (мгла-туман). – Содержанием этого слова является утверждение, что произошло вмешательство потусторонних «темных» сил (см. коммент. № 41). Утр же – сперва же, сначала (см. коммент., № 59, на слово «Утрий»). Воззні – искаженное възниче («возник, появился»). Стрикусы. – Первая часть слова (стри-) родственна ведийск. strikarmani – «женские типы заговоров»; др. – греч. strupsnos – «угрюмый» (человек); русск. – церк. – слав. стрегъ – «стрижение волос в знак печали»; др. – прусск. strigli (ж. р.) – «чертополох»; лат. stria – «борозда», I striga – «полоса скошенного хлеба или травы, прокос», II striga [strix] – «старая колдунья, ведьма», strix – «сова ушастая, сипуха» (высасывающая, по поверью, кровь у детей). Все значения имеют магическое или демоническое содержание. Вторая часть слова (кусы) (сущ. мн. ч.) – небольшие, «куцые», грабительские войска. Ср.: «Надеющаяся обрести б(с)тво (богатство), придоша кусою поплениени (вариант: «ратию попленити») мниси (монахов), ти яко не обретоша ничто же» (Словарь, 1991. С. 340). Коушь – «куцый, с отрубленным хвостом» (Словарь, 1991. С. 340, 341). Ср.: хеттск. панкус(а) – «все сообщество» (Герни, 1987. С. 63). Таким образом, Всеслав «возник» у Новгорода с «демоническими», яростными отрядами. При этом злобное, яростное нападение на Новгород и «расшибленная слава Ярослава» могут быть сближены с авестийской ситуацией в «Яшт»: 19; 45, 46, 56, 57. Самое славное... И злой дух и Святой... Гонцов отправил каждый Из них тогда быстрейших: Святой Дух – Мысль Благоу И Истину отправил... А злой дух – мысль злую И Ярость кровожадную... Достать пытался Хварно Тур, негодяй Франхрасьян... Достать пытался Хварно, Которым завладели Грядущие и бывшие Цари арийских стран... Нов-град – Новгород, первоначальное княжение Ярослава Мудрого. О разгроме Новгорода Всеславом в летописи сказано: «В лето 6575 (1067) заратися... Всеслав... зая Новград и до Неревского конца пожже, и поима все Святей Софеи, и паникадилы, и колоколы, и отиде» (ПСРЛ. Т. 33, 1977. С. 37). Таким образом, содержание разбираемых предложений, исходя из значений составляющих эти предложения слов, следующее: 3 марта 1068 г. воинственный, лютый Всеслав, «немиловитый», по словам летописца, «на кровопролитие», немиловитый, по мысли автора «Слова о полку Игореве», как Троян, который в данном случае включает в себя принцип двузначности: определяет мартовский стиль летосчисления и лютость Всеслава, – бросил жребий на киевский престол, «на девицу», которую он давно желал, начал битву на Немиге с братьями Ярославичами – Изяславом, Святославом и Всеволодом. Однако в конце противостояния Ярославичам, летом того же года, он «подпрься» ложными клятвами братьев-князей, поверил их обещаниям любви и дружбы, которые они гарантировали целованием креста, сдался на их милость, но тут же был арестован Изяславом и доставлен в Киев («скочи к граду Киеву»), где был посажен в тюрьму. Вскоре Изяслав бежал от восставших киевлян, которые посадили на престол Всеслава. Но правление его было кратковременным, всего 7 месяцев, так что он только дотронулся скипетром-стружием до киевского престола, который отнял у него пришедший с польской подмогой

расшибе славу Ярѡславу,
скѡчи вльком до Немѣи с Дудуток.

На Немизе
снопы стелют головами,
молотят чепѣ
харалужными,
на тоце живот кладут,
веют душу от тела.

Немизе
кровави брезе
не бологом
бяхуть посеяни,
посеяни костью
руских сынов.

ПЕСНЬ 15

Всѣслав князь людям судяше,
князем грады рядяше,
а сам в ночь вльком рыскаше, —
из Києва дорискаше
до кур Тмутороканя⁶²,

Изяслав. Хотя Всеслав выступил против него к Белгороду, но вступить в сражение не решился, ночью он тайно сбежал от киевлян, «обесися сине мьгле». Но сначала, «утр же», до битвы на Немиге, он с небольшим войском напал на Новгород, разграбил и пожег его, — с этого и началось, бросил «жребий о девицу себе любу» и т. д.

⁶² Всеслав Князь людям судяше, Князем грады рядяше, а сам в ночь вльком рыскаше; из Києва дорискаше до Кур Тмутороканя; великому хрьсови вльком путь прерыскаше. Грады рядяше. — Рядить — приказывать. «Ряды» касались перераспределения волостей. Во время кратковременного княжения в Києве Всеслав добровольно уступил Волынь Всеволоду, а принадлежащий изгнанному Изяславу Новгород передал его брату Святославу, тот — своему сыну Глебу, ушедшему княжить в Тмуторокань. Всеслав поэтому и «рыскал» туда, чтобы «урядиться» с Глебом о Новгороде. Быстро нужно было решить вопрос, чтобы его признали Киевским князем в обмен на Волынь и Новгород. В. А. Кучкин дал смысловой перевод этого предложения: «Всеслав-князь людей судил, князьям города раздавал (или давал) по соглашению». (Кучкин, 1985. С. 21, 32–35)...а сам (Всеслав) в ночь вльком рыскаше. — Ночь начиналась в момент начала вечерни, церковной службы, которая начиналась по современному исчислению времени в 17 часов — начало новых суток. Но это вовсе не значит, что Всеслав, оборотаясь волком, до света, до пения петухов (куръ), достигал Тмуторокани. Преодолеть расстояние даже по прямой и через Азовское море в 720 км от Києва до Таманского полуострова за ночь, ни волк, ни оборотень не способны. Предполагать гиперболу не имеет смысла в связи с тем, что далее сказано: великому хрьсови (солнцу) вльком путь прерыскаше, — ночью солнце не светит. Выходит, что Всеслав скакал и днём: солнце движется с востока на запад, Всеслав скакал с севера на юго-восток, перебегая ему путь. Синтаксическая конструкция: а сам в ночь вльком рыскаше, тесно связана с предшествующей — Князем грады рядяше. В таком случае она требует пояснения для нынешнего читателя в том смысле, что соединительный союз а для присоединительно-пояснительных отношений употреблен в значении и. Поэтому предложение в сокращённом виде может выглядеть так: Князьям города давал по соглашению, и кстати говоря, сам в ночь волком рыскал, из Києва дорыскивал до... Тмуторокани.... из Києва дорискаше до Кур Тмутороканя. Коуръ. — Петух. Время пения петухов: «и не до вечера тьчию нъ и до полоунощи и до коуръ и тьчию до света. XII–XIII в. (Словарь (XI–XIV вв.), 1991. С. 340). Куръ, кѹриос (кириос). Императорский и княжеский титул: «В се же лето иде Леонъ царевичъ зять Володимерь. на куръ. [в др. сп. на (с)нъ куръ от Олексія царя.] (Словарь (XI–XIV вв.), 1991. С. 386. Летопись Ипатьевская — 1116 г.). Курелеисонъ, кѹриє елѣтсон «Господи помилуй!» (церковный возглас): а людемъ зовоушемъ курелеисонъ; Богъ же и святая Богородица избави городъ. о(т) лютыя рати. и възваша. коури. иелисонъ; и тако възваша кирелеиса(н) вси полци радующесе (Словарь (XI–XIV вв.), 1991. С. 385, 386.). В состав кириллицы была включена из греческого алфавита буква ипсилон, получившая название ижица. Встречалась только в заимствованных из греческого словах в значении буквы ю, но главным образом в сочетании с о по греческому образцу (ou), и дала звук оу [y], который носит название «ук». В зависимости от надстрочного знака «предыхание» и (или) ударения,

Великому Хрсьови
вльком путь прерыскаше.

Тому в Полотске
позвониша заутреню рано
у Святыя Софеи в колоколы,
а он в Кыеве звон слыша⁶³.
Аще и вещь душа
в дръзѣ теле,

ижица читалась как гласный [и]. Поэтому ижица употреблялась в значении как [и] так и [у]. Таким образом, иметь полное представление о смысле синтаксической конструкции дорискаше до курь Тмutorоканя (что здесь: «петухи» или «княжеский титул»?) – невозможно без анализа «окружения» этой конструкции. «Всеслав князь людям судяше (давал людям «правду», княжеский суд), князем грады рядяше (вступал с князьями в договорные отношения о перераспределении волостей), а (и кстати говоря) сам в ночь вльком рыскаше, из Кыева дорискаше до кур (до князя, вин. п.) Тмutorоканя (Тмutorокани), великому хрсьови (солнцу) вльком путь прерыскаше». Великий хрсь (хърс) – иранск. *xors / *xurs, «усеченная форма выражения “солнце-царь”». Поэтому «древнерусское солярное божество Хорса (Хурса) следует считать сармато-аланским наследием у восточных славян» (Васильев, 1989. С. 139). Однако содержание имени божества не всегда совпадает с функциями этого божества: в одном из вариантов апокрифа «Беседа трех святителей» Хорс вместе с Перуном отнесен к властителям грома и молнии: «Два ангела громная есть:…Перун и Хорс… – два есть ангела молнина» (Васильев, 1989. С. 135). Сармато-аланско-гуннское божество Куар, «имя которого основательно сопоставляется с иранским словом хуар – «солнце», «был в представлении гуннов Варахана не только Солнцем, но и богом-громовержцем» («святой», «священный Куар»; ср.: в «Слове о полку Игореве» «Великий Хорс», – Л. Г.) (Гадло, 1979. С. 146, 147; Каланкатуаци, 1984. С. 124). В пантеоне Владимира (Перун, Хорс, Дажьбог, Стрибог, Семаргл, Мокошь) Хорс представлен в паре с Перуном, но не с Дажьбогом, как принято считать, – иначе разрушается принцип парности божеств. Убедительным объяснением включения Хорса в пантеон как равнозначного Перуну является принцип дополнительности: взаимоисключающие данные «дополняют» друг друга; солнечное божество, конный Хорс, введен в пантеон с воинскими функциями Перуна как божество русских князей. Великому хрсьови вльком путь прерыскаше. – Особенность Хорса в этой ситуации – что он быстро движущееся существо, и только в сравнении с его скоростью передвижения становится наглядной невообразимая скорость Всеслава-волка, который Хорсу путь перерыскивает (пересекает). Поэтому можно сделать вывод, что Хорс представлен в образе конного всадника, что Хорс – это Ездец. Но почему Всеслав-«волк» представлен противником конного Хорса? Всеслав захватил киевский престол незаконно, с помощью восставших киевлян, он не принадлежал к правящей династии Ярославичей, владевших Русью. А по языческой традиции, превратившейся во времена христианства в метафору или стандарт значения, русские князья правящей династии имели своего бога-покровителя – Хорса, как мы только что допустили. Всеслав «волком» рыскал в Тмutorокань из Кыева, чтобы удержаться на киевском престоле, урядившись о Новгороде с сыном Святослава Глебом, княжившим тогда в Тмutorокани (Кучкин, 1985. С. 21, 32–35). Тем самым Всеслав нарушал закон престолонаследия: «перерыскивал» путь к киевскому престолу Святославу Ярославичу и его сыну Глебу. Чтобы расширить представление о функциях Хорса, напомним, что значение предложения, по мнению современных лингвистов, определяется обстоятельствами его произнесения (Малкольм, 1987. С. 243). Атмосфера, окружающая высказывание автора о Хорсе, – это нарушение Всеславом княжеской правды, он – князь, неверный договорам (хотя сам Всеслав считал, что всё обстоит как раз наоборот: он потомок Изяслава, старшего сына Владимира от Рогнеды, поэтому имеет больше прав на киевский престол, чем Ярославичи). Поэтому на исходе дня, пока завтра («заутро»), не возшло «новое» солнце, «страж и охранитель всего благого мира» (Авеста, «Михр-яшт»), он стремится пресечь устоявшийся княжеский порядок, скачет в Тмutorокань к князю Глебу Святославичу, «великому хрсьови вльком путь прерыскаше». Эта атмосфера вынуждает сделать вывод о том, что Хорс – это не только солнечное божество, но также бог договора, следивший за верностью заключенных между отдельными князьями соглашений. Почитался он и как бог-воин, сражавшийся на стороне праведного, верного договору, и безжалостно уничтожавший вероломных нарушителей соглашений и лгунов, а также как бог-судья над всеми людьми. Более того, по нашему убеждению, Хорс – это индоиранский (арийский) Митра, к которому восходит русское «мир да Бог» (Топоров, 1988. Митра. С. 155). В авестийских текстах Митра «тех же достоин молитв и восхвалений», как сам верховный бог Ахура-Мазда (Авеста, «Михр-яшт». 1) (ср.: в пантеоне Владимира Хорс рядом с верховным богом Перуном.). Митра – «сильнейший из божеств», он первым движется впереди бессмертного Солнца на быстрой лошади, все озирает то, что меж небом и землей. Митра после захода солнца летит с запада на восток, «быстрейший среди быстрых», «могучий воитель… что разбивает башки… и наказывает неверных договорам безжалостно людей». «Он – страж и охранитель всего благого мира». Оружие Митры (Хорса): длинное копье («копье из серебра»)*, двулезвийный топор, обоюдоострый нож, булава. Этим оружием Митра (Хорс) «убивает лжецов, неверных договору» (Авеста, 1998. С. 300. № 12; С. 305. № 130, 131. «Михр-яшт»). Русь в договорах с греками клялась «оружием своим, и Перуньмь, богьмь своим, и Волосьмь, скотиемь богьмь» (ПВЛ. Статья под 6415 г.). В древнейших текстах русских летописей новые божества вводятся союзом «и», поэтому «оружие», и «Перун», и «Волос» – это разные божества. Тем более что в тексте договора дано пояснение: (клялись) «клятвою твердою, кльньшеся оружием своим». В таком случае напрашивается мысль, что клялись Хорсом-Митрой, солнечным божеством, богом договора и богом-воином.

⁶³ Тому в Полотске позвониша заутренню рано у Святыи Софеи в колоколы: а он в Кыеве звон слыша. – Содержанием этого предложения является утверждение, что Всеслав давно мечтал о захвате киевского престола; при колокольном звоне Софии Полоцкой он слышал звон колоколов Софии Киевской (Ключевский, 1987. С. 207).

но часто беды страдаша.

Тому вещи Боян
и пръвое припевку,
смыслени, рече:
«Ни хытру, ни горазду,
ни птицю горазду,
суда Божиа
не мѣнути»⁶⁴.

О! стонати
Руской земли,
помянувши пръвую годину,
и пръвых князеи;
того старого Владимира
не лъзе бе пригвоздити к горам Киевским.

Сего бо ныне стаха стязи Рюриковы,
а друзии Давидовы;
но розино ся им хоботы пашут,
копия поют на Дунае⁶⁵.

⁶⁴ Аще и вещь душа в друзе теле, нъ часто беды страдаша. Тому вещи Боян и пръвое припевку смысленый рече: ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божиа не минути. Друзе – искаженное «дръзе», «дръзе». Краткое прилагательное от дерзо («дерзко»), ср. р., ед. ч., местн. п. Дръзе (дръзе) – «смелый, храбрый, отважный» (Словарь, 1977. С. 229). Пръвое припевку. – Пръвое – «прежде, раньше»; припевка – «похвальная или корительная песня» (в данном случае корительные слова) (Срезневский, 1863. Т. 2). Гораздый – умелый, хорошо знающий свое дело, близко по значению к ведати («знать, иметь сведения»).

⁶⁵ Того старого Владимира не лъзе бе пригвоздити к горам Киевским: сего бо ныне стаха стязи Рюриковы, а друзии Давидовы; но розино ся им хоботы пашут, копия поют на Дунае. Старый Владимир – Владимир I Святославич, который был самодержцем Русской земли, состоявшей из трёх областей («земель»): Киевской, Новгородской и Тмутароканской. С этим связана форма личного княжеского знака Владимира – трезубец, в отличие от личного знака великих князей, предшественников Владимира, от Рюрика до Святослава, отца Владимира – двузубец. «Старый Владимир» трудился, присоединяя новые земли к Русской земле. Поэтому его нельзя было удержать, «пригвоздити к горам Киевским», ограничив власть Киевом, как это произошло с двоюродным братом Игоря Святославом из рода Ольговичей, «грозным велим Киевским» – договором с Рюриком Ростиславичем из рода Мономаховичей Святослав был «пригвожден к горам Киевским», где находился дворец великих князей, его власть распространялась только на Киев, а власть Рюрика на Киевскую землю. Поэтому и стяги-знамёна стали «самостоятельными»: одни Рюриковы, а другие Давидовы. Копия поют. – На этот счет существует знание, полученное не из вторых рук, а из авторитетного источника. Б. А. Рыбаков в 30-е годы был очевидцем красной конницы на походе, когда пики всадников, поставленные вертикально у седел, пели на ветру, как Эолова арфа (Рыбаков Б. А. Устный рассказ во время беседы при обсуждении моего перевода «Слова» в октябре 1994 г.). Но в бою копия жужжат, когда во время битвы их бросают, поражая врага. Именно поющие-жужжащие копия действуют у Гомера в сюжете об Энее: Эней «быстро пошёл сквозь гремящую брань, сквозь жужжащие копия» (Ном. II. V, 167). Хоботы, длинные острые концы треугольных стягов (знамён) развеваются на ветру. Копие – старославянизм, в древнерусском – «копье». Старославянская форма являлась главным обозначением этого вида оружия, упоминаемым рядом с именем Христа. У неправославных славян термины, восходящие к прасл. *коръје («копье»), были несколько оттеснены другими синонимами (Одинцов, 1988. С. 112). Этот вывод следует признать косвенным доказательством, что автор был православным славянином и в своей деятельности пользовался богослужебной литературой (форма «копие» по всему тексту памятника). На Дунае. – Если Дунай здесь не фольклорный образ реки, связанный с событиями или переживаниями действующих лиц, как в плаче Ярославны, а гидроним, то интересы Давыда Ростиславича на Дунае, отказавшегося идти на половцев с другими князьями, в числе которых был его брат Рюрик, могли быть связаны с дунайскими владениями его дядей, Мстислава и Василька, сыновей Юрия Долгорукого, которым византийский император Мануил в 1162 г. дал («дасть царь»): Васильку Юрьевичу четыре города «в Дунае», а Мстиславу «волость Оскалана». Эти владения считались владениями тавроскифов, то есть Руси. В связи с этим можно выдвинуть предположение, не тающее в себе опасность ошибки, что в этих владениях возникло русское население (см. Пашуто, 1968. С. 192, 338. № 48).

Владимир Старый, прижизненный портрет. (Золотая монета Владимира Святославича. Тип 1)

МОЛИТВА-ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Ярославнын глас <стена> слышит⁶⁶,

⁶⁶ Ярославнын глас слышит: зегзицею незнаемь рано кычеть... – Ярославнын глас слышит – кто? Чтобы избежать этого вопроса в виду отсутствия очевидного ответа, к слову слышит присоединяют возвратную частицу ся – слышится. Но это спорное решение вопроса, на наш взгляд, при наличии в произведении, как отметил Б. М. Гаспаров, «сложнейших соотнесений между различными точками повествования, а также изощрённых параллелизмов» (Гаспаров, 2000. С. 449). К «сложнейшим соотнесениям» между плачем-молитвой Ярославны и судьбой Игоря относим два факта: а) подходящие условия для бегства Игоря из плена после молитвы Ярославны; б) паломничество Игоря из своей отчины, Новгород-Северского, где находилась к тому времени его жена Ефросинья Ярославна, в Киев на поклонение образу Богородицы Пирогощей, которая относилась к типу Влахернской Богородицы Умиления. Это событие представлено в произведении как центральное после побега Игоря из плена. Киевский Великий князь Святослав и его бояре тут не упомянуты. Если паломничество Игоря не связывать с плачем-молитвой Ярославны, тогда оно теряет свой смысл. Ясно одно, Ярославна молилась Богородице Пирогощей в образе её символов «град», «стена непобедимая». Ср. богородичны: «Тебе град и пристанище имамы»; «стена непобедимая нам

зегзицею незнаемь рано кычеть:
«Полечу, рече, зегзицею по Дунаеви,
омочю бекрян рукав в Каяле реце,
утру князю кровавые его раны
на жестоцем его теле»⁶⁷.

Ярославна рано плачет
в Путивле на забрале⁶⁸, аркучи:

христианом еси Богородице Дево». С этими фактами связан перевод «Ярославнин голос <стена> слышит – <Богородица Пирогошая>». Но стилистически оправдана и форма «слышится» в виду существовавшего обычая с древнейших времён: во время бед и военных опасностей подниматься на городскую стену и совершать определённые действия или ритуалы. Этот русский обычай поддаётся отождествлению в основных чертах с троянским обычаем, описанным Гомером. Ахейцы уже под стенами Трои. На городской стене находится царь Приам, отец Гектора; на другой стороне стены, отдельно от мужчин, Гекуба, мать Гектора. Оба они умоляют сына не вступать в поединок с «лютым» Ахиллом, он «могучее» Гектора. Сын не внемлет их мольбам. А когда «Гектор пал под рукой Ахиллеса», Андромаха, жена Гектора, занятая дома рукоделем, «услышала крики и вопли на башне». Она быстро встала, позвала двух прислуги и велела идти за ней: «посмотрю я, что совершилось? / Слышу почтенной свекрови я крик... / Быстро на башню взошла и, сквозь сонм пролетевши народный, / Стала, со стен оглянувшись кругом и его увидала // Тело, влачимое в прахе...». Элементы одежды Андромахи напоминают древнерусские: «Навзничь упала она и, казалось, дух испустила. / Спала с нею и далёко рассыпалась пышная повязь, / Ленты, прозрачная сеть (закрывающая лицо. – Л. Г.) и прекрасноплетённые тесмы; / Спал и покров (на голову. – Л. Г.), блистательный дар золотой Афродиты... / Вкруг Андромахи невестки её и золовки, толпяся, // Бледную долго держали... (Ном. II. XXII, 25–85; 445–475). Далее причитания-плач Андромахи по Гекторе. Как видим, Андромаха была не одна на городской стене. Перед этим, находясь в доме, услышала голос свекрови, плачущей о Гекторе. Не одна была, конечно, и Ярославна на башне городской стены Путивля. И её голос, как голос Гекубы, а затем и Андромахи, мог слышиться горожанам. И тем не менее прилюдные плачи Гекубы и Андромахи – это одно, а плач-моление Ярославны, обращённое к природным стихиям – дело иное. Ср. в «Сказани о Борисе и Глебе»: (Борис) «вылезъ въ шатръ свои, плакашеса (молился) съкрушенъмъ сьръдцьмъ, а душею радостною, жалостноу гласъ испущаше: «Сльзь моихъ не презъри, владыко...» и пр. (ПЛДР, 1978. С. 284). (Далее см. статью комментария № 70 на слово «лада»).

⁶⁷ Полечу, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бекрян рукав в Каяле реце, утру Князю кровавые его раны на жестоцем его теле. Дунай – это живая вода, Каяла – мертвая. В фольклорной традиции мертвая вода, как и живая, необходима для исцеления ран или сращивания разрубленных частей трупа погибшего воина. Однако в мировом фольклоре кукушка, приносящая живую и мертвую воду, не засвидетельствована. В русских сказках эту роль выполняет ворон. Примечательно, что в скандинавской поэзии к ворону применялся кеннинг (метафорическое выражение) «кукушка трупов»: «Я видел, как кукушка трупов поднималась» (Мельникова, 1977. С. 104, 105. Примеч. № 234). Представление о вороне, «кукушке трупов», могло быть занесено на Русь скандинавами. Однако подобные метафорические выражения бытовали и в русском языке: вместо волка употреблялась метафора «лютый зверь», его эпитеты «сивопянный», «лихошерстный» (Киреевский, 1977. С. 57).

⁶⁸ Ярославна рано плачет Путивлю городу на забороле. – Игорь был князем Новгород-Северским, но Ярославна могла оказаться в Путивле по двум причинам. Во-первых, существовал обычай провожать воина-мужа молодой жене «за два рубежа»: «...князь Саур сын Ванидович... в поход пошел... Провожала его молодая жена, / Провожала она его за два рубежа, / От третьего назад воротилася. / Входила она на вышку на высокую (ср.: «Ярославна рано плачет в Путивле на забрале», на городских стенах, «на вышке»), / Становилась на бел-горюч камень, / Глядела-смотрела в чисто поле: / Далеко ли идет мой князь Саур сын Ванидович?» (Киреевский, 1977. С. 62, № 17). Во-вторых, в Путивле в то время жил брат Ярославны Владимир, изгнанный из Галича его отцом Ярославом («Осомыслом») за беспутное, недостойное, не княжеское его поведение. Ему дал пристанище только Игорь в своем княжестве, в Путивле, в вотчине своего сына Владимира. И Ярославна, должно быть, какое-то время, в отсутствие Игоря и сына Владимира, присматривала за братом, чтобы он своим поведением не уронил и ее чести... Путивлю городу на забороле... – Это классифицирующий признак, что Путивль – город, а не огороженное, укрепленное поселение. По своему социальному типу Путивль имел статус города, хотя он имел укрепленную площадку в 2,5 га, в то время как Новгород-Северский, княжение Игоря, – 30 га, а Чернигов, княжение Ольговичей, – около 100 га (Куза, 1983. С. 4–36). Следует иметь в виду, что в Древней Руси не всякое огороженное и укрепленное поселение называлось городом, а тем более имело статус города. Имеются сведения о 1128 укрепленных древнерусских поселениях, но лишь «седьмая часть» их «имеет сложную планировку и по этому признаку претендует на статус города» (Куза, 1983. С. 18). Эти обстоятельства не давали возможности древним скандинавам, посещавшим Русь, придавать словам «гард» и «гарды» значение: Русь «страна городов», хотя скандинавское «гардр» («гардар») связано со славянским «град» (город), но, видимо, за счёт смешения значений сходно звучащих слов. В Скандинавских странах названия деревень, усадеб, хуторов оформлены корнем **gard-** («обнесенное, огороженное место, усадьба, двор»). Для обозначения европейских городов использовался элемент **borg** («город, крепость»). Однако «три названия городов, лежащих на восточном пути» (скандинавов), оформлены корнем **gard-**: Холмгардр (Новгород), Кенугардр (Киев) и Миклагардр (Константинополь). Причем «скандинавские источники определенно указывают на значительную древность названия «гардр»: оно встречается в наиболее архаичных по происхождению памятниках» (Мельникова, 1977. С. 202). Последнее обстоятельство позволяет обратить внимание на следующие факты. В среднем неолите (5 тыс. лет до Р. Х.) существовали сооружения с кольцевыми рвами и кольцевыми оградами и с небольшой свободной внутренней площадью при относительно большой

«О ветре-ветрило!
 чему, господине, насильно веешь?
 Чему мычешь хинбвськыя стрелкы
 на свою негрудную крыльцо
 на моя лады вои?
 Мало ли ти бяшетъ горѣ
 под облакы веяти,
 лелеючи корабли на Сине море?
 Чему, господине,
 мое веселие по ковылию развея?

Ярбславна рано плачет
 Путивлю городу на заборолѣ, аркучи:
 «О Днепре Словутицю»⁶⁹!

общей площади сооружения (современное состояние при их исследовании); внешний диаметр – от 30 до 150 м (от 0,7 до 1,14 га), – сооружения в Центральной и Восточной Европе. В непосредственной близости от этих конструкций, за некоторыми исключениями, поселений не существовало. Поселения находились на различном расстоянии от них. Внутри конструкций признаки поселений отсутствуют. Исследователи пришли к выводу, что эти сооружения были социальными и религиозными центрами, в которых собиралась часть или все население района для религиозных церемоний или политических собраний (Петраш, 1994. С. 5–16). Эти сооружения по существу своему были городами, независимо от размеров, так как являлись идеологическими центрами и были «огорожены», укреплены, изображения идолов в них, безусловно, были. В египетской системе письма, например, города обозначались равноконечными крестами с расширяющимися концами, наклоненными вправо от оси, – религиозные и политические центры. На Руси с эпохи железного века и до XIII в. преобладали укрепленные небольшие поселения и городища-святилища с круглыми площадками, окруженными одним или двумя концентрическими валами, в центре площадки стоял идол. Они напоминали «города» среднего неолита в Центральной и Восточной Европе – от менее 1 га до 2,5 га. (см. Куза, 1983. С. 20, 22. Табл. 1; Тимошук, Русанова, 1983. С. 161–173). Поэтому имеется одно возможное предположение, что «городами» назывались укрепленные сооружения, внутри которых находились изображения идолов, то есть святилища. Отсюда скандинавское «гардр» или «гарды» как результат контаминации со славянским «град», «город» со значением «страна святилищ». Со временем в термин «гарды» было привнесено изменение и он мог получить значение «страна церквей», так как названия «городов церквей» – Новгорода, Киева и Константинополя – и в христианское время оформлены корнем **gard-**.

⁶⁹ О Днепре Словутицю!... възлелей господине мою ладу къ мне. Днепре Словутицю. – Для имени «отца» Днепра Словуты исходной формой была, по-видимому, Словун, как в имени князя славянского племени северов – Славун. Эти северы-северяне жили в местах недалеко от устья Дуная, о них упоминает Феофан Исповедник в своей «Хронографии», описывая события 764 / 765 гг. (Чичуров, 1980. С. 122. № 301). Но как вариант этой формы, могла быть форма Словин – Славин, тогда отсюда название словене – славяне. С этой точки зрения вызывает особый интерес, в своей наиболее достоверной части, «Ономастикон Мифологический. Краинския имена Божеств, упоминаемых в Поезии», составленный монахом Маркусом Антонием Паддиано, изданный в 1783 г. в Люблине (Венелин, 2004. С. 145–146). Читаем: «Bogina, Slavina: Juno, – Slavina отождествляется с римской Юноной, супругой Юпитера. Юнона – богиня брака, материнства, женщин и женской производительной силы. Считалось, что каждая женщина имеет свою Юнону, как и каждый мужчина своего Гения (МНМ. 2, 1988. С. 679). Значение божества-гения Словуты – Словуна допустимо, полагаем, восстанавливать из аспектов авестийского Мантра Спэнта «Святое воздействующее Слово», а значение Славун – Славин из иранск. Фарн, авест. Хварно. Мантра Спэнта (Святое Слово). – Иногда персонифицируется как абстрактное божество-гений, ему посвящён 29-й день каждого месяца» (Авеста, 1998. С. 449). «Хаоме слава и Слову / И праведному Заратуштре» («Яшт», 17, 5); «Молюсь Святой Молитве (Слову) чрезвычайно славной» («Видевдат», 19, 16); «Я, Ахура... Слово-Мантру сотворил» («Ясна», 29, 7); «Оно (Слово) наипобедное / И самое целебное» («Яшт», 1, 1, 4). Фарн, авест. Хварно (Слава). – Божественный персонаж, его сущность: харизма, сакральная сила, связанная с Огнём и олицетворяющая высшее неземное начало. В зависимости от контекста, включает понятия «счастье», «удача», «богатство», «добрая судьба», «слава», «торжество над врагами». От иранских производных от Фарн-Хварно слав. *slava. Свою Славу-Хварно имеют каждая семья, каждый дом, каждое племя и каждая страна (МНМ. 2, 1988. С. 557, 558; Авеста, 1998. С. 449; 467). И, наконец, исчерпывающее: «Слово и Слава! Почему эти два выражения так близки в двух древних наречиях, таких различных, как славянский и халдейский? Это указывает на основное свойство человеческого духа в его общем для всех принципе, вместе и научном, и религиозном: Глагол, слово космологическое и его равнозначие. Иисус Христос в своей последней таинственной молитве бросает, как всегда, луч яркого света на историческую тайну, которая нас занимает: «И ныне прославь Меня, ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира» (Инн., 17, 5). Воплощённое Слово делает тут намёк на Своё непосредственное творение, творение, изображённое под именем мира божественного и вечного – Мира Славы...» (Сент-Ив, 2004. С. 143). Итак, в этом смысле следует отвергнуть нелепость, что название славян связано со славной судьбой, славой этого племени, или, что не лучше, это название связано с тем, что словене-славяне, будучи «словесные», понимали друг друга, а вот немцев не понимали и называли их «немыми» – немцами. Тогда вопрос: почему славяне называли восточногерманский народ готов – готами? Мало того, русские источники называют

ты пробил еси каменные горы
сквозё землю Половецкую,
ты лелеял еси на себе
Святослави насады до плъку Кобякова,
възлелеи, господине, мою ладу к мне,
абых не слала к нему слез
на море рано.

готов отдельно от немцев. Повесть временных лет: «Афетово бо и то колено Варязи: Свеи, Урмане, Гъти, Русь... Немцы...». Новгородская первая летопись под 1188 г.: «В то же лето рубоша новгородцы Варязи на Гътех (на острове Готланд), Немцы в Хоружку и в Новотържъце» (конфликт между новгородцами, готами и немцами с применением холодного оружия, и, к стати, здесь определённо сказано, что готы – варяги, немцы – нет). Исследуя смысл вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что название словене – славяне было связано с божеством-гением, Святым воздействующим Словом, «Словом славным», а также с сакральной силой божественного персонажа *slava. Славяне в названиях германских племён, которые они называли «немцами», должно быть, не слышали присутствия божества-гения, сходного по значению с их «Словом славным», не слышали они в чужих названиях и понятия о божественном персонаже, которого сами они называли «Слава» (ср. личные славянские имена, имеющие сакральный оттенок, во второй части которых находится – slav). Тогда следует принять, что язык соседей-германцев они всё-таки понимали, иначе не было бы заимствований в славянский. Но они оказались для славян чужими – «немцами». Чего не произошло с готами. В самоназвании готов присутствует божественный персонаж, высшее неземное начало – gutthiuda, что можно передать как «божий народ». Для сравнения: нем. Gott, англ. God «бог». Или, на худой конец, «хорошие, добрые люди» – ср. нем. gut, англ. good. Правда, тут же приходит на память эпизод из русской былины-скоморошины «Про дурня», который не знал когда что говорить: Заглянет в подполье, В подполье черти Востроголовы, Глаза – что чаши, Усы – что вилы, Руки – что грабли, В карты играют, Костью бросают, Деньги считают, Груды переводят. Он им молвил: «Бог вам в помощь, Добрым людям!» «Добрые дела» готов известны. Недаром некоторые из современных любителей древностей, считаящих, видимо, себя, в соответствии с подлой, в старинном смысле простонародной, а на самом деле стилизованной, литературной традицией «добрыми славянами», остальных «звероломно» нападающими без объявления войны, именуют готов «фашистами». Говорить и творить – искони были синонимами во всех первоначальных языках, но остались, как синонимы, только в славянском: Слово и Слава, отметил, как было сказано, Сент-Ив Д'Альвейдр. Думается, что не случайно св. Константин-Кирилл принялся переводить для словен сначала Евангелие от Иоанна, как только создал азбуку: «И тогда сложи писмена и нача беседу писати евангельскоу: искони бе слово и слово бе оу бога, и бог бе слово, и прочая» (Лавров, 1930. С. 27). Словенам, с их «первоначальным языком», это было доступно и понятно. Лада. – Три раза в ритуальной молитве-плаче Ярославны, обращённой к трём природным стихиям – ветру, реке и солнцу, манящей, привлекающей Игоря из плена, и призывающей Днепр «возлелеять» (доставить) её супруга-воина (ладу) к ней – звучит слово лада. Первый раз при обращении к ветру: зачем он несёт стрелы врагов на своих лёгких крыльях на её лады воинов? Второй раз при обращении к Днепру: «возлелей господине мою ладу кь мне». Третий раз при обращении к солнцу: зачем оно «простре горячую свою лучю на ладе вои»? Выявить христианский смысл в молитве Ярославны, обращённой к трём природным стихиям, удалось, на наш взгляд, А. Н. Ужанкову, обратившему внимание на толкование природных стихий в «Беседе трёх святителей». На вопрос: «Что есть высота небесная, широта земная, глубина морская? – Иоанн рече: «Отец, Сын и Святой Дух». – «Солнце, таким образом, олицетворяет собой «высту небесную», гуляющий по всей земле ветер – «широту земную», река – «глубину морскую». Молитва Ярославны о пленённом Игоре вывела его из плена, её молитва явилась решающей, размышляет Ужанков, (или переломной) в Промысле об Игоре. Потому что венчанный муж и жена являют собой одно целое: «...Ни муж без жены, ни жена без мужа, в Господе. Ибо как жена от мужа, так и муж чрез жену; все же – от Бога (1 Коринф. 11, 11–12) (Ужанков, 2009. С. 273). До моления Ярославны слово «лада» встречается в плаче русских жён по своим погибшим и пленённым воинам-мужьям: «Уже нам своих милых лад ни мыслию смыслити, ни думою сдумати». Примечательно, что это определение супругов, связанное со словом лад «мир, порядок», со словами ладити, лажу «мирить», появляется в плаче женщин на фоне военных событий. Лада (м., ж.) «супруг, супруга». О. Н. Трубачёв объясняет из *al-dh-os от *al- «расти» (Фасмер. II, 1996. С. 447). Это объяснение даёт возможность вновь обратиться к «Ономастикону Мифологическому» монаха Маркуса Антонио Падиано. Ladon, Tor, Tork: Mars (Венелин, 2004. – С. 146). Тор, в герм. – сканд. мифологии бог грома, бури и плодородия. В своих действиях имел воинский аспект. Торк, митанийско-хеттского происхождения, бог плодородия и растительности. Марс, вначале бог – покровитель полей и стад, ему был посвящён весенний месяц март. Его считают хтоническим божеством плодородия и растительности, и богом войны. Марс наделялся разными победными эпитетами, и в их числе «хранитель», «умиротворитель» (МНМ. 2, 1998. С. 519; 521; 119). В древнеримских посвяительных надписях от имени славян-венедов, живших на территории Империи, Лад, Лада, Ладон сохранился в форме Latob от слав. Латов. LATOBIO SAC. PRO SALVTE NAM. SABINIANI ET. IVLIAE. BABILLAE. VINDONIA MATER. V. S. L. I. M. «Латобию посвящение. Как поклонение поистине. Сабиниана и Юлия Бабиллы. Виндония мать соорудила по обету» (Венелин, 2004. С. 135, 136). Возможно, что Виндоний вернулся невредимый после боевых действий, в которых он участвовал, и мать соорудила посвящение своему племенному Марсу Латобию Хранителю. Известен Марс Латобий как племенной бог латобиков в Норике (МНМ. 2, 1998. С. 120). Нориков упоминает Нестор в Повести временных лет: «Нарци еже суть словене». О. Н. Трубачёв считает, «что Нестор отразил традицию того времени, когда этот первоначально кельтский этноним действительно был перенесён на славян» (Трубачёв, 2003. С. 107). Если принять в расчёт эти рассуждения, то в переводах памятника следует в слове «лада» оттенять и воинский аспект: «воин-супруг», «воин и муж». «О Днепр Словутич! ...возлелей, господин, моего воина и мужа ко мне». – Тем более, что произносится это слово на фоне военных событий. В припевах типа «Ой ладо, ладо!» воинский аспект утрачен, что дало оправданный повод судить о лежбожестве Лада.

Ярославна рано плачет
к Путивле на забрале, árкучи:
«Светлое и тресветлое слънце!
всем тепло и красно еси,
чему, гсподине,
простре горячую свою лучу
на ладе вои?
В поле безводне
жаждею им лучи съпряжé,
туго́ю им тулии затчé».

ПЕСНЬ 16. Побег Игоря из плена

Прысну море полунощи,
идут смóрци мыглами;
Игореве князю Бог путь кажет
из земли Половецкой на́ землю Рускую,
к óтню злату столу.

Погасоша вечеру зари,
Игорь спит, Игорь бдит,
Игорь мыслию поля мерит
от Великаго Дону до Малаго Донца.

Кóмонь в полуночи
Овлур свисну за рекою,
велит князю разумети:
князю Игорю не быть⁷⁰.

Кликну, стукну земля,
въшуме трава,
вежи ся половецкии подвѣзаша,
а Игорь князь
поскóчи горнастаем к трóстию,
и белым гоголем на́ воду;
въврѣжеся на́ брѣз кóмонь,
и скóчи с него бóсым вльком⁷¹,
и потече к лугу Донца,

⁷⁰ Комонь в полуночи. Овлур свисну за рекою; велить Князю разумети. Князю Игорю не быть... – Не быть сходно по значению с др. – русск. избыти («избежать чего-либо, избавиться от чего-либо») (Словарь, 1979. С. 104. № 3). Ср. «уход избудет»: беглец, крепостной крестьянин, уйдет, избавится от зависимости (О днях лунных // Из рукописи Троицко-Сергиевой Лавры XVI в. / Изд. Н. С. Тихонравовым).

⁷¹ Въврѣжеся на брѣз комонь, и скочи с него босым вльком, и потече к лугу Донца... – Босый волк – в современных брянских говорах – беловатый в результате весенней линьки, облегченный, оживленный волк (Словарь-справочник, 1984. С. 205, 206). Ср. также фамилию московского боярина XIV в., тысяцкого при великом князе Иване Ивановиче Красном: Алексей Петрович Хвост-Босоволков, он же Алексей Хвост. Прозвище Хвост (волчий) начиная с древнейших времен русские бояре получали за военные успехи, за качества быстроты и натиска.

и полете соколом под мыглами,
избивая гуси и лебеди
завтраку, и обеду, и ужине.
Коли Игорь соколом полете,
тогда Влур вльком потече,
труся собою студеную росу,
претръгоста бо своя бръзая ко́моня.

Донец рече: «Княже Игорю!
не мало ти величия,
а Кончаку нелюбия,
а Руской земли веселиа».

Игорь рече: «О Донче!
не мало ти величия,
лелеявшу князя на вльнах,
стлавшу ему зелёну траву́
на своих сребренных брёзех,
одевавшу его теплыми мыглами
под сению зелёну древу,
стрежаше е гоголем на́ воде,
чаицами на струях,
чрънядьми на ветрех.
Не тако ли, рече, река Стугна,
худу струю имея,
пожрыши чужи ручьи,
и стругы ро́стрена к усту⁷²?
Уношу князю Ростиславу
затвори Днепр темне бёрезе⁷³.

⁷² Не тако ли, рече, река Стугна худу струю имея, пожрыши чужи ручьи, и стругы ро́стрена к усту. – Затруднения, возникающие при чтении «стругы ростре на кусту», пропадают, если читать «стругы ро́стрена к усту» (к устью, несмотря на существующий протест против такой формы слова в др. – русск. как усто – «устье»). Во-первых, ростра (лат.) – «клюв», «морда»; «носовая часть судна, нос корабля». Но это так, в качестве вспомогательного элемента. А во-вторых, ро́стрена – это страдательное причастие, мужского рода, двойственного числа, винительного падежа (падеж объекта; в то время как множественное число – если стругы «речные потоки» – того же винительного падежа – ро́стрены), и на самом деле является русским диалектным словом с белорусским оттенком – расстреть от глагола простреть «протянуть», обнаруженное нами в живом языке брянских говоров в записи В. А. Козырева на тему «стругы ро́стрена к усту», но у него выходит, что «Стугна расширена к устью», тогда как все реки «расширены к устью». Запись В. А. Козырева. «В Брянской области нами записано следующее: «Банка – эта адно, а то кукшин, виш, с рушишькый, нъварху растрыйный» (то есть «расширенный, более широкий»). Здесь употреблено страдательное причастие расстренный от глагола расстреть (в брянских говорах вообще довольно обычны глаголы с таким корнем: простреть «протянуть», распростреться «распространиться», распростреть «разостлать»)» (Козырев, 1975, № 5. С. 32). Таким образом, здесь подразумеваются обоюдоносые суда-струги удлинённой, «протянутой» формы по сравнению с другими, имеющими корму, судами. Изображения обоюдоносных судов имеются на миниатюрах «Сильвестровского сборника» к «Сказанию о Борисе и Глебе» (XIV в.) (ПлДР, 1978. Иллюстрации). Аналогичную форму судов у скандинавов описал Тацит: «Форма их кораблей отличается тем, что с обеих сторон у них находится нос, что дает им возможность когда угодно приставать к берегу; они не употребляют парусов, а весла не прикрепляют к бортам одно за другим; они свободны, как это бывает на некоторых реках, и подвижны, так что грести ими можно и в ту и в другую сторону, смотря по надобности» (Тацит. Германия. Гл. 44; Гуревич, 1966. С. 38, 39). К усту – к устью, то есть к Днепру. Стугна – это правый приток Днепра, впадающий в него ниже Киева, на границе с половецкой степью XII в. Полноводная весной Стугна несла военные суда в Днепр во время походов на половцев, суда (корабли) гридей, или гридьбы, младшей княжеской дружины. Ср. известную надпись (граффито) в Софии Новгородской: «Пирогы в печи, гридьба в корабле, перепелка парит в дубраве».

⁷³ Уношу Князю Ростиславу затвори Днепр темне березе. Днепр – кратк. притяж. прил., м. р., ед. ч., вин. п. В данном контексте – берега Днепра. Темне – кратк. прил., м. р., мн. ч., вин. п. Березе – сущ. м. р., мн. ч., вин. п. (вместо ожидаемого

Плачется мати Ростіславля
по ўноши князи Ростіславе.
Уныша цветы жалобою,
и Древо с тугою к земли преклонило.

ПЕСНЬ 17

А не сороки втроскоташа —
на следу Игореве ездит Гзак с Кончаком.
Тогда врани не граахуть, галицы помлькóша,
сороки не троскоташа,
полбóзю ползаша только,
дятлове тектом путь к реце кажут,
соловии веселыми песьми
свет поведают.

Мльвит Гзак Кончакови:
«Аже соко́л к гнезду летит,
соко́лича растреляе
своим злаченными стрелы».
Рече Кончак ко́ Гзе:
«Аже соко́л к гнезду летит,
а ве соколца́ опутае
красною дѣвицею».

И рече Гзак к Кончакови:
«Аще его
опутае красною дѣвицею,
ни нама будет соко́льца́,

двойств. ч., вин. п. берега – «два берега»). Эта форма возможна только по типу склонения на **о**, тогда исходная форма должна быть бережъ – сущ. м. р., ед. ч., им. п. В таком случае березе – это не граница между сушей и водой, а места «у берега», связанные с лесом, причем с темными породами леса: дубом, вязом, липой, в обилии росшими по берегам Днепра около Киева. Лыко в строку и слова Овидия: «Есть роща, тёмная от сосновых и дубовых крон...» (Овидий. Послания героинь. XII, 67). Ср.: белорусск. бераг – «берег», «лесная окраина»; польск. brzeg – «берег», «опушка леса»; западнорусск. забережъ – «у берега» (Мурзаев, 1984. С. 82, 210). Ср. также древнерусск. формы: бережие – «побережье»; бережина – «прибрежный участок, полоса земли» (Словарь, 1975. С. 144). Возможно, с этим и связана форма мн. ч. березе, а не двойств. ч. берега. Ростислав утонул в Стугне, следовательно, Стугна «затворила» ему прибрежные днепровские места, «закрыла» путь домой. В 1093 г. Владимир Мономах и его младший брат Ростислав в битве с половцами отступили к Стугне. Во время переправы Ростислав утонул на глазах у Владимира. «Повесть временных лет» сообщает об этом событии: «И въбръде [вошли в Стугну] Володимеръ съ Ростиславомъ, и нача утопати Ростиславъ предъ очима Володимерима; и хоте похватити брата своего, и мало не утопе самъ... и прешедъ на ону страну Дънепра, плакася по брате своемъ...» (Шахматов, 1916. С. 278.) Однако Киево-Печерский Патерик о способе переправы через Стугну Владимира и Ростислава сообщает иное: «Владимиръ же прееха [переехал на судне] реку... Ростислав же утопе...» (ПЛДР, 1980. С. 536). Автор «Слова о полку Игореве» косвенно дает вариант Киево-Печерского Патерика, говоря о стругах на Стугне, когда упоминает о гибели Ростислава. Этот факт может послужить предметом для размышлений о связи автора с Киево-Печерским монастырем. Примечательно, что в Патерике гибель Ростислава описана как возмездие за оскорбление печерского монаха Григория Чудотворца и предание его насильственной смерти: Ростислав велел слугам утопить его в Днепре за его пророчество о том, что Ростислав вместе со своими слугами потонет в реке после нанесенного ему оскорбления. После совершенного злодеяния Ростислав не стал продолжать путь в монастырь, куда он шел помолиться и получить благословение перед битвой с половцами. В монастыре молился один его брат Владимир Мономах, который и спасся во время переправы через Стугну. Игорь не таков, как Ростислав, ему «Бог путь кажет» из половецкого плена домой, а река Донец «лелеет на волнах».

ни нама красны девице,
то почнут наю птици бити
в поле Половецком»⁷⁴.

* * *

Рек, Ббян и ходы
на Святъславля,
пестворца старого времени
Ярбславля, Ольгова, —
коганя хоти⁷⁵:
«Тяжко ти го́ловы кроме́ плечу,
зло ти телу кроме́ го́ловы»⁷⁶.
Руской земли без Игоря.

⁷⁴ То почнут наю птици бити в поле Половецком. Птици бити. — Вопрос о том, кто будет бить половцев, относится к сфере метафорического решения. Порядок перечисления птиц в диалоге Кончака и Гзы: сокол, соколич (сын сокола) — включает в себя утверждение, что половцев будут бить соколы, — возобновившие впоследствии поход на половцев Игорь и его сын Владимир. Поле Половецкое — перевод с кыпчатского (половецкого) Дешт-и-Кыпчак — «поле Половецкое».

⁷⁵ Рек Боян и ходы на Святъславля пестворца старого времени Ярославля, Ольгова. Коганя хоти... Рек — причастие пр. вр., м. р., ед. ч., им. п. «сказав» (Успенский сборник, 1971. С. 682). Ходы — аорист ед. ч., 3-го л., диалектная форма (вместо ходи). Ср.: «А цто про сямозерци хедыле, есемо не платяце...» («Ходил к самозеричам, поскольку те не платят...») (Буров, 1986. С. 219, 220. Грамота № 131). Рядом с Бояном нет никакого Ходыны, и это видно, несмотря на его мнимое присутствие в современных переводах. В этом тексте ходыновым духом и не пахнет. Пестворца — сущ. ед. ч., род. п. Форма ед. ч., им. п. (пестворць), которая должна быть в соответствии с требованиями грамматики, — эта форма в данном контексте неприемлема из-за своей «невывразительности», так как она совпадает с вин. п., ед. ч. (пестворць), а также с род. п., мн. ч. (пестворць). Поэтому возникает трудность в разграничении субъекта и объекта действия; ходил ли на Святослава Боян-песнетворец, или Боян ходил на Святослава-песнетворца, или же Боян ходил на Святослава и песнетворцев. В данном случае именительный (падеж субъекта) и винительный (падеж объекта) совпадают, поэтому употреблен род. — им. п. (падеж одушевленного субъекта). Святослав — Святослав Ярославич. Он сверг своего брата Изяслава и захватил киевский престол, «желая большее власти», по словам летописца. Он первый преступил отцовское завещание о престолонаследии. С резким требованием вернуть престол Изяславу выступил против Святослава игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий. Имеются косвенные сведения, что против Святослава выступил и монах Киево-Печерского монастыря Великий Никон, которого историк М. Д. Приселков отождествил с митрополитом Киевским Иларионом, сподвижником Ярослава Мудрого, автором знаменитого «Слова о законе и благодати», а мы отождествляем также с Бояном «Слова о полку Игореве» (см. отдельное исследование «Боян» в настоящем издании). Ярослав — Ярослав Мудрый. Олег — сын Святослава Ярославича, Олег Тмутороканский, названный «Гориславичем» в «Слове о полку Игореве». Пестворца... времени Ярославля, Ольгова... — Выразить понимание этого суждения автора о времени Ярослава и времени Олега современными словами можно, скорее всего, так, что Боян жил во времена Ярослава и Олега. Интервалы времени — Ярославово и Олегово — даны потому, что оба князя оставили по себе долгую память, по летописям — противоположную: Ярослав — добрую, Олег, наоборот, — недобрую. Коганя (от когань) — кратк. притяж. прил. от сущ. коган (каган), титула великих князей Киевских X–XI вв. со значением «царь». Этот титул можно расценить как примету влияния авар и хазар на славян до призвания князей (об этом титуле см.: Чичуров, 1980. С. 90. № 153). Однако существовало южн. — русск. каганец и зап. — слав. kaĥan, kaĥanes — «жировой глиняный светильник»; «ночник» (Фасмер. Т. 2; Даль. Т. 2). Ср.: «Похвала кагану нашему Владимиру. От него же крещени быхом» (Молдован, 1984. Стб. 168а). В древнерусских источниках слово «каган» («коган») известно только по отношению к Владимиру и сыну его Ярославу. Титулом царя после Владимира I владел его сын Ярослав Мудрый, об этом свидетельствует надпись (граффито) в Софии Киевской: «В лето 6562 (1054) месяца февраля 20 успение царя нашего» (Ярослава) (Высоцкий, 1966. С. 39–41). Хоти — сущ. ед. ч., род. — вин. п. (падежа одушевленного объекта, в данном случае — объекта любви царя). Им. и вин. п., ед. ч. — хоть, в данном контексте — «возлюбленный, любимец». Использован род. п. для обозначения одушевленного объекта (см.: Иванов, 1983. С. 284). Коганя хоти — «царев любимца» (форма род. п., аналогичная разобранный выше пестворца).

⁷⁶ Тяжко ти головы, кроме плечу; зло ти телу, кроме головы. Кроме — Наречие «прочь, в сторону, вон; в стороне, вдали» (Словарь, 1991. Т. IV. С. 300). В данном случае задействовано второе значение: «в стороне, вдали». Контекст предложения подразумевает изгнанного Святославом великого князя киевского Изяслава, который находился вдали от Киева. Голова — высшая власть, глава; в данном случае — изгнанный Святославом законный великий князь Киевский Изяслав. Тело — метафора целостной Русской земли, Киевской Руси.

СТИХИРА «на хвалите»

Солнце светится на небесё,
Игорь князь в Руской земли,
девицы поют на Дунаи⁷⁷,
выются гóлоси чрез море до Киева.
Игорь едет по Боричеву
к Святеи Богородици Пирóгошей, —
страни ради, гради весели!

Певше песнь старым князем,

⁷⁷ Солнце светится на небесе, Игорь князь в Руской земли. Девицы поют на Дунаи. Выются голоси чрез море до Киева. Игорь едет по Боричеву к Святей Богородици Пирогошей. Страны ради, гради весели... — Поющие девицы на Дунае — очевидная параллель готским девам, поющим на берегу Синего моря. Дунай — это крайние юго-западные пределы русских владений, где возможно, пели копия всадников войска Давида. Но более вероятно, что Дунай — это ставший условным в народной памяти образ реки прародины славян, с которым в народном творчестве связаны события или переживания действующих лиц. В целом же — это эпическая гипербола торжества по случаю возвращения Игоря из плена, ее цель — внедрение идеи о царе-самодержце целостной Русской земли. Игорь едет по Боричеву к Святей Богородице Пирогошей. — Церковь Богородицы Пирогошей была построена Мстиславом Великим в 1131 г. в Киеве. В Никоновской летописи сказано, что в этом году («лета 6639») «князи Рязанстии, и Пронстии, и Муромстии много половцев побиша» (Карамзин, Т. II–III, 1991. С. 613, № 272; 291, № 256). Военные операции русских князей против половцев нацелены были на полное истребление их в южнорусских степях. В 1192 г. осенью, когда днепровские половцы откочевали на Дунай, русские решили «долбануть по врагу» и там, далеко от Русской земли: «надумали лучшие мужи из черных клобуков просить у великого князя киевского Рюрика сына Ростислава на половцев на Дунай» (ПСРЛ, 1962. В лето 6700). Игорь не был исключением в актуальных для жизни Руси княжеских замыслах, наоборот. Во время первого столкновения с половцами в походе 1185 г. воины Игоря «с зарания в пятк (в пятницу) потопташа поганяя плъкы Половецкыя». А что было потом, когда русские полки были окружены бесчисленными ордами «детей бесовых»? — «Были сечи Трояни, минули лета Ярославля; были плъци Ольговы, Ольга Святъславличя... (перечислены времена крупных военных столкновений. — Л. Г.) То было в ты рати, и в ты плъкы; а сице и рати не слышано... Бишася день, бишася другый: третьяго дни к полуднию падоша стязи Игоревы». Можно себе только представить, сколько половцев было побито во время первого столкновения с ними, и затем, за время двух с половиной дней непрерывной битвы. Игорь потерпел поражение, но цель была достигнута: его войско, «побарая за христьяны на поганяя плъкы», начало освобождение русских земель — Волги, Помория, Посулия, Сурожа, Корсуни и «Земли Трояна», Тмутороканского княжества. При этом было истреблено максимальное количество врагов Руси. Именно Игорю принадлежат известные в то время слова: «Не дай Бог отказаться от похода на поганых: поганые всем нам общий враг» (Ип. лет.). Нельзя считать, что слова укора Святослава, мысленно обращенные к Игорю и его брату Всеволоду: «Но нечестно одолесте: нечестно бо кровь поганую пролиясте», — связаны с тем, что они, якобы «звероломно» напали на половцев, захватили имущество и не пощадили их семьи. Нет! Святослав говорит, что они рано пошли на половцев одни, не создав для такого дела коалицию русских князей, пошли «себе славы искати». В то время как честное дело, по пословице, не таится. Таким образом, нечестно поступили по отношению к другим русским князьям, невежливо. В плену Игорь испытал сильнейшее «самоукорение» (раскаяние), которое Св. Отцы считают «началом спасения»: «Я по делам своим воспринял победу от повеления Твоего, Владыко Господи, а не поганская дерзость обломила силу рабов Твоих. Не жаль мне за свою злобу принять несчастья все, которые я испытал» (Ип. лет.). Под своими злодеяниями Игорь подразумевает убийство мирных христиан во время междоусобных сражений, и ни слова о «нечестном» нападении на половцев. Итак, исходя по-видимому из того, что цель похода была достигнута с трагическими последствиями для Русской земли, требовалась защита участников похода со стороны русской церковной иерархии, «стяжавшей в народе авторитет высшей нравственной силы», потому что в атмосфере «непрерывных междоусобных войн, правонарушений и вероломства... тот князь чувствовал себя в более твердом положении, права которого брали под свою защиту представители церкви и наоборот» (Карташев, 1993. С. 216), и что при этом состоялось покаяние Игоря за его злодеяния в Русской земле, его возвращение обставлено вселенским ликованием, когда он едет по Киеву к храму Богородицы Пирогошей, где он был, и это очевидно, прославлен вместе с другими участниками похода, князьями и дружиной. И сама «песнь» о битве Игоря с половцами заканчивается пропетой славой участникам похода. Нам предстает возможность показать событие церковного славословия XII в. светскому человеку в византийском храме г. Фессалоники в день памяти св. вмч. Димитрия Салунского. Единство церковей даёт право думать о сходстве обычая такого славословия. Хотя объектом славословия в данном случае был «свой эгимон» (градоначальник, сын Георгия Палеолога и Анны Дуки), но обычай этот, вероятно, мог распространяться и на других «доблестных мужей». Перед входом в храм эгимон обратился к народу с речью. «И вот, как только этот доблестный муж вступил в святой храм и обратился с молитвой к мученику, народ начал по обычаю славословить своего эгемона». Далее описаны особо торжественные обряды, подобающие этому дню, и «поистине ангельское пение» мужского и женского хоров, принимавших участие в прославлении мученика («Тимарийон». Х. 1986. С. 34).

а потом молодым пети.
Слава Игорю Святъславлича,
Буи-Туру Всеволоде,
Владимиру Игоревичу!
Здравии князи и дружина,
поборая за христъяны
на поганья плъкы!
Князем слава а дружине!
Аминь.

2. СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВОМ, ИГОРЯ СЫНА СВЯТОСЛАВОВА, ВНУКА ОЛЬГОВА. ПЕРЕВОД ПАМЯТНИКА НА СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК⁷⁸

ВСТУПЛЕНИЕ

Не должно ли нам было, братья,
начать старыми словами
скорбных повестей
о битве Игоревой, Игоря Святославлича?

Начаться же той песне
по невзгодам сего времени,
а не по замышлению Бояна.

Боян ведь мудрый,
если кому хотел песнь творить,
то растекался мыслию по Древу <Христа>,
серым волком по земле,
сизым орлом под облака.

Припоминали битвы —
первых времен уособицы,
тогда пускали
10 соколов на стадо лебедей,
который достигал — и прежде песнь брал
старому Ярославу, храброму Мстиславу,
что зарезал Редю
пред полками касожскими,
Красному Роману Святославличу.

Боян же, братья, не 10 соколов
на стадо лебедей пускал,
но свои славные персты
на живые струны воскладал,
они же сами князьям славу рокотали.

ПЕСНЬ 1

Почнём же, братья,

⁷⁸ Перевод Л. А. Гурченко.

повесть свою от старого Владимира
до нынешнего Игоря,
что одолел ум твердостью своей
и возбудил сердца своего мужеством,
наполнился ратного духа,
навел свои храбрые полки
на землю Половецкую за землю Русскую.

Тогда Игорь
воззрел на светлое солнце
и видит: от него тьмою
все свои вои прикрыты.
И сказал Игорь к дружине своей:
«Братья и дружина!
лучше ж бы убитым быть,
нежели полоненным быть.

А сядем, братья, на своих борзых коней,
да глянем на Синий Дон». —
Сожгла князю ум воля его,
и горечь ему знамение заступила, —
изведать Дону Великого.
«Хочу же, сказал, копье поломать
в конце поля Половецкого с вами, русичи,
хочу голову свою сложить,
а либо напиться шеломом Дону». —

О Боян, соловей старого времени!
если бы ты эти полки воспевал,
скача, соловей, по умному Древу <Христа>,
летая умом под облака,
свивая славы обе части сего времени,
рыща в тропу Трояна чрез поля на горы, —
петь было хвалу Игорю,
того <Ольга> внуку.

ПЕСНЬ 2

Не буря соколов
занесла чрез поля широкие,
галки стадами бегут к Дону Великому, —
сапсана воспеть было,
славный Боян, Велесов внук!

Кони ржут за Сулою,
звенит слава в Киеве,
трубы трубят в Новеграде,

стоят стяги в Путивле,
Игорь ждёт милого брата Всеволода.
И сказал ему
буй Тур Всеволод:
«Один брат,
один свет светлый ты Игорь,
оба с тобой Святославличи.

Седлай же, брат,
своих борзых коней,
а мои уж готовы,
оседланы у Курска —
наперед.

А мои куряне
знающие дру́ги,
под трубами ро́ждены,
под шлемами взлелеяны,
с конца копья вскормлены,
пути им ведомы,
яруги ими знаемы,
луки у них напряжены,
колчаны открыты,
сабли изобстрены,
сами скачут
как серые волки в поле,
ищучи себе чести,
а князю славы.

ПЕСНЬ 3

Тогда вступил Игорь князь
в золотое стремя,
и поехал по чистому полю;
солнце ему тьмою
путь заступило,
ночь, стонуши ему грозою,
птичий взбудила крик звериный —

Встал близ Див,
кличетверху древа,
велит покориться землям невладеемым:
Волге, и Поморию, и Посулию,
и Сурожу, и Корсуню, и тебе,
Тьмутороканский кумир.

И ужаснулись половцы,

неготовыми дорогами
побежали к Дону Великому,
кричат телеги в полуночи,
что лебеди распуганные.
Игорь к Дону войско ведёт.

Теперь вот беды его
пасёт птичье подобие,
волки грóзу наводят по яругам,
орлы клетотом
на кости зверей зовут,
лисицы брешут
на червонные щиты.

Припев. О Русское войско!
уже ты за Валами теперь.

Долго ночь меркнет,
зари свет запылал,
туман поля покрыл,
пеньё соловьев уснуло,
говор галок поднялся.

Русичи
Великое поле
червонными щитами
перегородили,
ищучи себе чести,
а князю славы.

ПЕСНЬ 4

Спозаранок в пятницу
потоптали язычников полки половецкие,
и рассыпаясь стрелами по полю,
помчали красных девок половецких,
и с ними золото и шелка,
и дорогие бархаты.

Войлоком и плащами, и кобжухами
начали мосты мостить по болотам
и грязным местам,
и всяким узорочьем половецким;
красный стяг, белая хоругвь,
красная чёлка, серебряный скипетр —
храброму Святославличу.
Дремлет в поле

Ольгово храброе гнездо,
далече залетело;
не было оно обиде порождено,
ни соколу, ни кречету, ни тебе,
черный ворон, безбожный половчине.

Гзак бежит
серым волком,
Кончак ему след правит
к Дону Великому.

ПЕСНЬ 5

На другой день очень рано
кровавые зори свет возвещают,
черные тучи с моря идут,
хотят прикрыть 4 солнца,
а в них трепещут синии молнии,
быть грому великому,
идти дождю стрелами
с Дону Великого.

Тут и копьям приломаться,
тут и саблям настучаться
о шеломы половецкие
на реке на Каяле, у Дону Великого.

Припев. О Русское войско!
уже не за Валами теперь.

Вот ветры, Стрибожьи внуки,
веют с моря стрелами
на храбрые полки Игоревы;
земля гудом гудит, реки мутно текут,
пыли поля прикрывают,
стяги глаголют:
половцы идут от Дона и от моря,
и от всех стран – русские полки оступили.

Дети бесовы
кликом поле прегородили,
а храбрые русичи,
преградили червонными щитами.

ПЕСНЬ 6

Ярый Тур Всеволод!
стоишь на обороне,
прыщешь на войско стрелами,
гремишь о шлемы мечами священными.

Куда Тур поскачешь,
своим золотым шлемом посвечивая,
там и лежат
язычников головы половецкие.
Посечены саблями калеными
шлемы аварские
от тебя,
ярый Тур Всеволод.

Какая рана дорога, братья,
забыв о чести и жизни,
и граде Чернигове,
отчем златом столе,
и своей милой страсти,
красной Глебовны
свычаи и обычаи?!

ПЕСНЬ 7

Были сечи Трбяна,
минули лета Ярослава,
были битвы Ольговы, Ольга Святославлича, —
тот ведь Олег мечем крамолу ковал,
и стрелы по земле сеял.

Вступит в златой стремя
в граде Тмуторокане,
тот же звон слышал
давний Великий Ярославов сын Всеволод,
а Владимир по все утра
уши закладывал в Чернигове.

Бориса же Вячеславлича
слава на суд привела,
и на Канине
зеленый судный ковер постлала
за обиду Ольгову, —
храброго молодого князя.

С той же Каялы
Святополк по сече взял
отца своего
между угорскими иноходцами
ко святой Софии к Киеву.

Тогда при Олеге Гориславличе
сеялись и растили усобицами,
погибала жизнь Дажьбожия внука,
в княжьих крамолах
века человекам сокращались.

Тогда по Русской земле
редко бойцы пашен кричали,
но часто вороны граяли,
трупы себе деляще.

И галки свою речь говорили,
желая полететь на захребетное.
То было в те битвы и в те войны,
а такой битвы не слыхано.

ПЕСНЬ 8

Спозаранок дѡ вечера,
с вечера дѡ света
летят стрелы калёные,
гремят сабли о шлемы,
трещат копыя священные
вѡ Поле враждебном
среди земли Половецкой.

Черна земля
под копытами
костью была засеяна,
а кровию полита, —
печалью взошли
по Русской земле.

Что мне шумело,
что мне звенело
давеча рано пред зорями?
Игорь полки заворачивает,
жаль ведь ему
милого брата Всеволода.

ПЕСНЬ 9

Билися день, бились другой,
третьего дня к полуденю
пали стяги Игоревы;
тут и братья разлучились
на бреге быстрой Каялы:
тут кровавого вина не достало,
тут пир закончили
храбрые русичи.
Сватов напоили,
и сами полегли тут
за землю Русскую,
никнет трава горестями,
и Древо с печалью к земле преклонилось, —
уже ведь, братья,
невеселая година встала,
уже пустыня силу прикрыла.

Встала обида
в силах Дажьбожья внука,
вступил Девою
на землю Трбяна —
всплескала лебедиными крыльями
на Синем море,
у Дону плещучи, —
пробуждая жизни времена.

ПЕСНЬ 10

Усобица князьям —
на поганую погибель,
ибо молвят брат брату:
вот мое, и то — мое же;
и начнут князья про малое:
вот великое, сказывать,
и сами на себя крамолу ковать,
а язычники со всех стран
нападают с победами
на землю Русскую.

Припев. О, далече зашел сокол,
птиц бя, к морю!

А Игоревы

храброго полку нѣ воскресить:
за ним крикнул плач,
и вопль понесся по Русской земле,
дым беды
мыкая в пламенном роге, —

Жены русские
восплакались, так крича:
«Уже нам своих милых воев
ни мыслию смыслить,
ни думаю сдумать,
ни очами соглядеть,
а злата и серебра
ни мало того погубить нам». —

И встонал, братья,
Киев печалью,
а Чернигов напастями,
тоска разлилася
по Русской земле,
печаль сильна течет
среди земли Русской.

А князья сами на себя
крамолу ковали,
а язычники сами победами
нарыскали на Русскую землю,
беруще дань
по беле от двора.

ПЕСНЬ 11

Те же ведь два
храбрые Святославлича,
Игорь и Всеволод,
теперь злобу пробудили,
которую тот, было, смирил
отец их Святослав,
Грозный Великий Киевский.
Грозою был,
и пристращал,
своими сильными полками
наступил на землю Половецкую,
притоптал холмы и яруги взмутил реки и озера,
иссушил потоки и болота.

А безбожного Кобяка

из Лукоморья,
от железных великих полков половецких,
будто вихрь выхватил,
и упал Кобяк в граде Киеве,
в гриднице Святослава.

Тут баряне и венециане,
тут греки и моравы
поют славу Святославу,
карят князя Игоря,
что погрузил имение на дно Каялы,
реки половецкой,
русского злата насыпал.

Тут Игорь князь
Высел из седла злата,
а в седло кощеево;
уныли ведь градов забрали,
и веселие поникло.

СОН СВЯТОСЛАВА

А Святослав дурен сон видел
в Киеве на горах:
«Эту ночь с вечера
одевали меня, сказал,
черным покрывалом на кровати тисовой,
черпали мне синее вино
с тоской смешано,
сыпали мне смертными колчанами
безбожных тиверцев
отборный жемчуг на лоно,
и нежили меня;
уже доски без конька
в моем тереме златоверхом;
ночью с вечера серые враны возграяли,
у Плеснеска на оболоне
были могилы дани,
и не послать к Синему морю». —
И молвят бояре князю:
«Теперь, князь, тоска ум полонила,
вот ведь два сокола слетели
с отча стола злата
поискать ли града Тмутороканя,
а либо испить шеломом Дону;
уже соколам крылья припешили
нечистых саблями, а самих ведь опутали

в путы железные».

ПЕСНЬ 12. Рассказ бояр о последствиях битвы Игоря

«Темно было в третий день:
два солнца померкнули,
оба багряные столпа погаснули,
и с ними молодые месяцы,
Олег и Святослав,
тьмою тут обволоклись.

На реке на Каяле
тьма свет покрыла:
по Русской земле простерлися половцы,
как пардужье гнездо,
и в море <скорби> погрузили,
и великое буйство
подали лживым и злым.

Теперь взнеслась
хула на хвалу,
теперь грянула
нужда на волю,
теперь свергнулся
ужас на землю.

Вот ведь
готские красные девы
воспели на берегу Синего моря,
звения русским златом, поют время сумерек,
манят месть Шарукану.
И мы уже, дружина, жаждем веселия».

ЗОЛОТОЕ СЛОВО СВЯТОСЛАВА

Тогда Великий Святослав
изронил злато слово
со слезами смешено,
и сказал: «О мои сыновцы,
Игорь и Всеволод!
рано это начали
половецкую землю мечами мучить,
а себе славы искать.
Но вы втайне одолели:
вы втайне ведь кровь безбожную проливали.

Ваши храбрые сердца
из жестокого металла скованы,
а в подвигах закалены, —
то ли свершили моей сребреной седине!

И с вами не вижу
власти сильного, и богатого,
многовойского брата моего Ярослава
с черниговскими былями, с могу́тами,
и та́транами и с шéльбирами,
и с топча́ками, и с реву́гами,
и с о́льберами, —
ибо те без щитов, лишь с кинжалами,
криком полки побеждают,
звняще в прадедову славу.

Но сказали: «Потрудимся мы сами,
прошлую славу сами похитим,
а будущей сами поделимся». —

А что диво ли, братья,
старому омолодиться?
Если сокол с птенцами бывает,
высоко птиц взбивает,
не даст гнезда своего в обиду». —

«Но вот зло, князь, минула помощь,
изнанкой наши дни обернулись,
вот у Рим кричат
под саблями половецкими,
а Владимир под ранами,
печаль и тоска сыну Глебову». —

«Великий князь Всеволод!
не мыслию тут прилететь бы издалеча
отча злата стола поблюсти, —
ты ведь можешь Волгу веслами разбрызгать,
а Дон шлемами вычерпать,
если бы ты был,
то была бы раба по ногáте,
а раб лишь по рéзане;
ты ведь можешь и по́суху
живыми огнемётами стрелять —
удалыми сынами Глебовыми.
Ты, буй Рюрик и Давид!
не ваши ли злаченными шлемами <блеща>
по <рекам> крови плавали?
Не ваша ли храбрая дружина
рыкают будто туры,

ранены саблями калеными
на́ поле враждебном?
Вступите, властелины, в златой стремя
за обиду сего времени.

Припев. За́ землю Русскую, за раны Игоревы,
буйного Святославлича!

Галицкий Осмомысл Ярослав!
высоко сидишь ты
на своем златокованном столе,
подпер горы Угорские
своими железными полками,
заступив королю путь,
затворил к Дунаю ворота,
мечá бремени́ чрез облаки,
суды ряда́ до́ Дуная.

Грозы твои по землям текут,
отворяешь Киеву ворота,
стреляешь с отчего златого стола
султанов за землями,
стреляй, повелитель, Конча́ка,
безбожного раба.

Припев. За́ землю Русскую, за раны Игоревы,
буйного Святославлича!

И ты, буй Роман и Мстислав!
храбрая мысль носит ваш ум на дело,
высоко плаваете на дело, буйствуя,
точно сокол на ветрах шириаясь,
стремясь птицу в буйстве одолеть.

Так, у ваших железные оплечья
под шлемами латинскими;
от них грохнула земля, и многие страны —
литва, ятвяги, деремела и половцы, —
су́лицы свои повергли,
а главы свои подклонили
под те ли мечи священные». —

«Но теперь, князь,
Игорю померк солнца свет,
и Древо не добром листья срони́ло:
по́ Роси, по́ Суле города поделили,
а Игорева храброго полку не воскресить.
Дон все-таки, князь, кличет,
и зовет князей на победу,

Ольговичи, храбрые князья, dospели на брань». —

«Ингварь и Всеволод, и все три Мстиславича!
не худа гнезда шестикрыльцы,
не победными жребиями
себе земли расхитили,
где ваши златые шлемы
и сѹлицы ляхские и щиты?!
Загородите Полю ворота
своими острыми стрелами.

Припев. За землю Русскую, за раны Игоревы,
буйного Святославлича».

ПЕСНЬ 13

Теперь же Сѹла
не течёт серебряными струями
к граду Переясловлю,
и Двина болотом течет
к оным грозным полочанам
под криком безбожных.

Один же Изяслав,
сын Васильков,
позвонил своими острыми мечами
о шлемы литовские;
загубил славу
деду своему Всеславу, —

И сам под червонными щитами,
на кровавой траве,
загублен литовскими мечами;
и захотел на кровать он, сказав:
«Дружину твою, князь,
птиц крылья приодели,
а звери кровь полизали».

Не было тут брата Брячеслава,
ни другого – Всеволода;
один же изронил жемчужную душу
из храброго тела чрез злато ожерелие;
уныли голоса, поникло веселие,
трубы трубят городенские.

Ярославичи и все внуки Всеслава,
теперь понизьте стяги свои,

вонзите свои мечи безумные;
теперь ведь выскочили из дедовой славы,
ведь вы своими крамолами
начали наваживать
язычников на землю Русскую,
на власть Всеславлю.
Какое же было бы насилие
от земли Половецкой?

ПЕСНЬ 14

На седьмом веке Трояна
Бросил Всеслав жребий
на девицу ему любу;
тот лукавством <трех> подперся наконец,
и скóчил к граду Киеву,
и коснулся скипетром
злата стола киевского.

Скóчил от них лютым зверем
в полночи из Бела-града,
завесившись синей мглой.
Ранее возник ратью злой,
отворил ворота Нову-граду,
расшиб славу Яро́славу,
скóчил волком до Немиги с Дудуток.

На Немиге
снопы стелют головами,
молотят
цепами священными,
на токе жизнь кладут,
веют душу от тела.

Немиги
кровавые берега
не благом же были
посеяны,
посеяны костьми
русских сынов.

ПЕСНЬ 15

Всеслав князь людям судил,
князьям грады рядил,

и сам в ночь волком рыскавал,
из Киева дорыскивал
до князя Тмуторокани,
великому Хорсу
волком путь перерыскивал.

Тому в Полотске
позвонят ли заутреннюю рано
у Святой Софии в кóлоколы,
а он в Киеве звон слышал.
Хоть и сильная душа
в дерзком теле,
но часто от бед страдала.

Тому славный Боян
и впервой припевку,
сильный ум, сказал:
«Ни хитрому, ни проворному,
ни птице проворной,
суда Божьего
не миновать». —

О! стонать же
Русской земле,
помянувши прежнюю пору
и прежних князей, —
того старого Владимира
не удержать было на горах киевских.

Потому ныне стали стяги Рюриковы,
а другие Давидовы,
но порознь им знамёна вьются,
копья поют на Дунае.

МОЛИТВА-ПЛАЧ ЯРОСЛАВНЫ

Ярóславнин глас [«стена»] слышит —
<Богородица Пирогощая> —
кукушкой чужою рано кличет:
«Полечу, речет, кукушкою по Дунаю,
омочу бобровый рукав в Кáяле реке,
утру князю кровавые его раны
на могучем его теле».

Ярóславна рано молит
в Путивле на забрале, так глаголя:
«О ветер-ветрило!

зачем, повелитель, так сильно веешь?
зачем носишь ты бесовские стрелы
на своих нескорбных крыях
на моего воя войско?
мало ли было вверху
под облаками вейть,
колышучи корабли на Синем море?
зачем, повелитель,
мое веселие по ковылию развеял»?

Ярбславна рано молит
в Путивле городе на забрале, глаголя:
«О Днепр Словутич!
ты пробил как есть каменные горы
сквозь землю Половецкую,
ты колыхал как есть на себе
Святослава насады до полку Кобякова,
восколышь, повелитель, моего воя ко мне,
чтобы не слала к нему слез на море рано».

Ярбславна рано молит
в Путивле на забрале, глаголя:
«Светлое и тресветлое солнце!
всем тепло и красно как есть,
зачем, повелитель, простерло
горячие свои лучи на мужа войско?
в поле безводном жаждою им луки связало,
тоскою колчаны заткнуло».

ПЕСНЬ 16. Побег Игоря из плена

Прыщет море полуночи,
идут вихри тучами;
Игорю же князю Бог путь кажет
из земли Половецкой на землю Русскую,
к отчу злату столу.

Погасли вечерние зарева,
Игорь спит, Игорь бдит,
Игорь мыслию поле меряет
от Великого Дону до Малого Донца.

Кбней в полуночи
Овлур свистнул за рекою,
велит князю догадаться:
князю Игорю – уйти.

Крикнула, дрогнула земля,
восшумела трава,
вежи половецкие задвигались,
а Игорь князь поскóчил горностаем к зарослям.
И белым гоголем на воду,
бросился на борза коня,
скóчил с него легким волком
и побежал к лугу Донца.
И полетел сóколом под мглами,
избывая гусей и лебедей
к завтраку, и обеду, и ужину.

Коли Игорь сóколом полетел,
тогда Влур волком побежал,
труся собою студеную росу, —
надорвали ведь своих борзых кóней.
Донец сказал: «Князь Игорь!
не мало тебе величия,
а Конча́ку розни и зла,
а Русской земле веселия».

Игорь сказал: «О Донец!
не мало тебе величия,
качавшему князя на́ волнах,
стлавши ему зелéну траву́
на своих серебряных берегах,
одевая его теплыми мглами
под сению зелéна древа,
стерегши его гоголем на́ воде,
чайками на́ струях,
чернядьми на́ ветрах.

Не так ли, сказал, река Стúгна,
худую струю имея,
пожравши чужие ручьи,
и струги двúносы – к устью?
Юноше князю Ростíславу
затворила Днепра темны бéрги.

Плачется мати Ростíслава
по юноше князю Ростíславу.
Поникли цветы горя,
и Древо с печалью к земле преклонило».

ПЕСНЬ 17

А не сороки затрескотали —

по следу Игореву
ездит Гзак с Кончаком.
Тогда вороны не гра́яли, галки примолкли,
сороки не трескотали, полозы ползали только,
дятлы стуком путь к реке кажут,
соловьи веселыми песнями
свет возвещают.
Молвит Гзак Конча́ку:
«Если сокол к гнезду летит,
соколика расстреляем мы
своими злаченными стрелами».
Сказал Кончак ко Гзе:
«Если сокол к гнезду летит,
а мы соколика опутаем
красною девицею».

И сказал Гзак к Конча́ку:
«Если его
опутаем мы красною девицею,
ни нам будет соколика,
ни нам и красной девицы,
а почнут нас с тобою
птицы бить
в поле Половецком».

* * *

Сказав, Боян и ходил
на́ Святослава,
песнетворец старого времени
Ярослава, Ольгова, —
царя любимец:
«Тяжко и голове вдали плечей,
зло и телу вдали головы».
Русской земле без Игоря!

СТИХИРА «на хвалитех»

Солнце светится на небесах,
Игорь князь в Русской земле,
девицы поют на Дунае,
выются голоса чрез море до Киева.
Игорь едет по Бори́чеву
к Святой Богородице Пирогощей, —
страны рады, грады веселы.

Певши песнь старым князьям,
а теперь молодым петь.
Слава Игорю Святославличу,
Буй-туру Всеволоду,
Владимиру Игоревичу!
Правы князя и дружина,
поборовшись за христиан
на безбожные полки!
Князьям слава и дружине!
Аминь.

2009–2012 гг.

КОММЕНТАРИЙ

В 1926 г. В. Ф. Ржигу в своей работе «Гармония речи “Слова о полку Игореве”» сделал существенное замечание по поводу испорченности текста Слова: «Что касается самого текста Слова, то по мнению новейших исследователей, которое я целиком разделяю, он не так уже сильно испорчен, как это казалось сначала» (Ржигу, 1992. С. 5). Эти правильные слова высказаны не в качестве убеждения, они имеют под собой объективную реальность.

Часть вторая

БОЯН «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Глава 1

ОТНОШЕНИЕ БОЯНА К КНЯЗЬЯМ-СОВРЕМЕННОКАМ

По мысли автора «Слова о полку Игореве», воспеть поход Игоря подобало Бояну, – ему доступно было мысленное, невещественное естество Древа духовной жизни, он летал умом под облака, а также хорошо знал тропу Трояна через поля к горам – путь к Приазовью, в землю Трояна, куда направил свой поход Игорь.

Замысел Игоря о походе, в интерпретации автора «Слова», был грандиозным. О цели этого похода кличет Див в верху Древа: велит повиноваться (а не «послушать», как принято) «земле незнаемой» (невладеемой) – Волге, Поморию, Посулию, Сурожу и Корсуню (Крым) и Тмуторокани (Таманский полуостров).

Открывалась захватывающая цель: возродить Киевскую Русь, включая пределы Левобережной Скифии с частью Крыма, которую восстановил было Святослав Игоревич, отец Владимира Святого.

В тот период существовало два половецких объединения, Приднепровское и Донское – Белая и Черная Кумания, по данным карты Восточной Европы, составленной в XII в. арабом Идриси (Плетнева, 1988. С. 30). Днепровские половцы в холодный сезон, с октября по апрель, кочевали близ Дуная и на Балканах. А в мае они (или какая-то часть их) вновь появлялись на границе Руси (Литаврин, 1980. С. 105). Поэтому походы русских князей на половцев Днепра и Дона были «оговорены правилами» кочевий днепровских половцев к Дунаю и на Балканы, – походы эти совершались главным образом зимой и ранней весной, чтобы предотвратить объединение тех и других половцев.

С этими «правилами» были связаны, должно быть, походы русских князей на Дунай, на половцев как на врагов своих, кочующих летом в Поднепровье.

В 1106 г. великий князь Киевский Святополк послал воеводу Яна на половцев к Зареческу: и прогнали их до Дуная, пленных отняли, а половцев посекали (Шахматов, 1916. С. 327, 328).

В 1192 г. осенью, когда, надо полагать, днепровские половцы откочевали на Дунай, «надумали лучшие мужи из черных клобуков просить у великого князя киевского Рюрика сына Ростислава на половцев на Дунай» (ПСРЛ, 1962. В лето 6700).

Игорь пошел на донских половцев Кончака 23 апреля, рассчитывая, видимо, что днепровские половцы, которые могли бы оказать помощь донским, еще не вернулись с Балкан к границам Руси.

Днепровских половцев возглавлял тогда хан Гзак. Сделать такой вывод помогают слова автора «Слова о полку Игореве»: «Игорь к Дону войско ведет... Гзак бежит серым волком, Кончак ему след правит (из Поднепровья) к Дону Великому». Однако «в бою Игорь столкнулся даже не с одной-двумя ордами, а с объединенными под главенством Кончака полками приднепровских, донских и поморских половцев» (Плетнева, 1988. С. 31; ПЛДР, 1980. С. 355).

Но если Боян воспел бы лучше этот поход, по мнению автора, то встает вопрос: кто был Боян и кого он воспевал? Наше представление о Бояне возникает из смысла предложений о нем в тексте самого памятника. Так, автор говорит, что он был песнетворцем времен Ярослава Мудрого и Олега Святославича («Гориславича»). Но песнетворцами называли тогда не только составителей песен, в том числе богослужебных песен и молитв, но и самих певцов, а

также ораторов: «Историки и витии (ораторы), то есть летописцы и песнетворцы», – сказано у Кирилла Туровского (Срезневский, 1863. Т. 2). Боян выступил с обличением против Святослава Ярославича, изгнавшего «законного» великого князя с киевского престола, своего брата Изяслава: «...тяжко ти головы, кроме плечю; зло ти телу, кроме головы», – «рек Боян и ходы на Святъславля...» – «...Тяжело и голове без плеч, зло и телу без головы», – «сказав, Боян и пошел на Святослава...» (пер. наш.). Однако постановка 2-й части предложения «рек Боян и ходы...» в 1-ю часть «тяжко ти головы...» имеет принципиальное значение: донести кратчайшим путем смысл предложения и дать представление об исторической ситуации, отраженной в этом предложении. Тогда как ложное заключение относительно грамматической формы слова «рекъ», что это не причастие «сказав», а глагол «сказал» или «сказали» (Боян и будто бы некий Ходына одновременно с Бояном сказал), создаёт проблемы для переводчика и комментатора, о которых сказано будет ниже.

Наше представление о Бояне зависит также от смысла предложения: «Боян... Коганя хоти». – «Боян... великого князя (царя) любимец» (пер. наш.). Об активном, наступательном характере Бояна как высшего существа, принадлежащего к интеллектуальной (духовной) элите, основывающемся на установившихся ценностях русской традиции престолонаследия, свидетельствует его поступок по отношению к Всеславу Полоцкому, соответствующий его поступку по отношению к Святославу Ярославичу, – он выступил против Всеслава и сказал ему укоризну: «Ни хитрому, ни гораздому, ни птице гораздой суда Божьего не миновать».

Но кого, или каких князей, воспевал Боян? – На этот вопрос полного ответа в тексте памятника нет. Два предложения, содержание которых дает, по мнению современных исследователей, представление о князьях, которых воспевал Боян, являются на самом деле противопоставлением. В первом предложении говорится о том, что существовал обычай, вспоминая усобицы первых времен Киевской Руси, создавать песни князьям по жребию, бросая 10 соколов на стадо лебедей от имени кандидатов на прославление. И кому выпадал жребий, чей сокол первым догонял лебедь, тому и песнь была.

Помняшеть бо речь първыхъ времянь усобице,
Тогда пуцашеть 10 соколов на стадо лебедей,
Который дотечаше, та преде песь пояше,
Старому Ярославу, храброму Мстиславу,
Иже зареза Редедю предъ пылки Касожьскими,
Красному Роману Святъславличю.

В этом случае следует уделить внимание следующему обстоятельству: «помняшеть», «пуцашеть» – это гл. в имперфекте 3-го л., мн. ч. «вспоминали», «пускали». А «дотечаше», «пояше» – гл. в имперфекте 3-го л., ед. ч. «достигал», «брал». Во втором предложении говорится, что у Бояна был другой метод:

Боян же, братие,
не 10 соколовъ на стадо лебедей пуцаше,
Нъ своя вещиа пръсты на живая струны въскладаше,
Они же сами Княземъ славу рокотаху.

Пуцаше, въскладаше – гл. в имперфекте 3-го л., ед. ч. «пускал», «воскладал». Следовательно, к этой мысли уже неприменимо представление о тех трех князьях из первого предложения, которым будто бы пел славу Боян.

Выводы, сделанные в прошлом веке Е. В. Барсовым, а в наше время М. Н. Тихомировым и Б. А. Рыбаковым, следующие: Боян был гениальным поэтом второй половины XI в.,

воспевал князей-современников и князей старшего поколения. Традиция его была письменная, а не устная. Он был приверженцем семьи великого Киевского князя Святослава Ярославича, отца Олега Тмутороканского («Гориславича»), который был дедом Игоря. Это была ветвь Черниговских князей. И произведения Бояна были произведениями черниговского автора. В Похвальных словах Бояна воспевались: Тмутороканский «храбрый» Мстислав Владимирович, брат Ярослава Мудрого, Полоцкий князь Всеслав, Киевский Святослав Ярославич, Тмутороканский «красный» Роман Святославич, брат Олега Святославича («Гориславича»), сам Олег Святославич, бежавший от своего дяди Всеволода Ярославича из Чернигова в Тмуторокань к брату Роману, Борис Вячеславич, прокняживший в Чернигове 8 дней и бежавший в Тмуторокань к Роману за год до Олега (Тихомиров, 1968. С. 45–48).

А по гипотезе А. Л. Никитина, героем будто бы не дошедшей поэмы Бояна был молодой князь, «красный» Роман Святославич, выступивший в «героический и почти безнадежный поход против Всеволода», то есть против своего родного дяди (Никитин, 1977. С. 143, 148). Если все эти утверждения истинны, то должна существовать принципиальная возможность узнать это, так как выводы должны все-таки соответствовать некоторым фрагментам реальности. Если Боян действительно воспевал перечисленных князей, то первым в ряду должен быть назван Ярослав, почему-то не зачисленный в герои произведений Бояна. Но ведь сказано: «... песнь... Ярославу... Мстиславу... Роману...» Ярослав не зачислен, видимо, потому, что подтачивалась бы черниговская ориентация Бояна. Но чтобы узнать, имеется ли соответствие между утверждениями исследователей и действительностью, а в данном случае – это фрагменты текста памятника и других источников, на основании которых можно сделать вывод о том, каких князей и за что воспевал Боян, необходимо прояснить содержание тех фрагментов, в которых Боян поставлен в определенные отношения к князьям.

Первое отношение. В связи с разными формами гл.: помняшь («вспоминали»), пуцашь («пускали») и пуцаше («пускал»), въскладаше («восклада») – возникают непреодолимые обстоятельства для утверждения, что Боян воспевал князей за их участие в первых междоусобицах. Поэтому если мы сформулируем мысль, что Боян воспевал князей-междоусобников, то это утверждение будет ложным и не будет иметь соответствия с действительностью. В древнерусских памятниках письменности нет ни одного направления соответствия: от похвалы как формы прославления – к похвале междоусобнику-князю. Наоборот, центральным понятием является осуждение междоусобиц. Хотя личные боевые качества князей ценились и мораль свободных господ присваивала звание «храбрый» князю за смелые образцы военных действий в тех же междоусобных войнах, так как идея князя-вождя была в самом расцвете. Но чтобы обрести ясность в сообщаемой мысли автора, нужно определить – что же содержится в переданном им ряду князей: Ярослав, Мстислав, Роман, – в каких отношениях к ним мог находиться Боян. Ярослав – это Ярослав Мудрый. При нем сам Киев и Киевское государство достигли наивысшего расцвета. Похвала Ярославу содержится в статье 1037 г. «Повести временных лет» и в сочинении Киевского митрополита Илариона «Слово о законе и благодати». В том и другом случае Ярослав прославляется за укрепление христианского государства, за распространение просвещения и веры Христовой на Руси. О междоусобных его войнах нет ни слова. Поэтому, опираясь на имя Ярослава, можно считать его достаточным основанием для утверждения: Боян принадлежал к книжникам Киевской митрополии и в своей песне-похвале Ярославу, если он ее создавал, так как автор, как мы только что показали, напрямую не говорит об этом, – имел в виду те его поступки и достоинства, которые прославлены в летописи и в похвале Ярославу в «Слове о законе и благодати» Илариона.

Мстислав и Роман. Эти имена также выявляют информационное содержание разбираемого предложения: тот и другой – Тмутороканские князья-междоусобники. И хотя сам автор сообщает, что дело обстоит так, что Боян хорошо знал тропу Трояна – «через поля на горы», то есть к горам – в землю Трояна, расположенную в Приазовье, в низовьях Дона, куда дости-

гали владения Тмутороканских князей, – в то же время текст памятника не дает оснований говорить, что Боян воспевал Мстислава и Романа. Если мотивом создания песен по жребию соколами – Ярославу, Мстиславу и Роману – служили усобицы первых времен и в то же время понятие хвалы за междоусобные войны неприменимо к похвале Ярославу, – тогда следует предполагать, что и к двум другим князьям этого ряда не применялась хвала Бояна за междоусобные войны. Вспомним, что струны Бояна по своему усмотрению рокотали славу князьям, но каким – не сказано. Правда, если быть точным, то и на этот счет мы имеем косвенное указание автора, когда он говорит, что начнет свою повесть от старого Владимира (не далее его. – Л. Г.) до нынешнего Игоря, – следовательно, Боян воспевал предков Владимира: Святослава и Игоря, отца и деда. Но сам автор, в отличие от Бояна, решил этой темы не касаться.

Дальше автор говорит: «...песнь... Мстиславу, который зарезал Редедю пред полками Касожскими...», – но это был тот Мстислав, который из Тмуторокани пошел на своего брата Ярослава, великого князя Киевского, с полками хазар и касогов. В Чернигове он набрал в свое войско еще и северян, которых не считал своими дружинниками. Выставленные Ярославом против северян варяги посекли северян. Тогда Мстислав ударил на варягов и перебил их. После сражения, озирая поле битвы, радовался, что северяне и варяги перебиты, а его дружина цела: хазары и касоги. Однако автор говорит, что песнь по жребию была и Мстиславу. Эта фраза снабжает нас пониманием условий, при которых князю-междоусобнику слагали песню: он должен был «поратовать за христиан на поганые полки» или же в междоусобной войне совершить христианский поступок, как это было с Романом Святославичем. В 1079 г. Роман выступил против Всеволода «за обиду» своего брата Олега, которого Всеволод перед тем изгнал из захваченного Олегом Чернигова. Роман пришел с половцами, Всеволод заключил мир с ними, и половцы убили Романа. Таким образом, Роман положил голову за брата своего. В сходной ситуации погиб и Изяслав, брат Всеволода, который согласился помочь ему изгнать Олега из Чернигова. Об Изяславе летописец говорит, что погиб он за братнину обиду, что Господь о таких сказал: «Кто положит душу свою за други своя» (см. Ин. 15, 13). Соломон же говорил: «Братья в бедах помогают друг другу. Ибо любовь превыше всего» (ПВЛ. Статья под 1078 г.).

Принимая такие условия воспеваания князей-междоусобников, мы встаем на реалистическую позицию по отношению к воспеваемым по жребию князьям – Ярославу, Мстиславу и Роману. Точно так же дело обстоит и с самим автором «Слова о полку Игореве»: он хвалит своих героев за то, что они «поборая за христьяны на поганяя плъки», и ни одним словом не обмолвился о том, что незадолго до похода на половцев Игорь разгромил город Глебов у Переяславля в междоусобной войне с Владимиром Переяславским. Такому же историческому истолкованию поддаются и сочувственные интонации автора по отношению к Борису Вячеславичу, который в 1078 г. погиб под Черниговом в междоусобной войне против Всеволода «за обиду Олгову».

Второе отношение. Боян и Святослав Ярославич. – «Рек Боян и ходы на Святъславля...» (То, что здесь назван Святослав Ярославич, подтверждается упоминанием его сына Олега в этом же предложении.) В переводе эта фраза имеет следующее содержание: «Сказав, Боян и ходил (или пошел) на Святослава». – Есть устойчивое мнение среди исследователей, что в данном случае высказался не один Боян, а сразу (или, по некоторым версиям перевода, друг за другом, с некоторым временным промежутком) высказались два лица – Боян и Ходына, оба песнетворцы. Чтобы создать такое мнение о древней практике сдвоенных речевых актов, под причастием «рекъ» («сказав») подразумевают глагол «рекль» («сказал»), не объясняя почему, а к глаголу в форме аориста «ходы» присоединяют предлог «на». Однако, учитывая, что знание важнее мнения, разберем это предложение.

«Рек Боян и ходы на Святъславля пестворца старого времени Ярославля, Ольгова...»: «Тяжко ти головы, кроме плечю; зло ти телу, кроме головы». – «...Сказав, Боян и ходил на

Святослава, песнетворец старого времени Ярославова, Олегова...»: «...Тяжело и голове без плеч, зло и телу без головы».

Именно этой ситуации в данном предложении стоит быть потому, что слово рек – это не гл. «сказал», как ранее сказано, а прич. прош. вр., действит. залога, м. р., ед. ч., им. п. – «сказав». Поэтому после слова «Боян», как справедливо предполагал Л. А. Булаховский, союз «и» вводит сказуемое в форме аориста (Словарь-справочник, 1984. С. 125), то есть слово «ходы» должно быть не частью личного имени, например, Ходына, а сказуемым «ходы».

Ходы – от слова ход, которое имеет также значения «выход», «выходить», «достигать». Отсюда – ходить, хожу, шел. Форма «ходы» вместо «ходи» допускалась как явление диалектное. Такая форма встречена в новгородской берестяной грамоте № 131: «...а я быле о русалехо в Пудогге. А цто про Сямозерци хедыле есемо не платяще...» – «...А я был во время русалий в Пудогге. А что к Самозеричам ходил – (они) не платят...» (Буров, 1986. С. 219, 220).

Пестворца – это не существительное двойственного ч., им. п. и не служит признаком наличия двух действующих лиц в речевом акте – Бояна и Ходыны, а существительное единственного ч., род. п., так как форма единственного ч., им. п. «пестворьць» в данном контексте неприемлема из-за своей «невыразительности»: она совпадает с винительным п. ед. ч. «пестворьць» и родительным п. мн. ч. «пестворьць». В силу этого возникает трудность в разграничении субъекта и объекта действия: ходил ли на Святослава Боян-песнетворец, или Боян ходил на Святослава-песнетворца, или Боян ходил на Святослава и песнетворцев старого времени Ярославова, Олегова. Выход подсказывает «аристократический характер» древнерусской грамматики: при обозначении одушевленного объекта в винительном падеже (в нашем случае им. п. равнозначен вин. п.) слова м. р., обозначающие лиц в ед. ч. – причем только социально полноправных людей, – получали форму род. – вин. п. (с окончанием на «а») (Иванов, 1983. С. 268, 256, 258, № 1; 283–286). Здесь трудности с обсуждением проблемы, связанной с мнением, что Боян воспевал Святослава Ярославича, возникают в связи с тем, что Боян выступил с обличением Святослава и это получило отражение в «Слове о полку Игореве», в то время как о хвале Святославу не известно ничего.

Третье отношение. Боян «Коганя хоти». – Чтобы выявить смысл и значение этого выражения, приведем само предложение, как оно звучит у первых издателей: «Рек Боян и ходы на Святъславля пестворца стараго времени Ярославля, Ольгова, Коганя хоти...» – «Боян ходил на Святослава, песнетворец старого времени Ярославова, Олегова, – великого князя (царя) любимец» (пер. наш).

Олег – это Олег Тмутороканский, сын Святослава Ярославича. Святослав, великий князь киевский, скончался в 1076 г. Его сын Олег, князь без удела, находился после смерти отца под присмотром в Чернигове у своего дяди Всеволода. В этом же 1076 г. Олег бежал в Тмуторокань от Всеволода из Чернигова. В этом же году погиб великий князь киевский Изяслав, старший брат Всеволода, под Черниговом, придя на помощь Всеволоду против Олега, который вместе с Борисом привел половцев на Русскую землю и пошел на Всеволода. Олег был побежден, бежал в Тмуторокань, а великим князем киевским стал Всеволод. Поэтому когда в 1079 г. Роман пришел с половцами на Русскую землю против Всеволода «за обиду» своего брата Олега и был убит этими же половцами, то Всеволод с помощью хазар отправил Олега в ссылку в Византию, где он в течение двух лет пребывал на острове Родосе.

Коган (каган) – верховный правитель. В тюркской иерархии хаган – глава империи, большой федерации племен. Западная параллель хагану – гех (царь) (Чичуров, 1980. С. 90. № 153). В Киевской Руси титул каган в X–XI вв. иногда применялся вместо титула «великий князь» или «царь» (Словарь, 1991. С. 183; Высоцкий, 1985. С. 22, 23). В то же время термин «князь» обозначал не только «главу, старейшину, владыку», но и «господина, хозяина, владельца» (Словарь, 1980. С. 207). В этой связи ср. русск. каган, каганец («светильник»). Хоти – род. п., ед. ч. вместо им. п., ед. ч. слова хоть. Но им. п., ед. ч. хоть в этом случае не различался с вин. п.,

ед. ч. хоть. В силу этого, как и в случае со словом «пестворыць», трудно было разграничить субъект и объект действия. Поэтому использовался род. п. для обозначения одушевленного объекта, как в данном случае.

Слово хоть многозначно, но в этом контексте оно употреблено со значением «любимец, избранник», как, например, в летописной фразе: «И ради быша новгородци своему хотению» (избраннику своему, любимцу, Роману Мстиславичу, в 1168 г. прибывшему к ним на княжение).

Итак, приведём теперь это сложное предложение, в состав которого входит разобранное придаточное предложение, полностью в нашем переводе: «Сказав, Боян и ходил на Святослава, песнетворец старого времени Ярославова, Олегова, – царя (великого князя) любимец: «Тяжко и голове без плеч, зло и телу без головы». – Русской земле без Игоря». В этих предложениях мы видим точно подмеченное Б. М. Гаспаровым наличие в тексте «Слова» «сложнейших соотношений между различными точками повествования, изошрённых параллелизмов» (в данном случае между словами Бояна, сказанными Святославу об изгнанном им из Киева и находящемся в Польше великом князе киевском Изяславе, и выводом автора о том, что так же тяжело Русской земле без новгород-северского князя Игоря, находящегося в плену у половцев), наличие «нарушений синтаксической структуры в связи с влиянием соседних предложений». Так, синтаксически не мотивированный ход, когда сообщено, что «сказав, Боян и ходил на Святослава», а что сказал и кому, неясно, потому что сказанное Бояном отнесено в конец предложения, свидетельствует о том, что возникновение слов об Изяславе вызвало «лексическую индукцию», развитие противоположного – слов о состоянии Русской земли без Игоря, которое оказалось, под влиянием соседних предложений, таким же, как некогда во время вынужденного отсутствия Изяслава. Но для того чтобы содержание предложений было доступнее, воспользуемся уже применённым выше методом перестановки прямой речи Бояна с конца предложения в его начало. «Тяжко и голове без плеч, зло и телу без головы», – «сказав, Боян и ходил на Святослава, песнетворец старого времени Ярославова, Олегова, – царя (великого князя) любимец». – Сила этой модели такова, что мы должны признать, что здесь представлен «сценарий» конфликта Бояна с великим князем киевским Святославом Ярославичем после какого-то поступка этого князя, когда стало «тяжко и голове без плеч, зло и телу без головы».

Этот поступок Святослава известен, он существует в летописной статье 1073 г.: «Воздвиг дьявол распрю в братии этой – в Ярославичах. И были в этой распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава... Святослав же был виновником изгнания брата (с киевского престола), так как стремился к ещё большей власти... Изяслав ушел в Польшу... А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступил заповедь отца, а больше всего Божью. Велик ведь грех – преступать заповедь отца своего». – Совершенно ясно, что именно эту ситуацию обозначил Боян словами: «Тяжко и голове (Изяславу, верховному правителю) без плеч (без киевского престола), зло и телу (Русской земле) без головы» (без Изяслава, законного правителя), – когда он «ходы на Святъславля».

Хорошо известен и тот факт, что игумен Киево-Печерского монастыря Феодосий «ходил на Святослава»: «Отец наш Феодосий, исполнившись Духа Святого, стал укорять князя, что несправедливо он поступил и не по закону сел на престоле, изгнав старшего брата своего, бывшего ему вместо отца» (ПЛДР, 1978. С. 379). Обличая Святослава, Феодосий писал ему письма, в том числе большое послание, в котором сравнивал его с братоубийцей Каином, однако ничего не известно, чтобы Феодосий занимался литературным творчеством, связанным с историей Русской земли и с прославлением князей. Все это заставляет высказать утверждение, что Феодосий был не одинок, что у него был сподвижник, и притом человек его круга – из духовенства, ибо подобает им, по словам того же Феодосия, обличать князей и поучать о спасении души. А князьям следует выслушивать это. Поэтому мы склонны считать, что отражение укоризны Святославу сподвижника Феодосия мы находим в «Слове о полку Игореве».

Но чтобы перейти к аргументации с целью определения исторического лица, дерзнувшего, как и Феодосий, выступить против Святослава, вернемся к струнам Бояна.

Боян «своя вещиа прѣсты на живая струны въскладаше, они же сами Княземъ славу роко-таху». – Струны живые, такие, которые живут, обладают жизнью, имеют свойства живого существа, свежие, бодрые. Эпитет для струн – редкий. Кроме того, есть некоторая неопределенность относительно самого музыкального инструмента, так как он не назван. Но, учитывая опознавательную примету, – игру 10-ю пальцами, – можно утверждать, что подразумеваются гусли, которые выступают здесь в качестве знака – представителя другого предмета, других свойств и отношений. Тем более что персты у Бояна вещие (мудрые, вновь редкий эпитет), как и сам Боян вещий. Поэтому следует отвергнуть точку зрения, что Боян был обычным песнетворцем, который сопровождал свои Похвальные слова князьям игрой на гусях. Если «живые струны» сами рокочат славу князьям, то это не музыкальное сопровождение сочинений Бояна, а самостоятельные сочинения для гуслей. В этом случае мы должны признать, что гусли выступают как символ Бояна, его свойств и его отношений к князьям.

Утверждение автора в предложении о струнах напоминает положение дел в христианской письменной практике. Так, Константин Болгарский, обращаясь к слушателям со своими поучениями, говорит: «Восприимем гусли духовные» (Срезневский, 1863. С. 191, 192). В «Похвале и чудесах Прокопия, юродивого Устюжского» сказано: «Радуйся... Гусль богодвижимая» (Похвала, 1554. Л. 115–149). В рукописном Евангелии 1358 г. заставка – гусяр. Надпись «Гуди гораздо» (Евангелие, 1358. Л. 60).

Но самое примечательное, что и Священное Писание не умолчало о гусях, о смысле этого символа. «И видел я как бы стеклянное море, смешанное с огнем; и победившие зверя и образ его, и начертание его и число имени его, стоят на этом стеклянном море, держа гусли Божии...» (Откр. 15, 2.) Толкование св. Андрея, архиепископа Кесарийского, духовного писателя второй половины V в.: «Гусли означают умерщвление и благоустроенную в согласии добродетелей жизнь, руководимую смычком Святого Духа» (Толкования, 1992. С. 121).

Слово «умерщвление», помимо лишения жизни, включает в себя значение «прекращение развития чего-нибудь, приведение в пассивное состояние», в том числе умерщвление плоти. Так что если о человеке было сказано: «муж благостный, книжный и постник» и что он ходил на Днепр, на холм, и пел там церковные часы (богослужение из двух частей: трипсалмие, затем тропари, кондаки и заключительные молитвословия) (ПВЛ – об Иларионе, пресвитере церкви святых Апостолов в Берестове под Киевом), – то, вооружившись приведенным толкованием гуслей, мы можем сказать, что это была «жизнь, руководимая смычком Святого Духа» или «гусль богодвижимая». Совершенно ясно, что гусли будут выступать здесь в качестве знака – представителя другого предмета, других свойств и отношений.

Подведем итоги в этой части. Указание Андрея Кесарийского на гусли как знак, устанавливает отношение между этим знаком и его обозначаемым. С точки зрения этого мировоззрения, Боян выступает как «муж благостный, книжный и постник», который, умерщвляя плоть, вел жизнь «благоустроенную в согласии добродетелей». А в соответствии с полученными нами выводами, принадлежал к книжникам Киевской митрополии, был, очевидно, близок к Ярославу Мудрому («коганя хоти» – «любимец великого князя Киевского», так, во всяком случае, «каганом», в источниках после Владимира назван его сын Ярослав) и в то же время был связан каким-то образом с Тмутороканским княжеством. Обличал Святослава за то, что «преступил заповедь отца, а больше всего Божью», изгнав старшего брата Изяслава с киевского престола.

Отношение Бояна к Всеславу Полоцкому не добывалось в ходе данного исследования, оно достаточно ясно: Боян, укоряя Всеслава, сказал ему, что «ни хитрому, ни гораздому, ни птице гораздой суда Божьего не миновать». Когда это могло произойти? Известно, что в начале 1067 г. Всеслав поднял рать в Полоцке и захватил Новгород. Ярославичи – Изяслав, Святослав и Всеволод – выступили против него, сразились с ним в начале марта и одержали победу, но

сам Всеслав бежал от них. И только 10 июля под Смоленском они хитростью захватили его в плен, Изяслав доставил его в Киев и посадил в тюрьму вместе с двумя сыновьями. Суд Божий, на первый взгляд, состоялся. Однако хитрость была проявлена не Всеславом, а Ярославичами. А Боян предвещал ему суд за его хитрость и умелость. Следовательно, не в этом случае Боян сказал ему свою укоризну. Но через год с небольшим, 15 сентября 1068 г., киевляне, недовольные ведением военных дел Изяславом против половцев, восстали, Изяслав бежал из Киева, а киевляне освободили Всеслава из тюрьмы, прославили его среди княжеского двора, придав тем самым Всеславу юридический статус великого князя Киевского⁷⁹, и посадили на престол. Современники могли усмотреть в этих событиях хитрость и умелость самого Всеслава, так как он давно стремился захватить киевский престол. Вот в этом случае Боян мог грозить ему Божьим судом за незаконный захват престола.

Далее мы отчетливо ставим вопрос о Бояне под его христианским именем, и как об историческом деятеле русской культуры.

⁷⁹ Если «сребрено стружие», трофей Игоря – копье и «стружие» Всеслава – тоже копье, тогда это «копье из серебра» Митры, копье русских князей как охранителей порядка, судей над всеми людьми.

Глава 2

БОЯН – АВТОР ДОШЕДШИХ ДО НАС ПРОИЗВЕДЕНИЙ XI в.

Боян – мирское языческое имя для образа персонажа из социальных верхов киевского общества, что, конечно, не значит, что Боян язычник, но с достаточной ясностью указывает на характерную черту религиозного мировоззрения того времени, когда христианское имя не выставлялось на вид с определённой целью, поэтому пользовались языческим именем. Этот класс имен в древности считался родовым и переходил в отчество. Ср. имена бояр: Вышата, Добрыня, Ратибор, Творимир; имена князей: Святослав, Ярослав и т. д. Поэтому князья Ярославичи, а не Георгиевичи (Георгий – христианское имя Ярослава).

Имя Боян принадлежит русской традиции, сходное по звучанию имя в форме Баян (через «а») встречалось у тюркских народов, связанное с «богатый». Однако в русском имени Боян «наиболее очевидным является сближение с бой (Фасмер М. Т. 1). Следует отметить, что М. Н. Тихомиров также не считал имя Боян тюркским и допускал, что оно «могло войти в русский обиход с очень древних времен» (Тихомиров, 1986. С. 44). В письменных памятниках Древней Руси четыре раза встречен Боян: улица Бояна в Новгороде, свидетель Боян в Пскове, Боян-новгородец, живущий в Озеревах и задолжавший 6 кун, и наконец Боян, житель Русы (современной Старой Руссы), задолжавший ростовщику одну гривну (Арциховский, 1978. С. 295–299). Латинское *bovis, bos* – «домашний бык, вол». Самнитский город в Нижней Италии *Bovianum* (Бовиан) впоследствии назывался Боян (Дворецкий, 1976). Полное название этого города было *Bovianum Undecimanorum* («бычий (город) солдат 11-го легиона»). Со времен Августа он был римской колонией и заселялся ветеранами. Боян – название озера в современной Румынии, земле фракийского племени даков. Русское «боян» и «буян» – синонимы (глагол несовершенного вида – боянить, буйствовать, буянить): «буян, сильный ветер; поваленное в лесу дерево; гроза с сильным ветром» (Словарь областной, 1982. С. 98, 195, 179, 184). В свою очередь, «буян» и «буй» также синонимы: буй – «храбрый, отважный; дикий»; «буйный, буян» (Фасмер М. Т. 1). Ср.: в «Слове о полку Игореве»: «Ты буй Рюриче и Давыде»; «ты буй Романе и Мстиславе».

Но «вещий Боян, Велесов внук» (мудрый Боян, Велесов сын). – Что является содержанием данного утверждения? Мы распознаем это содержание как мифологическую связь Велеса (Волоса) с русским народом: он воспринимался как покровитель русского народа, как языческий бог «всей Руси» (Успенский, 1982. С. 37, 55). Поэтому можно предположить, что эта связь нашла отражение в утверждении «Боян, Велесов внук» и смыслом его является информация о том, что Боян русский по рождению, русин. Однако в контексте функции Велеса как покровителя красноречия и поэзии.

О социальном и имущественном положении Бояна мы располагаем знанием из не менее авторитетного источника: из надписи в Софии Киевской о земле Бояна, если Боян надписи – это «наш» Боян. Об этом мы также располагаем знанием, полученным, правда, косвенным путем. «Месяца января в 30, на Святого Ипполита, взяла землю княгиня – Боянову – княгиня Всеволодова – а перед Святою Софиею, перед попами. А тут был попин Яким Домило, Пателей Стипко, Михалько Неженович, Михаил, Данило, Марко, Семьон, Михаил Елисавинич, Иван Янчин, Тудор Тубышев, Илья Копылович, Тудор Борзятнич. А перед теми свидетелями получила землю княгиня Боянову всю. А отдала за нее семьдесят гривен собольих. А в этом (наличная часть от) семисот гривен» (пер. наш) (Высоцкий, 1966. С. 64. Табл. XXVII).

Несколько слов о времени выполнения надписи о Бояновой земле. Княгиня Всеволода-Андрея Ярославича овдовела в 1093 г., сама она скончалась в 1111 г. и была захоронена

в Андреевском (Янчином) монастыре. Между этими датами и была приобретена вдовой Всеволода земля Бояна.

Правда, исследователь надписи С. А. Высоцкий считает, что надпись сделана во второй четверти XII в., когда вдова Всеволода уже скончалась. И земля перешла к другой вдове и другого Всеволода. И среди свидетелей передачи земли Бояна под именем Михаила исследователь видит Михаила – митрополита Киевского второй четверти XII в. Это могло быть и так, если бы допускалось тогда во главе списка свидетелей назвать, как считает исследователь, епископа Туровского Якима Домило, а главу русского священства, митрополита Киевского, – четвертым по счету, называя его, как и всех свидетелей, просто попом, то есть священником. На самом деле перечисление лиц шло по строгой иерархии. Например, в летописной статье 1089 г. об освящении церкви Печерской Пресвятой Богородицы в Феодосиевом монастыре: «Освящена была церковь... Иоанном митрополитом и Лукою, Белгородским епископом, Исаем, Черниговским епископом...» Даже перечисление епископов шло по иерархии епископских кафедр. В летописной статье 1091 г. о перенесении мощей Феодосия этот перечень выглядит следующим образом: «...собрались епископы: Ефрем Переяславский, Стефан Владимирский, Иоанн Черниговский, Марин Юрьевский» (ПВЛ).

О социальном положении Бояна можно судить по составу свидетелей сделки: все они священнослужители. Этот признак является безупречным, и по нему с несомненностью можно заключить, что Боян был из среды духовенства, так как при сделке между светскими людьми такое не практиковалось, – свидетелями были также светские люди (Марасинова, 1966). Причем Боян принадлежал к высшей церковной иерархии: среди свидетелей находятся священнослужители высокого ранга. Так, например, один из них, Иван Янчин, надежно отождествляется со священником Андреевского-Янчина монастыря, основанного в Киеве Всеволодом-Андреем Ярославичем в 1086 г. для своей дочери Янки, который стали называть Янчиным монастырем. Отметим, что ошибочно считать, что земля перешла к другой вдове и другого Всеволода еще и потому, что «другой Всеволод» – это Всеволод Ольгович, который скончался в 1147 г., когда митрополитом Киевским был уже не Михаил, а Климент Смолятич. Помимо этого, «во второй четверти XII в.» игуменом Янчина монастыря был не Иван, а Григорий, он упомянут в начале этой «второй четверти», в 1128 г. (Макарий, 1995. С. 172, 609. № 68; С. 663). Автор записи о Бояновой земле не упомянул при именах свидетелей ни одной должности, занимаемой этими лицами, что, по сведениям М. Д. Приселкова, означает в таких случаях громкую известность данных лиц в Киеве во время записи (Приселков, 1940. С. 25, 27, 31). Подтверждением высокого социального положения Бояна служат размер и качество его земли, а следовательно, и ее стоимость – 700 гривен. Расположение надписей в этом соборе обусловлено социальной принадлежностью носителей имен, упоминаемых в надписях, значением изображений, на которых они выполнены, и значением архитектурных частей храма – его внутренних помещений, где эти надписи находятся. Таким образом, каждой надписи свойственно значение как единице языка храмовых граффито, – существует семантика самих надписей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.